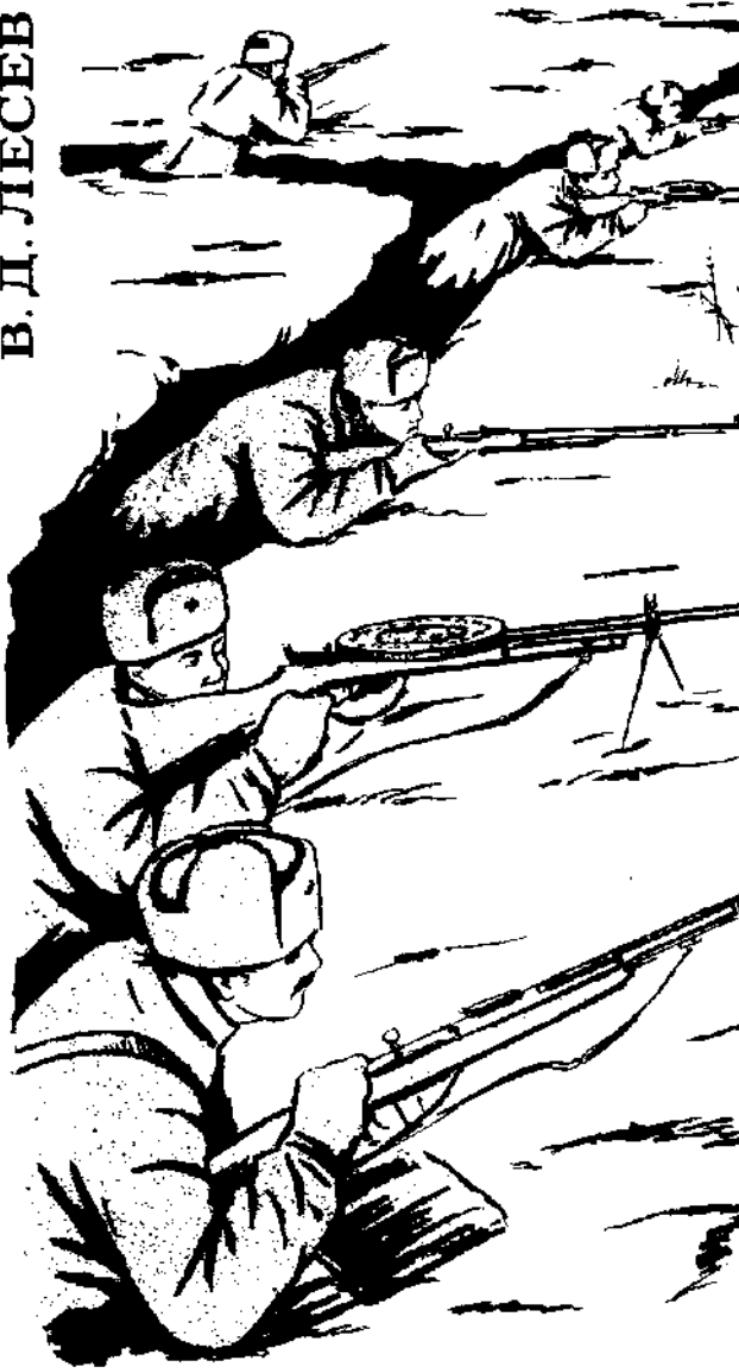

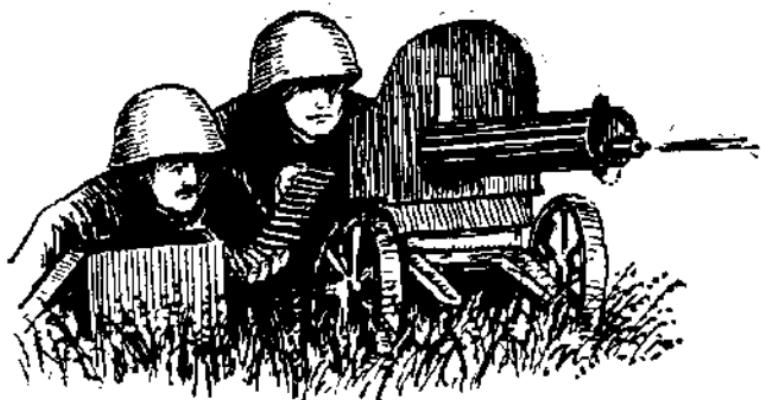
ОДНОПОЛЧАНИЕ

В. Д. ЛЕСЕВ

В. Д. ЛЕСЕВ

ОДНОПОЛЧАНЕ

НАЛЬЧИК · «ЭЛЛЬБРУС» · 1994

Книга посвящена сынам Кабардино-Балкарии — однополчанам по 203-й Запорожско-Хунзахской орденов Красного Знамени и Суворова II степени стрелковой дивизии, прошедшим в 1942—1945 годах боевой путь от Дона до Чехословакии и участвовавшим в разгроме японских милитаристов на территории Китая.

Л 0503020600-058
М125(03)-94 65-94

ISBN 5-7680-0857-8

© В. Д. Лесев, 1994

В АВГУСТЕ СОРОК ВТОРОГО

Книга эта о наших земляках из Кабардино-Балкарии, кому в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов довелось служить и воевать в 203-й стрелковой дивизии. Дивизия формировалась весной 1942 года на Кубани и в конце мая выступила на фронт. В ее состав входили 592-й, 610-й, 619-й стрелковые и 1037-й артиллерийский полки, 419-й отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион и другие подразделения усиления. На пополнение личного состава в дивизию пришли молодые люди 19—20 лет, в основном из областей, краев и автономных республик Северного Кавказа.

В начале лета на среднем Дону, куда вышла дивизия, стояло затишье. В полках, батальонах, ротах и дивизионах продолжалась боевая учеба, отрабатывались тактические приемы взаимодействия подразделений, проводились учебные стрельбы. Бойцы рыли траншеи и орудийные дворники, по-пластунски преодолевали километры пыльных степных оврагов. Прибывала новая техника, пополнялось недостающее вооружение. И все это, как тогда казалось, произошло в глубоком тылу.

В июле обстановка вдруг резко изменилась. Сначала появилась вражеская авиация. Потом нескончаемым потоком потянулись беженцы. Сполохи разрывов бомб, снарядов и мин нарушили покой донской

степи. Дымы пожарищ и клубы пыли повисли над Доном. К реке устремились фашистские бронетранспортеры с автоматчиками. Все новые соединения Красной Армии вступали в бой. Наступил час и 203-й...

Отразив попытки врага с ходу форсировать Дон, дивизия в составе 63-й армии принимала участие в нанесении контрудара, а затем и в захвате плацдарма на правом берегу Дона.

Фашистское командование вынуждено было в самые критические дни для защитников твердыни на Волге ослабить там натиск и отвлечь часть сил на средний Дон. Случилось это в последней декаде августа сорок второго года...

Собирая материалы для этой книги и встречаясь с ветеранами дивизии, я неожиданно столкнулся с противоречивыми сведениями, касающимися одного и того же события. Одни утверждали, что форсирование Дона проводилось на плотах, другие — при помощи протянутых через реку канатов. Одни — против крутого обрыва у хутора Рыбного, другие — у станицы Еланской.

Хоть и сомнительной, но очень заманчивой казалась мне вторая версия. Я знал, что у Еланской форсировали Дон батальоны 197-й дивизии, а переправу наводили саперы 66-го отдельного гвардейского батальона, которым командовал капитан Николай Матвеевич Грибачев, впоследствии известный советский поэт, прозаик и публицист, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР. Кто знает, быть может, именно он переправлял подразделения, где служили наши земляки?

О событиях той поры есть несколько произведений писателя, в том числе повесть о солдатах и комбатах «Белый ангел в поле». Повесть эта, на мой взгляд, одна из лучших книг о Великой Отечественной войне

в нашей литературе. Кстати, о переправе у Еланской в повести сказано следующее: «...Переправа на войне — страшное место, громят ее всем, чем могут достать, а ни рассредоточиться, ни укрыться, ни дать сдачи. Уже на подходе у офицеров и солдат легкий ознобец на душе. А поскольку у нас батальоны и полки — с купанием, правда, — уходят за Дон, как по конвойеру, при неправдоподобно мизерных потерях — подбегай и валяй настолько быстро, насколько успеваешь руками перебирать, то кому-то и представилась она во всем, по наставлениям, богатстве технической оснащенности и защиты. Это при двух-то голых канатах, при голом песке!»

В беседе с одним из ветеранов 203-й дивизии мне довелось услышать, что он форсировал Дон у станицы Еланской и точно таким способом, как в повести Н. М. Грибачева. Я не мог не выразить сомнения и спросил, не под впечатлением ли прочитанного воспроизвел он эту картину? Не выразив особой обиды по этому поводу, он лишь спросил, где об этом можно прочитать. Когда была названа повесть «Белый ангел в поле», мой собеседник немного подумал, а потом откровенно признался, что никогда такой книги не читал. В это трудно было поверить, так как и время, и место, и способ преодоления водного рубежа сходились с поразительной точностью.

Тогда, не надеясь на успех, я все же осмелился написать письмо Николаю Матвеевичу Грибачеву, попросил внести ясность и рассеять все возникшие сомнения. Трудно передать волнение, с которым читал я ответ писателя. Так как письмо его имеет непосредственное отношение к дальнейшему изложению, то привожу его полностью:

«19.3.1989. Уважаемый Виталий Дмитриевич!

Получил Ваше письмо. Что правда о переправе под Еланской? Переправа по канатам была органи-

зована 66-м гвард. отд. саперным батальоном при 59-й (тогда 197-й) гв. с. д. Именно она стояла под Еланской. 203-я стояла левее. Переправляясь она на плотах у хутора Рыбный с ужасной, нависавшей над Доном меловой высотой. Переправа у 203-й получилась тяжелой. Плоты, сами знаете, неповоротливы, а берег напротив скользкий, огромные потери при переправе. Половине добравшихся там просто не вылезти на меловой, как мыльный, закраек берега. А сверху — пулеметы. Поэтому главное решали пани батальоны Понова и Суетина, устремившиеся леском, в котором не было оборонительных сооружений, в тыл итальянцам на высоте против 203-й стрелковой дивизии.

Где-то в середине дня ко мне на переправу привели начальник штаба и заместитель командира 592-го стрелкового полка 203-й дивизии с просьбой переправить их батальоны.

Я еще с пими торговался, чтобы подкинули лошадей, от станции до переправы песок, а надо было подвозить бочки для парома. Торг не удался, я получил приказ их переправить, что и было осуществлено. Это я проверил по дневнику, который с тех времен сохранился.

Кстати, Ягодное в то время не было взято, хоть плацдарм и без того получился ладный. Но, конечно переправлявшиеся не могли знать, кто наводил переправу, — мы скрыли это даже от своего командира дивизии, мало ли что могло получиться. Все же «само деятельность»!

За письмо спасибо. Здоровья Вам и удачи в делах
Бывший комбат Н. Грибачев».

Вскоре, будучи в Минске, в одном из книжных магазинов я случайно обнаружил книгу Николая Матвеевича Грибачева «Когда становишься солдатом...».

В книгу вошли записки, дневники и воспоминания писателя. Как же раньше она мне не встретилась? Ведь еще с 1985 года (по публикации в «Огоньке») было известно, что она готовилась к изданию. Книгу не только приобрел, но и тут же стал читать. Читал с удовольствием и огромной заинтересованностью. Ведь в ней речь о действительных событиях, участником которых был автор. Конечно, пишет и о канатной переправе. Перечитал несколько раз. Могу утверждать, что до мельчайших подробностей изучил факт форсирования Дона под Еланской. А главное, в книге я обнаружил подтверждение своих предположений о том, что канатная переправа, наведенная батальоном капитана Н. М. Грибачева, явилась не просто оригинальным сооружением, спасшим тысячи человеческих жизней, в том числе и служивших в переправлявшихся там полках наших земляков, но и не имела, видимо, аналога в Великой Отечественной войне.

Полученные сведения, поддержка и помощь известного в нашей стране писателя прибавили сил и уверенности в реализации задуманного и помогли в работе над рукописью. За оказанное мне внимание искренне благодарен Николаю Матвеевичу Грибачеву.

С переправы на Дону в августе 1942 года начался славный боевой путь 203-й стрелковой дивизии, к концу войны именовавшейся Запорожско-Хинганской орденов Красного Знамени и Суворова II степени, вырастившей в своих рядах 27 Героев Советского Союза. Долю ратного труда и подвига в ее боевую легенду внесли сыны Кабардино-Балкарии. О них и пойдет наш рассказ дальше.

НА ПЛАЦДАРМЕ

Еще на марше к станице Еланской командир взвода противотанковых ружей 419-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона лейтенант Карабай Кербекович Тухужев получил приказ форсировать Дон вместе с 592-м стрелковым полком и прикрыть наступление его батальонов при захвате плацдарма.

Уточнив порядок выхода к переправе и переброску материальной части, основное внимание взводный уделил разговору с бойцами, которые не умели плавать и впервые готовились к форсированию такого крупного водного рубежа. К счастью, личный состав взвода успешно справился с задачей. После небольшого нервного напряжения, когда пришлось «на руках» преодолевать реку в самом глубоком месте и стараться не оторваться от троса, все были немного возбуждены. Но быстро привели в порядок обмундирование и снаряжение и зашагали по задонской степи.

Стоило тревогам, связанным с форсированием, отступить, как мысль Карабая Кербековича невольно вернулась к недавним событиям. Надо же было такому случиться! При переходе от Серафимовича до Еланской ему посчастливилось встретиться не просто с земляками, в дивизионе служило несколько человек из Кабардино-Балкарии, а с односельчанами из Нартана, которых знал еще с детства.

Первая встреча произошла на берегу Дона во время небольшого привала. Место, которое облюбовал командир дивизиона старший лейтенант А. Ф. Чаплыгин, было чудесным. Зеленая роща нависла над берегом реки, дальше тянулась песчаная коса, отделявшая от реки небольшое озерцо, образовавшееся во время половодья. За озерцом обосновались на при-

вал пехотинцы. Оттуда доносились голоса купавшихся бойцов. Многокилометровый марш и летний зной требовали отдыха. Поэтому, как только прозвучала команда на привал, все мгновенно сбросили обмундирование и сняли обувь. Даже не верилось, что где-то гремела война. Такими мирными выглядели небо, река, зеленая роща и притихшие от охватившего их чувства покоя бойцы.

Командир дивизиона решил, что в озере вода теплее, чем в реке, поэтому предложил Тухужеву испытаться в нем. Предложение было принято, они пересекли песчаную косу и спустились к берегу озера. Навстречу им из воды вышел человек, лицо которого показалось знакомым Карабаю Кербековичу. Не обращая внимания на остановившихся рядом офицеров, купальщик извлек из карманов лежащих на берегу брюк два носовых платка и начал их стирать. Еще сомневаясь в своих предположениях, Тухужев негромко спросил:

— Гумар?

Молодой человек повернулся в его сторону и внимательно взглянул на лейтенанта, назвавшего столь редкое имя. Ошибки быть не могло. Еще в детстве лошадь копытом рассекла лоб Гумару Берсекову. Остался глубокий шрам, по которому Тухужев окончательно убедился в том, что перед ним односельчанин.

Встреча взволновала обоих. Вспомнили родной Нартай, босоногое детство, школу, общих знакомых. От Гумара узнал лейтенант, что тот служил в 592-м стрелковом полку, что вместе с ним призывались и служили Хуссейн Дышеков, Хазиз Машитлов, Тен Сабиев и другие ребята. Они уже было договорились наведаться к землякам, но последовала команда на построение, и Гумар, быстро набросив обмундирование, побежал к своему батальону.

К. К. Тухужев

А с Теном Сабиевым довелось встретиться Карагаю Тухужеву перед самой переправой. Но как это не раз случалось на фронте: сегодня радостная встреча, а завтра — грустное расставание, порой навек. Так и в этом случае. Не прошло еще волнение от встречи, не успел обо всем поразмыслить лейтенант Тухужев после переправы, как пришла горестная весть: при форсировании Дона утонул Тен Сабиев. Не суждено было ему вступить в бой с врагом на Донском плацдарме.

С мыслями о встречах с односельчанами и вел лейтенант Тухужев свой взвод по задонским степям. Солнце поднялось над горизонтом, стало припекать. От быстрой ходьбы всех томила жажда. Но впереди насколько хватал взгляд, не было видно ни населенного пункта, ни деревца, ни даже кустика. Наконец вышли они к проселочной дороге. Она вела к видневшейся вдали широкой лощине, от которой отходили три степные балки. Местность хорошо просматривалась. Но, чтобы уточнить обстановку, лейтенант Тухужев остановил взвод. И тут же послышались автоматные очереди. Кто-то из бойцов крикнул: «Фашисты».

Действительно, было видно, как из одной балки по ее склону начала двигаться цепь вражеских автоматчиков. Тем, кто находился в лощине, их манев-

не был виден. Быть может, с этой стороны наши воины и не ждали атаки. Решение принято мгновенно.

— К бою! — скомандовал взводный.

Расчеты ПТР рассредоточились и залегли. Когда стало ясно, что через несколько минут автоматчики могут скрыться за складкой местности, раздалась команда: «Огонь!».

Залп противотанковых ружей послужил сигналом для наших воинов и внес замешательство в ряды противника. Внезапная атака была сорвана. Но в этот момент появилось пять вражеских бомбардировщиков. Они медленно пролетели к Дону, там развернулись и сбросили свой смертоносный груз на лощину. Почти тут же ударила вражеская артиллерия и пошли в атаку автоматчики. Над котловиной, которую кто-то окрестил Ягодной балкой, куда держал путь взвод противотанковых ружей, поднялись клубы порохового дыма.

...Вспоминая события тех дней, уроженец Бакеана Николай Григорьевич Овчаренко, служивший рядовым стрелком 3-го батальона 592-го стрелкового полка, рассказывал:

— Трудно объяснить, почему мы, только что преследуя спасавшихся бегством итальянцев, оказались в столь сложном положении. Видимо, окрыленные легкостью, с которой удалось захватить плацдарм, наши командиры не позаботились обезопасить фланги. А легкая победа всегда кружит голову. Да в то время никто из нас и предполагать не мог, что противник сможет так быстро опомниться и нанести ответный удар. Расплата за беспечность наступила быстро. Наш батальон был зажат в Ягодной балке. В ней пришлось вести бои несколько суток. Вместе со мной в 592-м полку служило немало бакеанцев. Григорий Чупрун, например, был со мной в одном отделении.

Из других помню Федора Бороненко, Георгия Калинченко, Павла Мартыса, Валентина Розова, Василия Сухоносова, Анатолия Щелочкива. Конечно, теперь всех назвать невозможно. Противник занимал господствующие высоты и контролировал каждое наше перемещение. Поэтому, несмотря на мужество моих однополчан, после нескольких бомбёжек, непрерывного артиллерийского и минометного обстрела и патинка фашистских автоматчиков мы вынуждены были отходить из Ягодной балки. В тех боях смертью храбрых пали многие мои однополчане. А я 27 августа 1942 года был тяжело ранен. Мои боевые друзья сумели вынести меня из того огненного ада...

Когда санитары доставили носилки с раненым Н. Г. Овчаренко к переправе, там его встретил Георгий Иванович Совершениев из Баксана, служивший в роте связи 592-го стрелкового полка. Не думали тогда земляки, что придется до конца войны им еще раз свидеться. А встреча такая состоялась, но уже в другой дивизии.

Что же касается судьбы других бойцов из Кабардино-Балкарии, то в районе Ягодной балки Гумар Берсеков и Хусейн Дышеков не смогли прорваться через вражеское кольцо и с группой наших воинов попали в плен. Прошли все тяготы и лишения гитлеровских концлагерей. С подорванным здоровьем вернулись домой. Война догнала их в мирное время...

А взвод противотанковых ружей лейтенанта К. К. Тухужева в разрывах мин и снарядов, под пулеметным огнем противника отходил на новый рубеж, чтобы там закрепиться и помочь воинам 592-го стрелкового полка удержать захваченный плацдарм.

НАЧАЛО

Нет уже в живых Анатолия Александровича Чумаченко, но память о нем живет в коллективе Нальчикского ордена Знак Почета машиностроительного завода. Многие годы отдал он этому предприятию. А в Нальчик привела его война.

В 1941 году заканчивал Анатолий Чумаченко третий курс Днепропетровского металлургического института. Осталось сдать последний экзамен летней сессии, когда пришла весть о нападении фашистской Германии на нашу страну. Вскоре фронт приблизился к Днепру. Вместе со своими однокурсниками стал Чумаченко бойцом саперного батальона 1-й стрелковой бригады. Отходил до Чалтыря. Как только позволила обстановка, их, несколько человек из бригады, откомандировали в военные училища. Чумаченко стал курсантом Урюпинского военно-пехотного училища, которое в то время находилось в Нальчике. Так состоялось его первое знакомство со столицей Кабардино-Балкарии.

В связи с военной обстановкой сроки обучения были сокращены и уже в начале марта 1942 года их группу аттестовали и направили в войска. В звании лейтенанта прибыл А. А. Чумаченко в Лабинскую, где шло формирование 203-й стрелковой дивизии. А когда дивизия выступила на фронт, принял он командование первым взводом третьей роты первого батальона 592-го стрелкового полка.

Мне не раз приходилось встречаться и беседовать с Анатолием Александровичем.

— Не могу вспомнить, — рассказывал он, — по какой причине наш полк в ночь на 22 августа 1942 года не смог переправиться через Дон. Дилем последовал приказ выступить в район Еланской. Ускоренным маршем прибыли мы к Дону, к канатной переправе. Спо-

соб форсирования был до удивления прост. Требовалось, перебирая руками вдоль переброшенного через реку каната, идти по дну сначала, а на глубине перемещаться на руках, не отрываясь от каната. Мы сумели довольно быстро и без потерь преодолеть водный рубеж. Оказавшись на правом берегу Дона, двинулись к переднему краю. Когда перешли глубокую балку и поднялись на ее скат, увидели дымы горящего пшеничного поля и воронки от недавних разрывов бомб и снарядов. У этого ската и вступили мы в бой...

Это уже позже стало известно, что был захвачен плацдарм глубиной 13 километров и шириной 12 километров. Полки захватили несколько хуторов. За успешное выполнение боевой задачи 150 воинов дивизии удостоились первых наград. В их числе медалью «За отвагу» был награжден и лейтенант А. А. Чумаченко. В его семье до сих пор бережно хранится боевая характеристика тех дней. Вот о чем в ней говорится: «...Лейтенант Чумаченко Анатолий Александрович, 1920 года рождения, с марта 1942 года в 592-м стрелковом полку. Активно участвовал в полиграфии, был групповодом политзанятий. Боевой приказ в боях 22 — 23 августа взводом выполнен. Л-т Чумаченко хорошо дрался с итальянцами, храбро действовал и руководил взводом. Военком 1 сб. политрук В. Сендерек. 06.09.42 г.».

Участок, на котором окопалась третья рота первого батальона, оказался в непосредственной близости от окопов противника. Проходившая по гребню проселочная дорога и часть пшеничного поля на скате разделяли обе стороны. Отчетливо слышались команды и даже громкий разговор во вражеских окопах.

На том рубеже произошло немало памятных событий. Во время наступления на плацдарме бойцы взвода захватили два ротных итальянских миномета

и большой запас мин к ним. Калибр миномета меньше нашего, поэтому особый ущерб этим оружием противнику нанести вряд ли удалось бы. В минуты затишья кто-то из бойцов предложил использовать вражеские минометы для заброски листовок итальянцам. Сработала солдатская смекалка и техническая мысль взводного. У мины снималась и разряжалась головка, к ней мастерили пустотелый удлинитель, в него закладывали листовки, соединяли с корпусом, прикручивали головку и запускали мину во вражеский стан. Идея всем пришла по душе. Но никто не знал итальянского языка. А первые листовки с рисунками и подписями на русском должного эффекта не давали. Только слышалось в ответ: «Русс Иван! Кушишай хочешь?»

По всей вероятности, о солдатской выдумке третьего взвода кто-то доложил начальству, потому что в один из вечеров на передний край прибыл инструктор политотдела с переводчиком. Они-то и предложили выступить с короткой речью на итальянском языке.

Самым грамотным в роте был лейтенант Чумаченко, но и он не мог читать по-итальянски. Тогда текст написали русскими буквами и дали прочитать его взводному. После небольшой тренировки сказали, что получается. Лейтенант Чумаченко высунулся из окопа, призвал противника к вниманию и после небольшой паузы произнес свою первую речь на итальянском. Тишина в стане врага свидетельствовала о том, что выступление привлекло внимание слушателей. Потом из окопов противника понеслась ругань итальянского офицера. Видимо, он же первым открыл огонь, сопровождая каждый выстрел выкриком.

«Значит, поняли!» — заключил представитель политотдела. А лейтенанту А. А. Чумаченко потом еще

не раз приходилось держать речь перед противником.

— К осени,— рассказывал Анатолий Александрович,— участились посещения переднего края работниками различных штабов. От нас требовали как можно большее информации о противнике. В стане врага тоже происходили изменения. Противник не мог не заметить, что плацдарм все больше насыщается войсками, артиллерией и танками. Помимо, наш взвод участвовал в разведке боем и захватил «языка». Им оказался румынский унтер-офицер. Политрук Виктор Владимирович Сенек по этому поводу даже пошутил: «Здорово, братцы, поработали! Из-за ваших речей и листовок фашистское командование итальянцев заменило румынами. Придется тебе, лейтенант, теперь учить румынский язык!»

Но учить не пришлось. 19 ноября 1942 года с захваченного плацдарма началось большое наступление наших войск. Лейтенант Чумаченко и предполагать не мог тогда, что это наступление — начало разгрома 6-й армии Паулюса. В нем довелось участвовать всего один день. В конце первого дня наступления пришлось ему вступить в командование третьей ротой, а на второй день, получив сквозное пулевое ранение в левую руку, выбыть из строя. Санитректор роты уроженец Прохладненского района Павел Григорьевич Карабут осмотрел рану, обработал ее, сделал перевязку и направил раненого лейтенанта в медсанбат. Если бы не умелые действия санинструктора, вряд ли врачи смогли сохранить ему руку. Об этом узнал он уже в стационарном госпитале.

Соседом по палате оказался Смолькин из Прохладного. Невольно возник разговор: если не вернут в строй, куда податься? А оно так и случилось, обоих признали непригодными для дальнейшей службы в армии. Днепропетровская область была оккупирована. Поэтому Смолькин и уговорил Чумаченко

ехать с ним в Прохладный. Так и вернулся выпускник Урюпинского военно-пехотного училища в Кабардино-Балкарию. Работал в райкоме комсомола, председателем райплана, а позже — в райвоенкомате. Там в октябре 1944 года произошла неожиданная и радостная встреча. Бывший санинструктор третьей роты 592-го стрелкового полка Павел Григорьевич Карабут после ранения и лечения в госпитале получил длительный отпуск и некоторое время даже работал председателем колхоза «Первая пятилетка» Прималкинского района. Когда улучшилось здоровье, явился в военкомат для отправки в действующую армию. Тут и встретил своего боевого товарища.

Спустя годы пришел Анатолий Александрович к выводу, что не сможет жить без избранной в юности специальности. Но в Кабардино-Балкарии не было металлургических предприятий, хотя действовал лигейный цех на Нальчикском машиностроительном заводе. Пришел Чумаченко на завод, да и отдал ему большую часть своей жизни. Работая, заочно закончил инженерно-технический факультет Кабардино-Балкарского университета и сделал немало для укрепления славы родного предприятия. Такова судьба одного из ветеранов 203-й стрелковой дивизии.

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НАСТУПЛЕНИЯ

Не для всех наших земляков, служивших в 203-й дивизии, армейская служба начиналась в ее рядах. Павел Иванович Русин до прибытия в Лабинскую служил и воевал в 175-й стрелковой дивизии. Она формировалась в Кабардино-Балкарии, участвовала в геронческой обороне столицы Украины, с боями отходила к Днепру и на Правобережье оказалась в окружении. Многим ее бойцам и командирам так и не удалось вырваться из вражеского кольца.

— Нашу группу,— рассказывал при встрече Павел Иванович,— в которой в конечном счете осталось 92 человека, выводил из окружения наш земляк из Прохладного Марченко. К сожалению, ни имени, ни отчества его не помню. Обстановка была очень сложной. Мы не располагали никакими сведениями о противнике, не имели связи с нашими подразделениями. Шли вслепую. Не раз сталкивались с подвижными вражескими группами. Но так как сплошного кольца окружения еще не существовало, то нам удавалось уходить от преследования, а в районе Барвенково даже прорваться к своим. Конечно, выпавшие на нашу долю испытания не могли не оказаться на здоровье. Большинство нуждалось в отдыхе и лечении. Поэтому после короткой проверки нас отправили в Новороссийск и разместили в доме отдыха моряков. Условия там были райские. Нам дали возможность подлечиться и окрепнуть. В начале 1942 года пришла пора продолжить службу. Мы прибыли в Армавир, а оттуда я и получил направление в Лабинскую. Там был назначен на должность помощника командира первого взвода первой роты первого батальона 592-го стрелкового полка 203-й дивизии...

Запомнилось Павлу Ивановичу, как в Лабинскую прибыл эшелон с пополнением, как прямо на станции встретился с земляками — служащим Терского райпо Мажидом Хажуевым и колхозником из Верхнего Акбаша Дамкой Таковым. Вскоре первый стал бронебойщиком, а второй — пулеметчиком во взводе П. И. Русина.

Памятны Павлу Ивановичу многие боевые эпизоды на Донском плацдарме, начиная с форсирования Дона по канатной переправе, захвата плацдарма и сто обороны. Не без горечи вспоминает он, что на плацдарме погибли многие однополчане. Во время налета вражеской авиации был смертельно ранен Ма-

П. И. Русин

Д. П. Таков

жид Хажуев. Он скончался от ран, и Русин с товарищами похоронил его в глубокой воронке от бомбы.

На Донском плацдарме Русину и Такову пришлось вместе с однополчанами отражать яростные атаки противника, стремившегося любыми средствами оттеснить наших воинов за Дон. Приходилось участвовать в разведке боем и не раз находиться с Таковым в боевом охранении. Когда началась подготовка к большому наступлению и потребовалось уточнение сведений о противнике и его обороне, Павлу Ивановичу пришлось сопровождать дивизионных и армейских разведчиков в тыл противника.

О том, как складывался бой для наших земляков в первый день наступления с Донского плацдарма,

рассказано журналистом В. Рязановым в газете «Ка-бардино-Балкарская правда» от 9 мая 1991 года.

...В первую линию фашистских околов взвод Русина ворвался довольно легко и почти без потерь, но перед второй пришлось залечь: уж очень плотным оказался вражеский огонь и на пути возникла препятствия из колючей проволоки. Бывалый солдат умеет все. Старший сержант Русин извлек предусмотрительно захваченные саперные ножницы и пополз к проволочному заграждению. Достигнув цели, он перевернулся на спину и разрезал сначала одно звено, затем другое. Образовался проход. Раздвинув проволоку, помкомвзвода взмахнул рукой:

— Давай!

Бойцы ринулись в проход. Поднялся вслед за ними и Русин. В тот момент, когда препятствие из колючей проволоки была преодолена, тупой удар в грудь свалил его наземь. Кто-то из атакующих задержался возле него.

— Дотащим до пункта сбора?

— Не надо. Сам доберусь...

Усилием воли он заставил себя подняться и, покачиваясь, успел сделать всего шаг: еще один осколок впился в бедро левой ноги.

Чудом устоял, но только на миг. Все вокруг поплыло, сознание застало туман, и он очнулся лишь в тот момент, когда санитары уложили его на носилки. Покачиваясь на них, испытывая неимоверную жажду и острую боль, подумал: «Как же Дамка дальше будет воевать без меня?»

В стационарном госпитале в Оренбурге хирурги извлекли из груди Павла Ивановича осколок. Для интереса взвесили. Вес составил 47 граммов...

А Дамка Таков набивал пулеметные диски и помогал первому номеру вести огонь. Когда меняли огневую позицию, вражеская пуля сразила напарника

Пришлось Такову лечь за пулемет. Он прикинул расстояние, поставил прицельную рамку на «семерку» и сделал две пробные очереди. Зоркий глаз отметил, что перед вражеской огневой точкой, откуда был крупнокалиберный пулемет, взметнулись маленькие фонтанчики земли и снега. Он чуть опустил массивный приклад ручного пулемета, спокойно поймал в прорезь мушку и нажал на гашетку. Вражеский пулемет замолк.

Рота бросилась вперед. Таков поднялся, чтобы сменить огневую, и тут же вражеский снайпер поймал его на мушку. Пуля пробила каску, коснулась лобовой кости и впилась в плечо. Он сделал шаг, и сразу две пули — одна в ногу, вторая в спину — свалили его.

Так в первый день наступления выбыли по ранению из 203-й дивизии Павел Иванович Русин и Дамка Пшиканович Таков. Оба после лечения в госпиталях вернулись в строй, но до конца войны им так и не пришлось больше встретиться. Дамка Пшиканович был еще трижды ранен: под Днепропетровском, в Польше и в январе 1945 года в Восточной Пруссии. Последнее ранение оказалось столь тяжелым, что врачи вынуждены были ампутировать ему ногу.

А Павлу Ивановичу Русину довелось служить на должности командира минометного расчета 983-го стрелкового полка 253-й стрелковой дивизии, пройти фронтовыми дорогами до конца войны. За проявленное в боях мужество грудь его украсили ордена Отечественной войны I степени, Красной Звезды, Славы III степени и другие боевые награды.

Родившаяся в пламени сражений на Донском плацдарме фронтовая дружба земляков Павла Ивановича Русина и Дамки Пшикановича Такова продолжалась и в мирные годы до самой кончины отваж-

кого пулеметчика. Добрую память о своем однополчанине свято хранит Павел Иванович, будучи самым желанным гостем в доме семьи Таковых.

ТРУДНЫЕ ДОРОГИ НАСТУПЛЕНИЯ

В личном деле старшего лейтенанта Анатолия Гилостаевича Махова, хранящемся в Нальчикском городском военкомате, имеется документ, подписанный старшим врачом 674-го стрелкового Краснознаменного полка капитаном медицинской службы Пресековым. А выдан он «взамен справки, пропавшей 30 апреля 1945 года во время штурма фашистского логова — рейхстага». В утраченной справке подтверждалось факт тяжелого ранения А. Г. Махова, полученного им 16 декабря 1942 года, и заключение комиссии эвакогоспиталя № 1232 об ограниченной годности второй степени к службе в армии.

Имел право и мог девятнадцатилетний лейтенант не возвращаться на фронт. Ведь после лечения в госпитале из резерва Сибирского военного округа направили его для продолжения службы в Байкововский райвоенкомат. Но не стал он пользоваться полученными льготами и добился отправки в действующую армию. На заключительном этапе войны старший лейтенант А. Г. Махов служил и сражался в прославленной 150-й стрелковой Идицко-Берлинской дважды орденоносной дивизии, знамя которой было воздрано над поверженным рейхстагом и получило наименование Знамени Победы. За проявленное в тех боях мужество командир роты А. Г. Махов был отнесен орденом Красной Звезды.

Эту справку я вынужден дать, так как в очерке об А. Г. Махове в четвертой книге «Боевая слава Кабардино-Балкарии» сказано, что после ранения наш земляк на фронт не вернулся...

А в мае 1942 года молодой лейтенант, получив назначение на должность командира взвода конной разведки 610-го стрелкового полка 203-й стрелковой дивизии, прибыл в станицу Лабинскую. Не без радости узнал, что командиром взвода противотанковых ружей в этом же полку служил Барабси Жандарович Абазов, старшиной пулеметной роты был Иван Никитович Климов из Прохладного, пулеметчиком — Жаби Кубатиевич Хакунов из Нижнего Черека.

Всем им довелось участвовать в форсировании Дона и захвате плацдарма на его правом берегу. В тех боях и принял лейтенант А. Г. Махов боевое крещение.

Как свидетельствуют документы, после форсирования Дона 610-й и 619-й стрелковые полки стремительной атакой сбили оборону 2-й итальянской альпийской дивизии и в первый же день наступления продвинулись больше чем на десять километров. Стояла неимоверная жара. Одолевала жажда. И когда, преодолев километры выжженной донской степи, наши бойцы ворвались в хутора Бахмуткии и Рубашкии, оказались в тени садов и у колодцев с ключевой водой, наступило невольное расслабление. Радость легко достигнутой победы, радушная встреча счастливых жителей освобожденных хуторов притупили будильность. Всем казалось, что противник не сможет быст-

А. Г. Махов

ро опомниться. Поэтому никто не помышлял уйти из тени садов на обожжённые солнцем высоты над хуторами. Такая беспечность не могла оставаться безнаказанной...

Подтянув резервы, фашистское командование 26 августа 1942 года нанесло удар и выбило батальоны полков из хуторов. На степных высотах разгорелись упорные бои. От взрывов горизонт затягивался дымом и пылью. Горела трава и нескошенная пшеница. Но плацдарм удалось удержать. А осенью, когда все внимание противника оказалось прикованным к Сталинграду, на плацдарме началась скрытая подготовка к большому наступлению.

19 ноября 1942 года с Донского плацдарма началось наступление наших войск по окружению и разгрому вражеской группировки под Сталинградом. Перешла в наступление и 203-я стрелковая дивизия, которой предстояло сражаться на внешнем кольце окружения. Об упорстве тех боев свидетельствует тот факт, что только на участке 610-го стрелкового полка до 1 декабря южная окраина хутора Дубовского десять раз переходила из рук в руки. И все же воинам дивизии удалось устоять и удержать внешний фронт на реке Кривой.

А еще через несколько дней полковые разведчики получили приказ разведать подступы к реке Чир. Руководил поиском лейтенант А. Г. Махов. Вскоре он докладывал командиру полка обстановку.

Ширина реки небольшая, всего 20—30 метров. Но берега обрывистые и местами покрыты ледяной коркой. А на реке лед совсем не окреп. С нашей стороны высокий кустарник вдоль берега хорошо прикрывает подступы к реке, поэтому подойти к ней легко. Зато форсировать Чир и подняться на крутой западный берег совсем не просто. Противник оборудовал огне-

высокие точки на господствующих высотах и контролирует каждый метр водного рубежа.

И все же разведчикам удалось найти несколько мест, которые враг не мог закрыть пулеметным огнем. Ознакомившись с данными разведки, командир полка поручил саперам устроить спуски к реке, подготовить несколько лестниц и перекидных мостков. Была сформирована штурмовая группа. Бойцы ее получили веревки и топоры. Лейтенант А. Г. Махов лично инструктировал о порядке выхода к реке и действиях при ее форсировании тех, кто шел в штурмовой группе полка.

После короткой артиллерийской подготовки утром 16 декабря 1942 года штурмовая группа форсировала Чир и выбила противника с западного берега. Через реку устремились главные силы, и вскоре два батальона 610-го стрелкового полка заняли курган в полутора километрах от хутора Ильинов, захватили 10 вражеских противотанковых пушек с большим запасом снарядов.

К середине дня противник подтянул свежие силы и бросил в бой против 610-го полка самоходные орудия и танки. Для отражения вражеской атаки в районе степных курганов у Терновой и Осиновой балок командир полка вынужден был ввести в бой весь свой резерв, включая и разведчиков. Многие бойцы и командиры отличились в том бою. Для некоторых этот бой стал последним. Там, получив тяжелое ранение, выбыл лейтенант Анатолий Гилостанович Махов из 203-й стрелковой дивизии. А его однополчанам пришлось продолжить трудное наступление на станцию Краснокутскую.

ПРОНЕСЛИ ЧЕРЕЗ ГОДЫ

Встретиться и познакомиться им пришлось в супровом сорок втором году. Джадар Ханефович Емкужев до призыва в армию работал заместителем начальника поискового отдела Алтудской МТС. В мае 1942 года его мобилизовали и направили в станицу Лабинскую, где завершалось формирование 203-й стрелковой дивизии. Туда же на должность комиссара 1037-го артиллерийского полка прибыл Константин Федорович Петров, настойчиво добивавшийся перевода Дальнего Востока в одну из частей действующей армии.

— По долгу службы,— вспоминал спустя годы Джадар Ханефович,— мне приходилось довольно часто общаться с комиссаром полка, так как служил я в отделении топогеодезической разведки штабного батареи. Помимо основных обязанностей, приходилось нести караульную службу при штабе полка, помогать связистам и разведчикам, участвовать в оборудовании наблюдательных и командных пунктов.

Однажды, во время боев на Донском плацдарме я дежурил на КП и видел, что наш комиссар отрявился в третий дивизион. Командир полка и начальник штаба находились на наблюдательном пункте. Начинался обычный день боев на плацдарме. Ничто не предвещало беды. И вдруг, после полудня, сначала совершили налет фашистские самолеты, потом и плацдарм обрушила массированный удар вражеская артиллерия. Заговорили шестистрельные минометы и после их залпа в атаку пошли автоматчики. Ка позже выяснилось, одна из групп автоматчиков прорвалась в наши тылы и вышла к огневому рубежу батареи, которая находилась всего в двухстах метрах от командного пункта полка. Встретив организо-

D. X. Емкужев

K. F. Петров

ванный отпор наших артиллеристов, автоматчики обогнали батарею и устремились к нашему КП. Не было совсем немного, и трудно сказать, как бы закончилось наше единоборство и сумели бы мы сохранить полковое Знамя, если бы в тот момент па КП не вернулся комиссар. По его команде мы заняли круговую оборону. До того я никогда не видел Константина Федоровича Петрова столь решительным и смелым. Он четко отдавал команды, быстро сориентировался и попросил поддержки огнем у соседней с нами батареи. А главное, так сумел организовать оборону КП, что мы поверили в свои силы и отразили вражескую атаку...

За решительные действия и проявленное в том бою мужество комиссар полка К. Ф. Петров был награж-

ден орденом Красной Звезды, а сержант Д. Х. Емкужев — медалью «За отвагу».

Встречался я и с Константином Федоровичем Петровым. Немало добрых слов высказал он о наших земляках — своих однополчанах. Вспомнил и о Джрафе Емкужеве:

— Я и раньше замечал, что в сложной обстановке Джраф действовал решительно и смело, мог личным примером увлечь за собой бойцов. Но, как оказалось позже, он обладал даром находить путь к сердцам воинов.

Оказывается, одно время наш земляк служил в непосредственном подчинении комиссара. В период боев по освобождению Донбасса он был на должности помощника комиссара полка.

Хоть и недолго служил Джраф моим помощником, — продолжал рассказ Константин Федорович, — но мне хорошо запомнились его исключительное трудолюбие, исполнительность и аккуратность. Он умеет в нужную минуту дать дальний совет или предложить свое решение того или другого вопроса. Помните такой случай. Накануне наступления в районе Голой Долины мой помощник заглянул ко мне явно чем-то озабоченный. Я стал его расспрашивать, что произошло. Тут он мне и сказал, что один из бойцов получил страшное письмо. Писал ему сосед и сообщал что по подозрению в связях с партизанами фашисты расстреляли всю его семью. Об этой трагедии нашего однополчанина следовало поставить в известность политотдел дивизии, довести до сведения всего личного состава, какие преступления чинят наши враги. Джраф предложил провести митинг личного состава полка и согласился на этом митинге выступить. Я хорошо помню, как деятельно помогал мне мой помощник готовить проведение митинга. К нам приезжали корреспонденты дивизионной, армейской

фронтовой газет, представители других подразделений. Накануне горячих боев разговор на митинге сыграл важную роль в поднятии боевого духа личного состава полка...

Рассказывал Константин Федорович о том, что его помощнику не раз приходилось выполнять задания, связанные с большим риском, часто бывать в батареях, собирать сведения для политдонесений, встречаться с отличившимися в боях бойцами и командирами.

— Я не помню ни одного боя,— дополнял Джадар Ханефович,— в котором наш комиссар не принимал бы непосредственного участия. Так было и при первом форсировании Днепра. Наша дивизия вышла к Днепру 25 сентября 1943 года километрах в 20—25 севернее Запорожья. А уже через два дня у хутора Петро-Свистуново началось форсирование реки. Вместе с пехотинцами на ее правый берег переправилось несколько орудий нашего полка. В самый ответственный момент проведения операции получила тяжелое ранение наш командир полка. Из старших офицеров-артиллеристов на плацдарме оказался только К.Ф.Петров. Он и принял на себя командование высадившейся частью полка. За несколько суток боев на плацдарме артиллеристам вместе с пехотинцами пришлось отбивать ожесточенные атаки противника, стремившегося во что бы то ни стало оттеснить наших воинов за Днепр. За проявленную храбрость и умелые действия в тех боях Константин Федорович Петров был награжден орденом Красного Знамени. Но вскоре нам пришлось расстаться с нашим комиссаром. Его отзывали из нашего полка и направили на новое место службы. Спустя годы я встретился с ним уже в Нальчике. Значит, наша фронтовая дружба, которую каждый из нас пронес через годы, сыграла свою роль...

Дальнейшую службу майор К. Ф. Петров проходил в отдельном самоходном артиллерийском полку. Его ратные подвиги отмечены тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Отечественной войны II степени, двумя — Красной Звезды и другими боевыми наградами.

Последний бой, в котором участвовал Джадар Ханефович в составе 1037-го артиллерийского полка, проходил у села Ольговка, недалеко от Николаева. Распутица и бездорожье осложняли действия наших войск. Артиллеристам приходилось буквально на руках перетаскивать орудия. Вокруг Ольговки, насколько хватал глаз, были видны застрявшие в непролазной грязи орудия, тягачи, прицепы, повозки. Чтобы препятствовать продвижению наших войск, враг подверг обстрелу скопление техники и личного состава у села дальнобойной артиллерией. Во время этого артиллера Джадар Емкужев получил тяжелое ранение и выбыл в госпиталь. После госпиталя на фронт вернуться ему уже не удалось. Вернулся в Терек и многие годы трудился в партийных и советских органах. К двум медалям «За отвагу» к 40-летию Победы на груди Д. Х. Емкужева прибавился орден Отечественной войны I степени.

Ни высокое офицерское звание, ни множество боевых наград не вскружили голову бывшему комиссару К. Ф. Петрову. Когда пришла пора вернуться к мирному труду, занял он скромную должность слесаря по весоизмерительным приборам нальчикского комбината «Дружба» и отдал этой службе более 20 лет жизни. Человек скромный, он никогда не говорил о своих фронтовых заслугах. Многие о них так ничего и не узнали бы, если бы с ним случайно не встретился бывший командир орудийного расчета 1037-го артиллерийского полка Мухажид Даов. Благодар

ему Константин Федорович поведал коллективу комбата о пройденном пути, о своих наградах, о боевых заслугах наших земляков и активно включился в военно-патриотическую работу. Потом пошли встречи с однополчанами и, наконец, встреча с фронтовым другом Джадаром Емкужевым. Много часов провели они в беседах, вспоминая однополчан и огненные версты войны. Много раз в праздники и в будни собирались фронтовые побратимы, чтобы отдать дань памяти событиям минувшей войны. До последних дней своей жизни Джадар Ханефович Емкужев и Константин Федорович Петров сияло храня светлую память об однополчанах, которых забрала война.

В 1991 году проводили их фронтовые друзья, родные и близкие в последний путь, сохранив в сердце их светлый образ и пример беззаветного служения Отечеству.

О ТЕХ, КТО ШЕЛ РЯДОМ

Многие годы знаком я с Дмитрием Трофимовичем Ломоносовым. Несмотря на возраст, а ему уже за восемьдесят, память его хорошо сохранила имена многих однополчан и призывавшихся с ним земляков. События и факты тревожных дней и ночей фронтовых будней зафиксированы Дмитрием Трофимовичем в многотомной рукописи, которую он написал вскоре после войны. Я ознакомился с частью рукописи, связанный с судьбами тех призывников из Урванского района, кому пришлось служить и воевать в подразделениях 203-й стрелковой дивизии.

Как сказано в рукописи, 8 марта 1942 года Урванским райвоенкоматом для службы в армии была призвана группа жителей Докшикино, в которую входили Георгий Баев, Кирилл Бикетов, братья Василий и Иван Калашниковы, Анатолий Кулешов, Григорий

Папета, Петр Сиверский, сам Ломоносов и другие. Всего в команду № 34 входили 32 человека. Старшины были назначены Леонид Техажев и Георгий Баев. Команду направляли в Лабинскую. Там формировалась 203-я стрелковая дивизия. Часть призванных направили на службу в 592-й стрелковый полк, а несколько человек — в полковую школу.

— Конечно, — вспоминал при встрече Дмитрий Трофимович, — обо всем, что было пережито в ту пору, даже в своей рукописи я рассказать не смот. Вот только одна деталь. Сопровождал нас Георгий Федорович Баев, и мы думали, что он вернется в Докшукино, потому что на прощание сказал: «Желаю, братцы, успешной службы! Надеюсь, не подкачте. А пока прощайте. Быть может, уже и не встретимся. Война...» Но оказалось не так. Ведь фронтовые пути непредсказуемы...

Когда дивизия захватила плацдарм на правом берегу Дона, батарея, в которой служил командиром орудия Д. Т. Ломоносов, заняла огневую позицию на окраине небольшого казачьего хутора. Пока расчет окапывался, ездовые увели лошадей в расположенный неподалеку сарайчик. Один из них, молодой паренек, у входа в сарай обнаружил итальянскую гранату. Обращаться с ней он не умел, но любопытство одержало верх. Как только он попытался отвернуть ручку, произошел взрыв. Ездового ранено. Пришло Ломоносову с раненым отправлять в медсанбат двух бойцов расчета. А вскоре подошло время кормить лошадей. И, чтобы не отрывать других бойцов от орудия, командир сам отправился к сараю. Но, когда он достиг цели, налетели вражеские самолеты. Одна из зажигалок попала в соседний дом. Он загорелся. Огонь в любую минуту мог перекинуться на сарай. Надо было спасать лошадей.

— Только я взял под уздцы пару лошадей и вывел

их из сарая,— продолжал рассказывать Дмитрий Трофимович,— как прямо на меня выскочила повозка с ошалевшими от бомбёжки лошадьми. «Куда прешь?» — что есть силы крикнул я подводчику. Он резко натянул вожжи, сумел осадить коней и в самую последнюю долю минуты отвел от меня неминуемый удар дышла. Я зло взглянул на подводчика, а тот, будто ничего не произошло, широко улыбался мне. Приглядевшись я к нему — и сам не смог удержать улыбки. Ведь передо мной стоял Георгий Баев. Вот так встреча! Оказывается, он остался служить в 592-м стрелковом полку нашей дивизии, обеспечивал подвоз боеприпасов, продовольствия и снаряжения на передний край и теперь возвращался с задания. Долго нам не пришлось говорить, у каждого были свои заботы. Но мне хорошо помнится, что о нем была небольшая заметка в дивизионной газете. Его хвалили за успешное выполнение заданий командования. Вторично с ним встречался уже после войны. Тогда долго мы с ним вспоминали команду № 34, наших земляков, фронтовые пути-дороги и нашу случайную встречу на Донском плацдарме. К сожалению, нет уже в живых Георгия Федоровича Баева. Война дотянула его в мирные дни...

Вспомнил Дмитрий Трофимович и о том, что не засем из команды № 34 довелось служить и воевать в 203-й дивизии. Иван Кузьмич Калашников, например, вместе с несколькими товарищами был зачислен в отдельный стрелковый батальон, который из Лабинской направили на Крымский фронт. В бою под Керчью смертью храбрых пал И. К. Калашников. Орден Отечественной войны II степени, которым он был награжден посмертно, командование части переслало матери.

И еще об одном из наших земляков рассказал Д. Т. Ломоносов. Он вспомнил, что радиостанция третьего дивизиона 1037-го артиллерийского полка была

нальчанин Георгий Логвинов, очень веселый и общительный парень, большой выдумщик и острослов. Его хорошо знали и любили в дивизионе. Во время освобождения Донбасса от города Ровеньки дивизия повернула на юго-запад, и два ее полка развернули наступление на большой населенный пункт Дьяково. Совершив трудный тридцатикилометровый марш по заснеженным полям Луганщины, 18 февраля 1943 года наши воины выбили фашистов из Дьяково.

В ожидании приказа на развертывание артиллерийский полк в походной колонне остановился на дороге за Дьяково. С небольшим отставанием подтягивались тыловые службы. С ними появилась и походная кухня третьего дивизиона. На ее широкой подножке устроился радиист Георгий Логвинов с дивизионной рацией. К его чудачествам все привыкли, поэтому встретили такое прибытие шутками.

А повар, уточнив обстановку, решил не ждать, когда последует команда на движение, и велел ездовому обогнать колонну, чтобы впереди, в глубокой лощине, развернуть свой питательный пункт. Ездовой свернул на обочину и по снежной целине начал объезд. Осталось совсем недалеко до головы колонны и выезда на дорогу, как раздался взрыв. Походную кухню разметало. Лошади от испуга рванули вперед, унося уцелевший передок с ездовым и поваром. А весь удар принял на себя котел с горячей пищей. Клубы пара поднялись над местом взрыва. Радиста Георгия Логвинова взрывной волной отбросило в сторону. Он, помимо ранения в голову и лицо, получил ожоги. С большой осторожностью вынесли его артиллеристы с минного поля и отправили в госпиталь. Так выяснилось, что артиллерийский полк остановился у самого края заминированного противником участка.

— После войны,— продолжал Дмитрий Трофимович,— я неоднократно пытался выяснить, как же

дальнейшем сложилась судьба нашего радиста. Но безуспешно. Кто знает, быть может, его и в живых уже давно нет... А из нашей команды № 34, из тех, кто шел рядом на призыв по повесткам Урванского райвоенкомата, в Докшикино вернулись еще Григорий Кириллович Папета, Петр Максимович Сиверский. От них узнал я горестную весть, что на фронте погибли братья Василенко и Федор Ядыкин. Но подробностей об их гибели они не знали. Таковы судьбы некоторых моих товарищей по команде № 34 и однополчан...

О самом Дмитрии Трофимовиче Ломоносове рассказывал мне Леонид Иванович Шуты:

— В ту пору мой однополчанин казался для большинства из нас стариком. И не потому, что носил пышные буденовские усы, а на самом деле был старше каждого из нас лет на двенадцать-четырнадцать. У Дмитрия Трофимовича мы учились армейскому опыту, фронтовому рационализму и житейской мудрости. Немало памятных событий довелось нам пережить вместе. Хорошо помню тот день, когда на острове имени Ленина в районе Днепровской плотины он был ранен в голову и вражеская пуля застряла у него в кости. А о боевых делах Дмитрия Трофимовича Ломоносова, участника Парада Победы, можно рассказывать очень много...

СКОЛЬКО БЫЛО ПРОИДЕНО

Собирая сведения о воспитанниках Кабардино-Балкарского педагогического рабфака, я знал, что в последнем его наборе учился уроженец селения Верхний Хулам Мыртай Исмаилович Созаев. Учился он хорошо. Свидетельством тому стало зачисление на 1-й курс физико-математического факультета пединститута еще до окончания рабфака.

M. I. Созаев

А познакомиться с ним пришлось значительно позже, когда начал собирать материалы для этой книги.

Мыртай Исмаилович оказался очень общительным человеком и интересным собеседником. Его память сохранила немало ярких картин минувших событий, а в личном архиве находится ряд документов, которые можно передавать в музей. В частности, он бережно сохранил комсомольский билет, который вручался в 1938 году в Нальчикском горкоме комсомола,

все благодарности Верховного Главнокомандующего, наградные документы и даже справку о присвоении ему звания «гвардии казака» в бытность службы в прославленной конно-механизированной группе под командованием генерал-лейтенанта И. А. Плиева.

Слушая рассказ ветерана войны и труда, я невольно ловил себя на мысли, что тех испытаний, через которые довелось ему пройти, с лихвой хватило бы на несколько человек.

Кадровая служба в армии для М. И. Созаева началась за месяц до нападения на нашу страну гитлеровской Германии. Служил он в саперной части в Ровенской области. В самый первый день войны вражеская авиация нанесла бомбовый удар по их соединению. На глазах у Созаева погиб его командир роты. С большими потерями, разрозненными группами при-

шлось саперам отходить в глубь страны. Несмотря на сложность обстановки, на неразбираху первых дней отступления, их все же собирали и направили на обеспечение переправ для отходящих крупных соединений, а позже — на сооружение промежуточных оборонительных рубежей. Дороги войны привели саперное подразделение, в котором служил М. И. Созаев, в верховья Дона, к городу Павловску. Там саперы возводили мосты и причалы для речных судов и барж, доставлявших боеприпасы и вооружение нашим войскам. Зимой 1941/42 годов работали на реке Хопер под непрерывным вражеским обстрелом. Снова отходили, теряя боевых друзей.

— Тот, — в задумчивости говорил Мыртай Исмаилович, — кто собственными глазами не видел отступления наших войск, вряд ли имеет настоящее представление о войне, о трагичности ситуаций, в которых порой оказывались наши бойцы и командиры. Мы зачастую судим о тех или иных операциях с высоты военачальников, написавших мемуары. Деятельность была жестокой и до сих пор еще в литературе и истории достаточно ярко не освещенной, хотя есть немало правдивых произведений о том времени.

Прав мой собеседник, ведь ему пришлось пережить события лета сурового сорок второго года на направлении главного удара немецко-фашистских войск, направленных на Сталинград, принимать участие в битве на Волге.

Когда наши войска перешли в наступление, потребовалось пополнение для передовых стрелковых частей. И стал Мыртай Созаев наводчиком миномета 509-го стрелкового полка 236-й стрелковой дивизии. Участвовал в новом качестве в боях по освобождению Левобережной Украины. Есть доля и его ратного труда в том, что дивизия удостоилась почетного наименования Днепропетровской. Когда проходила Никополь-

ско-Криворожская операция, наводчик Созаев получил ранение в правое бедро и был эвакуирован в стационарный госпиталь. Только в феврале 1944 года он выписался и получил направление не на фронт, а в полковую школу. Случилось так, что почти весь выпуск зачислили в 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус. Пришлось еще раз менять армейскую специальность, хотя, как объяснили ему, с учетом полученных им ранее навыков он становился минометчиком 36-го гвардейского кавалерийского полка. В составе конно-механизированной группы принимал участие в освобождении Белоруссии. А когда их группу перебросили на 2-й Украинский фронт, в одном из боев М. И. Созаев был ранен и выбыл в госпиталь.

В декабре 1944 года из госпиталя направили ссс в 1037-й артиллерийский полк 203-й стрелковой дивизии. Зачислили в орудийный расчет, которым до назначения командовал Герой Советского Союза И. И. Вехов. Здесь, в Венгрии, и узнал он о славном боевом пути дивизии, о том, что в ней служило и воевало немало земляков из Кабардино-Балкарии. Узнал об Али Гатажокове, с которым познакомился только спустя 3 с лишним лет, уже в Кабардино-Балкарии. На Днепр и в ходе Николольско-Криворожской операции пут 236-й и 203-й стрелковых дивизий не раз пересекались. Но разве можно было тогда предполагать, что совсем рядом воевало столько земляков.

В конце 1944 года 203-я стрелковая дивизия входила в состав ударной группы войск 2-го Украинского фронта, которой предстояло пересечь венгерско-чешско- словацкую границу, преодолеть отроги Карпатских гор и выйти к реке Грон. Противник, умело используя рельеф местности, заранее подготовил оборонительный рубеж, на господствующих высотах оборудовал огневые точки, опоясав подступы к ним минным

полями и заграждениями. Особенно трудно пришлось стрелковому полку, наступление которого поддерживал первый дивизион 1037-го артполка. Путь нехотинцам преграждал губительный огонь крупнокалиберного пулемета, хорошо скрытого под бронированным колпаком на высоте. Все попытки приблизиться и уничтожить эту вражескую огневую точку успеха не приносили. Полк нес потери. Время уходило, а задача оставалась нерешенной. Тогда и обратился командир полка за помощью к артиллеристам. Задачу по уничтожению пулеметной точки получил орудийный расчет, где наводчиком нес службу Мыртай Созаев.

Артиллеристы быстро подготовили орудие к стрельбе, сделали несколько пристрельных выстрелов, а затем разгромили пулеметное гнездо. По представлению командира полка личный состав орудийного расчета был награжден. Медаль «За отвагу» украстила грудь наводчика М. И. Созаева.

Не раз вступал в единоборство с противником орудийный расчет нашего земляка на чехословацкой земле. Были трудные бои при форсировании реки Грон; преодолевая вражеское сопротивление, шли вместе с нехотой на город Годонин. Памятен бросок на выручку восставшей Праге. Но больше всего запомнились частые смены огневых позиций, изматывающий труд по рывью орудийных двориков и траиней. Бывали случаи, что без единого выстрела покидали огневой рубеж и передвигались на новый.

В мае 1945 года в чешском населенном пункте Стржепице закончилась для Мыртая Исмановича война с гитлеровцами. «А потом,— вспоминал М. И. Созаев,— нашу дивизию перебросили в Монголию, и мы принимали участие в разгроме японских милитаристов. Преодолев Большой Хинганский хребет и полупустынные провинции Северного Китая

Чаҳар и Жехе, в исключительно трудных условиях, при изнуряющей жаре днем и холода ночью, мы участвовали в разгроме Квантунской армии...»

За мужество, проявленное в тех боях, Мыртай Исмаилович был награжден второй медалью «За отвагу».

До мая 1946 года служил сержант М. И. Созаев в должностях командаира орудийного расчета и командаира отделения связи. После демобилизации работал счетоводом и бухгалтером в Талды-Курганской области, а с 1958 года — главным бухгалтером колхоза «Дружба» Советского района Кабардино-Балкарии. Перенесенные фронтовые ранения оказались на его здоровье.

КОМАНДИР ОРУДИЯ

В ходе сбора материалов о наших земляках, служивших и сражавшихся в полках и подразделениях усиления 203-й стрелковой дивизии, неоценимую помощь оказал мне Леонид Иванович Шуть. Он распоряжаясь определенными сведениями о судьбах части своих однополчан и имея дарственный экземпляр книги о боевом пути дивизии «Идем в наступление», которую подарил ему автор, бывший командир дивизии, Герой Советского Союза генерал-майор Г. С. Златников.

Леонид Шуть призывался из Нальчика, окончил в Лабинской полковую школу и служил на должности командаира орудийного расчета 1037-го артиллерийского полка 203-й стрелковой дивизии. В его расчете наводчиком был назначенный Владимир Афанасьев, а ездовыми — Назим Абаюков и Маша Цагов из Быхсанского района. Орудие было на конной тяге. А памятных эпизодов периода войны запомнилось немало.

Из первых пеленок испытаний, выпавших на долю расчета, самым трудным оказался бой с фашистскими танками во время ноябрьского наступления 1942 года. Тогда их пятая батарея поддерживала действия 619-го стрелкового полка. Шли упорные бои в районе высоты 220,1. Чтобы сдержать продвижение наших войск, враг бросил в контратаку несколько танков. Три из них, обогнув высоту, устремились на позиции артиллеристов. Командир орудия только взглянул на наводчика и сразу понял, что от выполнения тут не сможет прицельно навести орудие. А это могло кончиться печально для всего расчета. Тогда Шуть сам стал на место наводчика. Командир брал ответственность за первый выстрел на себя. Ему пришлось применить все свое искусство, чтобы попасть в цель. И только тогда вздохнул с облегчением, когда увидел, что после выстрела головной танк уронил хобот орудия на брюхо и над ним взвился дымок. Второй танк подбил Владимир Афанасьев. Но противник уже засек их огневую позицию и обрушил на нее навал минометного и артиллерийского огня. Осколком вражеского снаряда наводчику оторвало руку, был ранен заряжающий. И все же расчет заставил врага отступить.

Позже, во время боя у хутора Беленький, их расчет рассеял вражеское подразделение, вышедшее прямо на огневую позицию. Тогда им удалось пленить 15 солдат противника. Командир орудия сержант Л. И. Шуть был награжден медалью «За отвагу». Добрая слава о смелых действиях расчета в период боев по освобождению Луганской области стала достоянием артиллеристов полка. И, когда в апреле 1943 года дивизию вывели на доформирование и пополнение личным составом, сержант Л. И. Шуть был рекомендован на должность командира орудия учебной батареи. Там встретился он еще с одним нашим

Л. И. Шуть

С. Б. Мазанов

земляком — Сихатом Бачировичем Мазановым. Вот что о нем поведал Леонид Иванович:

— Сихат Мазанов — уроженец селения Кызбурун II. До призыва в армию работал учетчиком в колхозе родного села. Парнем был смышленым. Помню, еще в полковой школе, где мы учились вместе, он отличался особой находчивостью и смекалкой. Он умел быстрее других решать задачи по подготовке орудия к стрельбе, находить наиболее рациональный способ по выбору огневой позиции для орудия и при выполнении других команд. Не случайно после окончания полковой школы его направили наводчиком в восьмую батарею. На вооружении батареи были 122-мм гаубицы. В отличие от наших 76-мм пушек,

эти орудия были на механической тяге и могли вести огонь с закрытых позиций. Поэтому командование полка время от времени восьмую батарею делало учебной, чтобы на ее базе готовить полковых наводчиков. Сихат хорошо зарекомендовал себя по службе. В числе первых он был награжден знаком «Отличный артиллерист». За время нашей совместной службы мы подготовили не один десяток наводчиков, которые не раз отличались в последующих боях.

Что хотелось бы сказать о своем земляке и фронтовом друге? Сихат обладал очень необходимым для хорошего наводчика качеством — удивительным хладнокровием. Никакой суеты, никакой поспешности. Движения скромные, но точные. Выполнение команд четкое. С ним легко было служить и трудиться. К сожалению, наша совместная служба в восьмой батарее продолжалась только до освобождения Запорожья. Мы тогда стояли на территории завода по выплавке алюминия. Враг еще огрызался и временами обстреливал город. Однажды мы с Сихатом попали под массированный обстрел и уцелели только благодаря огромным, в человеческий рост, бетонным трубам, в которых мы и укрывались.

А еще через пару дней пришел приказ о моем переводе на должность командира орудия седьмой батареи. Орудие находилось на острове имени В. И. Ленина, недалеко от Днепровской плотины. В Запорожье мы с Сихатом расстались, а встретились вновь незадолго до конца войны на комиссии по отбору кандидатов на армейские курсы младших лейтенантов. К тому времени мой друг уже был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». Мы были рады встрече, но особым желанием схать на курсы не горели. Поэтому очень обрадовались приказу срочно вернуться в дивизию в связи с ее передислокацией в Монголию. Встречался я с Сихатом

и после войны. Жаль, что он так рано ушел из жизни.
Случилось это в 1980 году...

Остров имени Ленина находился в непосредственной близости от плацдарма, который захватили наши войска на правом берегу Днепра. Роль его был значительной, но площадь острова простреливалась ружейно-пулеметным и минометным огнем противника. Особенно досаждал тяжелый миномет, который кто-то из наших участников боев на острове окрестили «геббельсом». Для его уничтожения на остров и был переправлены два орудия седьмой батареи. Командир одного из орудий оказался раненым, и на его место был направлен сержант Л. И. Шуть. Когда он прибыл на остров, то выяснил, что соседним орудием командовал житель Докшицкого Дмитрий Трофимович Ломоносов, с которым он вместе учился в полковой школе. Во время разгрузки баржи с боеприпасами Дмитрий Трофимович был ранен в голову. Его отправили в госпиталь, и пришлось «геббельса» уничтожать без него. Тогда особо отличился наводчик орудия, которым командовал Л. И. Шуть, уроженец Таджикистана Усман Нуманов.

С этим наводчиком наш земляк прошел фронтовыми дорогами почти до конца войны. Вместе форсировали Днепр. Оба были награждены орденом Красной Звезды. Не раз оба подвергались смертельной опасности, когда велись бои на Правобережной Украине, в излучине Днестра, в ходе боев в Румынии, Венгрии и при освобождении Чехословакии. Наводчик Нуманов отличался умелыми действиями не только во время ведения огня. Когда наши войска пересекли границу с Чехословакией, в районе хутора Мочков противник предпринял ночную контратаку и потеснил стрелковые полки 203-й дивизии. Случилось так, что орудие расчета нашего земляка осталось на территории, захваченной противником. Это было чрез-

вычайное происшествие. Тогда, рискуя жизнью, наводчик Нуманов пробрался к орудию, снял панораму и стал пробираться к своим. Уже была близка нейтральная полоса, когда его обнаружили. В перестрелке наводчика ранили. Тогда ему на выручку пошел командир орудия. Вместе с пехотинцами вынес он своего боевого друга с поля боя. Ранение оказалось серьезным, и Усмана Нуманова отправили в тыловой госпиталь.

Л. И. Шуть подробно описал подвиг наводчика и отправил большое письмо его брату Рахману в Педжикент.

Трудно передать те чувства, которые испытал Леонид Иванович Шуть, когда почти через тридцать лет после событий у хутора Мочков «встретился» со своим письмом и фотографией Усмана Нуманова в музее боевой славы 203-й стрелковой дивизии в одной из школ города Запорожья. Школьные следопыты разыскали в далеком Педжикенте Усмана Нуманова, и он прислал им свою фотографию и бережно хранимое в его семье письмо командира орудия.

Так выяснил Леонид Иванович, что жив его фронтовой друг, а вскоре в Нальчике состоялась их встреча. Ветеранам было о чем вспомнить.

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Высоко оценивая благородный труд добровольных искателей имен безвестных героев минувшей войны, писатель Юрий Стрекин писал мне:

«...Может быть, тем, что мы стараемся воссоздать живую память о павших товарищах по оружию, не дать уйти в забвение их именам, мы в какой-то мере выполняем свой долг перед ними. Ведь нам судь-

ба подарила то, что не подарила им,— почти полвека жизни после войны. Уже в мирное время я как-то на надгробной плите над солдатской могилой прочел слова: «Живые вам должны бесконечно». Эти слова для меня стали девизом в моей работе».

Вспомнил я об этом, когда познакомился с делами председателя совета ветеранов войны и труда селения Черная Речка, ветерана 203-й стрелковой дивизии Амерби Цацуевича Нагаева. Еще в бытность работы председателем сельского Совета по зову сердца начал он активную работу по сбору сведений об односельчанах, кому в суровые годы войны пришлось с оружием в руках отстаивать честь и независимость Отчизны. Благодаря его настойчивости были собраны сведения о 145 односельчанах. Выяснилось, что 82 человека не вернулись к родным очагам, а 45 фронтовиков, получивших тяжелые ранения и контузии, война забрала уже в мирное время...

Неутешно горе матерей и жен, ис дождавшихся с полей сражений своих сыновей и мужей. Многим так и не удалось узнать, где их близкие приняли последний бой, где покончился их прах.

Чтобы воздать должное землякам, отдавшим жизни за нашу Победу, предоставить возможность родным и близким хоть в день поминовения возложить цветы к символической святыне, по инициативе совета ветеранов и при активной помощи и поддержке правления колхоза «Ленинский путь» и его председателя Х. С. Гугова во дворе средней школы поднялся памятник с именами погибших односельчан. Торжественное открытие памятника, у подножия которого был зажжен Вечный огонь, состоялось 9 мая 1990 года. Можно многое сказать о том, как бережно и свято относятся в Черной Речке не только к памяти не вернувшихся с войны, но и к ныне здравствующим ветеранам войны и труда. В этом немалая заслуга

А. Ц. Нагаева. Дело это приняло общественное звучание потому, что у истоков его оказался энтузиаст, который сам прошел суровые испытания войны, не раз смотрел смерти в глаза и терял боевых друзей.

В Лабинскую, где формировалась 203-я стрелковая дивизия, Амерби Нагаев прибыл, имея за плечами среднее специальное образование и больше года практической работы участковым зоотехником в Ставропольском крае. Грамотного и толкового молодого бойца направили в полковую школу на курсы радиотелеграфистов, а после их окончания в роту связи 619-го стрелкового полка 203-й дивизии. Командовал полком полковник Федор Дмитриевич Ситников.

Несмотря на то, что основной заботой Амерби Нагаева была радиация, ему почти всегда приходилось помогать линейщикам. В боевой обстановке для успешного руководства войсками, как правило, осуществлялось дублирование связи. Помимо имеющейся радиосвязи наводилась линейная связь. При ее повреждениях на устранение выходили и телефонисты и радисты.

Амерби Цацуевичу хорошо памятны первые дни боев на Донском плацдарме, когда противник стремился во что бы то ни стало сбросить их в Дон. Запомнились дни трудного наступления на внешнем фронте окруженней вражеской группировки под Сталинградом. Разве можно забыть 120-километровый марш в сторону станицы Скосырской, который совершила дивизия в декабрьские морозы? Степные задонские ветры пронизывали до костей. В многочисленных лощинах и балках дороги превратились в сплошные сугробы. Каждый шаг давался с большим трудом. Доставалось связистам. Ведь и в тех условиях приходилось обеспечивать связь. Не раз возникали стычки с противником. На юг и юго-запад параллельно нашим наступавшим дивизиям отходили разрозненные

вражеские части и подразделения. Они нередко пересекали пути движения полков 203-й дивизии, устраивали засады в населенных пунктах и обстреливали наши колонны.

— Когда мы вышли к южной окраине хутора Гриев,— вспоминал Амерби Цацуевич,— противник бросил против нас 15 танков с пехотой на броне. При тридцатиградусном морозе в снежных окопах пришлось отбивать вражескую атаку. Я хорошо помню, как полковник Ф. Д. Ситников, вырывая у меня микрофон, требовал от штаба дивизии артиллерийской поддержки. А ее не было. Артиллеристы остались в пути. Тяжело тогда пришлось находке. И взять Ско-сырскую в декабре мы так и не смогли. Новый, 1943 год встречали в тяжелых боях...

После разгрома вражеской группировки войск под Сталинградом противник вынужденно ослабил свой патруль на внешнем фронте. В результате дивизия успевши начала освобождение Луганщины, таких известных шахтерских городов, как Краснодон, Ровеньки, Свердловск.

Только в апреле 1943 года дивизию вывели во второй эшелон на пополнение личным составом и вооружением. А в августе недалеко от Северского Донца, севернее села Богородичного, она вводилась в бой и развернула наступление на населенный пункт Голая Долина.

— На тех рубежах враг закрепился еще с весны,— продолжал воспоминания Амерби Цацуевич,— поэтому почти две недели дивизия не могла добиться успеха. В те дни связистам хватало забот. От непрерывного обстрела наших позиций в течение дня по несколько раз нарушалась связь с батальонами. В один из дней на устранение повреждений ушли все телефонисты из дежурной смены. А связи не было. Настал

мой черед. Конечно, я тогда и предполагать не мог, что это был для меня последний выход на линию связи. Я выбрался из укрытия, перевалил через бруствер окна и, держа провод в руке и прижимаясь к земле, пополз павстречу огненному смерчу. Вокруг меня с оглушительным треском рвались мины, со свистом разлетались обломки и пролетали пули. Но мысли мои были заняты поиском порыва и желаниям как можно быстрее его ликвидировать. Все происходящее вокруг, казалось, не имело ко мне никакого отношения. Наконец, я достиг места, где обрывался провод. Еще дымилась воронка от разорвавшейся прямо на линии мины.

Быстро зачистил конец провода, нарастил его, нашел продолжение, подключил к нему аппарат, убедился, что дальнее повреждений не было, соединил концы и для прочности сделал закрутку. Требовалось для надежности изолировать место соединения проводов. Но только я достал изоляционную ленту, как почувствовал удар в левое плечо. Надошью правой руки провел по плечу и увидел, что вся она в крови. Поги стали ватными, в голове появился шум. И все же я продолжал изолировать соединение. Но снова удар. Теперь в голову, и я потерял сознание. Очнулся через несколько дней в госпитале.. Оказывается, за короткое время меня дважды ранило. Один из обломков скользнул по черепу и повредил глазной нерв. Еще какой-нибудь миллиметр — и я был бы не жилец на этом свете. Долгие месяцы боролись за мою жизнь врачи нескольких стационарных госпиталей. Только опытный нейрохирург Лев Борисович Шрайбер сумел поставить меня на ноги. Но путь на фронт был заказан. Вот и лежал в Черную Речку..

За ратные подвиги и в ознаменование 40-летия Победы награжден А. Ц. Нагаев орденами Отечественной войны I степени и Славы III степени. Будучи

инвалидом войны второй группы, он до 1968 года свою пенсию перечислял в Фонд помощи детям-сиротам, потерявшим родителей в годы войны.

У ГОЛОЙ ДОЛИНЫ

До призыва в армию Нажмудин Березгов, уроженец Кызыбуруна II, учился на физико-математическом факультете Кабардино-Балкарского педагогического института. Война прервала его учебу. Вместе с группой своих односельчан прибыл он в Лабинскую, а там был зачислен в полковую школу на отделение по подготовке топографических разведчиков. Вместе с ним на этом отделении из числа наших земляков учились Иван Веретенко, Сергей Логвиненко, Борис Плетнев, Николай Шутко и другие. В мае 1942 года состоялся выпуск, и курсантов распределили по дивизионам 1037-го артиллерийского полка. Нажмудин Березгов получил назначение во взвод управления первого дивизиона. Там прошел боевое крещение и участвовал в наступательных боях 203-й стрелковой дивизии от захвата Донского плацдарма до освобождения Донбасса.

Когда дивизию вывели из боев на пополнение личным составом и получение нового стрелкового и артиллерийского вооружения, первый дивизион разместился в селе Новая Астрахань. Там находились почти три месяца, поэтому Нажмудин имел возможность встречаться и общаться со многими своими земляками. Чаще других беседовал он с командиром орудийного расчета первой батареи Мухажидом Даовым, ведь батарея входила в состав первого дивизиона.

В первой половине августа 1943 года дивизия выступила на фронт и заняла исходный рубеж севернее села Богородичного для наступления на большой населенный пункт Голая Долина.

Название как нельзя лучше характеризовало место, где предстояло вести бой дивизии. Глубокая котловина, образованная за многие века степной рекой, с выгоревшей травой и белыми прогалинами известняка и мела на склонах. Вокруг серо и пустынно. От разрывов мин и снарядов высоко в небо взметались клубы дыма и белой пыли. Лишь у самой кромки берега реки на дне котловины протянулась зеленая каемка, к которой прижались сельские домики, почти сплошь разрушенные и сожженные в предыдущих боях.

Дивизия начала бои за Голую Долину 16 августа 1943 года. Гудела земля, солнце скрылось за белой дымкой и пылью, а пехота, которая поднялась за артиллерийским валом, так и не смогла достичь руин села. Было известно, что в ходе упорных боев у Голой Долины погиб наш земляк Нажмудин Махмудович Березгов. Но при каких обстоятельствах это произошло, долгое время не удавалось выяснить. Лишь в 1988 году на встрече ветеранов полка Карабай Кербекович Тухужев познакомился с бывшим связистом первого дивизиона Рачиком Николаевичем Джавадовым, который лично знал Нажмудина Березгова. Он и написал об обстоятельствах гибели нашего земляка:

«...Нажмудина Березгова я знал по совместной службе во взводе управления первого дивизиона 1037-го артполка. До сих пор в моей памяти сохранился его образ: типичный горец, высокого роста, чернокожий, с густыми темными бровями, правильными чертами лица, крепкого сложения. Сначала он показался мне малообщительным. Но это на первых порах. Несмотря на то, что во взводе он был один, кто уже начинал учиться в институте, своей образованностью не кичился. Скромный был парень. Познакомился я с ним при форсировании Дона. Мы вместе на плоту переправляли имущество взвода управления. И Наж-

мудин проявил не только огромную выдержку, но выносливость. Груженый плот не раз мог уйти по течению, если бы мы не удерживали его изо всех сил цепляясь руками за перекинутый через реку трс. Когда мы перебрались и разгрузили плот, я спросил у Нажмудина, умеет ли он плавать. Он взглянул на меня, улыбнулся и ответил: «Конечно, нет. Негде было учиться». Его признание потрясло меня, ведь при переправе он держался так спокойно и уверен, будто никакой водный рубеж ему не страшен.

В нашем дивизионе во второй батарее ездали служил парень-кабардинец. Так Нажмудин часто им встречался. Он говорил, что парень этот из села и они вместе призывались в армию. А вот и фамилию того парня я забыл. Кто знает, быть может, этот парень и уцелел...

По-настоящему подружился я с Нажмудином, когда стояли мы в Новой Астрахани. Было достаточно времени, чтобы лучше узнать друг друга, рядом ходились во время боевой учебы, вместе ходили в раул и отдыхали. А когда выступали на фронт, рядом работали на оборудовании командного пункта дивизиона, вместе прокладывали связь, готовили данные для стрельбы, выполняли другие задания командира взвода управления.

Последний раз с Нажмудином мы прокладывали линию связи под Голой Долиной. Вели ее вдоль долины с неглубокими кюветами. В том месте, где намлось перебросить нитку связи через дорогу, появился несколько наших танков. Поднимая клубы пыли, двигались к переднему краю и, естественно, не могли быть не замеченными противником. Вражеская тяглерия открыла огонь. Мы залегли в кювете вскоре к нам присоединился экипаж с подбитого танка. Огневой налет продолжался довольно долго, и подбитый танк был хорошей мишенью. А нам тре-

валось продолжить прокладку линии связи. Но вот показалось, будто обстрел прекратился. Нажмудин решил выяснить обстановку. Он выполз из кювета на дорогу. Опасности никакой не обнаружил, поэтому приподнялся — и в тот же момент рядом с ним разорвался снаряд. Наш друг был смертельно ранен и скончался на наших руках. Танкисты помогли отнести тело моего друга в тыл. С воинскими почестями Нажмудин Махмудович Березгов был похоронен на кладбище села Богородичного. Там находились тылы дивизиона. Случилось это 17 августа 1943 года. Вот и все, что могу я сообщить о своем фронтовом друге».

СХВАТКА С «ТИГРОМ»

По сведениям Карабая Кербековича Тухужева, в 419-м отдельном истребительно-противотанковом артиллерийском дивизионе (ИПТАД) 203-й стрелковой дивизии служили и воевали помимо него Каншоуби Маргушев и Кушби Шуков из Баксанского района, Валентин Шаповалов из станицы Екатериноградской и другие наши земляки.

Когда в апреле 1943 года дивизию вывели во второй эшелон на пополнение личным составом и получение вооружения, орудийные расчеты получили новые 57-мм противотанковые орудия. Боевые качества этого орудия значительно превосходили ударную силу хорошо известной участникам войны «сорокапятки». Поэтому часть 45-мм орудий была передана в полковые батареи. Личный состав изучал наставления по стрельбе из полученных орудий и знакомился с образцами новой вражеской техники, с которой артиллеристам предстояло встретиться.

Наконец пришел август 1943 года. Дивизия выступила на фронт и заняла оборону севернее села Бого-

родничного, имея целью наступление на крупный узел обороны противника — населенный пункт Голая Долина.

В каких только местах не приходилось занимать огневые позиции артиллеристам, но у Голой Долины условия были особенно трудными. Невозможно было оборудовать орудийные дворики и рыть траншеи. Стены их тут же осыпались, ноги до колен утопали в пыли. Пыль забивалась под одежду, скрипела на зубах, висела в воздухе, проникала под зачехленное оружие.

На первых порах многие бойцы надеялись, что сидеть в этой пыли им придется недолго. Думали, что дивизия быстро захватит Голую Долину и они двинутся дальше к Днепру. Но надеждам этим не суждено было быстро сбыться. Враг на этом участке фронта хорошо подготовил оборону и не собирался отступать.

По решению командования дивизии на направлении предполагаемого главного удара 15 августа 1943 года проводилась разведка боем. Батальон 619-го стрелкового полка, усиленный минометной батареей, батареей полковых орудий и батареей противотанковых орудий 419-го ИПТАД, после короткого огневого налета поднялся в атаку и устремился по скату котловины к селу. Казалось, еще один небольшой рывок — и цели достигнут разрушенных домов.

Расчет, в котором служил Кушби Шуков, на руках выкатил пушку и, чтобы не отрываться от пехоты, начал ее двигать по склону вниз. Орудие двигалось легко, и артиллеристы надеялись вскоре достигнуть видневшейся невдалеке огороженной изгороди. Но в этот момент противник обрушил на атакующих огонь из всех видов оружия. Пехота залегла, а артиллеристы с орудием оказались на открытом месте. Во время вражеского обстрела Кушби Шомахович Шу-

ков был тяжело ранен. Только вечером удалось вынести его с поля боя. Из госпиталя в строй он уже не вернулся, стал инвалидом войны...

Хорошо памятны бои у Голой Долины Николаю Владимировичу Правилину. В течение пятнадцати дней не смолкал гул сражения на этих рубежах. Но всякий раз, как только полки 203-й дивизии бросались в атаку, враг, подтягивая из резерва свежие силы и используя выгодные позиции, отбрасывал их назад.

Тогда командование армии сформировало ударную группу, в которую вошли часть сил 203-й дивизии, включая подразделения 419-го отдельного ИПТАД, и танковый батальон. В состав ударной группы вошел и орудийный расчет сержанта Николая Правилина.

Сначала атака ударной группы развивалась успешно. Наши танки быстро достигли развалин на окраине села, смяли прикрытие и ворвались в центр. Бражеская пехота вынуждена была отойти за реку.

И вдруг, словно встретившись с невидимым препятствием, головная «тридцатьчетверка» резко остановилась, и неведомая сила сорвала с нее башню. Только потом до слуха артиллеристов донесся звук выстрела и взрыва. Вскоре такая же участь постигла второй наш танк.

— Не иначе «тигр»? — высказал предположение сержант Правилин и тут же отдал команду развернуть орудие к бою.

И как только артиллеристы изготовились к стрельбе, из-за полуразрушенного здания в центре села на дорогу выполз «тигр». Это была первая встреча расчета с грозной машиной. Командир орудия сам приник к прицелу и после тщательной наводки скомандовал: «Огонь!». Бронебойный снаряд только искры высек на броне башни танка, не причинив тому никаких по-

N. V. Правилин

вреждений. Еще дважды снаряды достигали цели, но корпус «тигра» оказался непробиваемым с такого расстояния.

Теперь возникла угроза расчету, ведь стрельбу вели они с открытой позиции, и противник не мог не заметить орудия. Но на их счастье от разрывов снарядов в разных местах взметнулись клубы пыли, которые отвлекли внимание экипажа танка. Это позволило артиллеристам быстро закатить пушку под прикрытие небольшого сарайчика. Так закончилась первая встреча орудийного расчета с грозным «тигром».

А бой продолжался. Несмотря на отчаянное сопротивление врага, ударная группа захватила часть села Голая Долина и потеснила противника за реку. Туда же ушел и «тигр».

Сержант Н. В. Правилин получил задачу занять огневую позицию напротив моста через реку. Место оказалось не самым лучшим. Небольшой склон, дорога и пустырь перед мостом. Все как на ладони. Укрыться негде. Слева, ближе к мосту, оказались развалины дома. Разглядывая их, командир орудия пришел к мысли разместить в них огневую позицию. Сохранились печь и часть изгороди со стороны реки. Правилин забрался в развалины, осмотрел их и тут же начал действовать. Вместе с расчетом пробил

они в печи отверстие для ствола орудия, расчистили от лома площадку, на которую скрытно закатали орудие, подпилили столбики сохранившейся части изгороди, подперли их небольшими стойками и к ним прикрепили концы проволоки. Стоило потянуть проволоку — изгородь падала и открывалась возможность ведения огня прямой наводкой. На случай обстрела расчет мог укрыться в погребе...

Не желая мириться с потерей важного узла обороны, враг перешел в контратаку на нашу ударную группу. Наступил ответственный момент. Как и ожидалось, первым к мосту выполз «тигр». Под его прикрытием начали накапливаться автоматчики. Выждав момент, когда фашистский танк достигнет середины моста, Правилин скомандовал: «Дергай!» Изгородь рухнула. Учитывая горький опыт бесполезности ведения огня по башне, командир приказал выпустить трассирующий снаряд по гусеницам танка. Затем последовали еще два выстрела подкалиберными снарядами. Танк замер. Его орудие, нашуливая нашу пушку, медленно развернулось в сторону развалин дома, и грянул выстрел. Разрывом снесло часть печи, сорвало щиток у пушки и смертельно ранило заряжающего. Но расчет продолжал вести огонь по теперь уже неподвижной цели. К дуэли присоединились другие орудия батареи. Вскоре над вражеской машиной взвился дымок, экипаж покинул танк и скрылся под мостом. Стало ясно, что в схватке с «тигром» артиллеристы одержали верх. А бой еще продолжался долгих четыре часа, пока не подоспели главные силы дивизии.

На всю жизнь запомнился Николаю Владимировичу Правилину бой в Голой Долине. Немало было и до и после схваток с вражескими танками, но этот случай во фронтовой биографии нашего земляка стоит особо.

сь боевой путь от Дона до Праги прошел он в отдельном истребительно-противотанковом артиллерийском дивизионе 203-й стрелковой дивизии. , его украсили орден Красной Звезды, две медали «за отвагу» и другие боевые награды. После демобилизации до 1966 года трудился он на Нальчикском машиностроительном заводе, затем в системе коммунального хозяйства республики. За труд в годы мира награжден орденом Знак Почета и удостоен звания «Почетный работник коммунального хозяйства республики Балкарии». К 40-летию Победы награжден орденом Отечественной войны II степени. В сентябре 1993 года Николай Владимирович Правилин скончался...

ТЕПЕРЬ НЕ ВЕРИТСЯ ДАЖЕ..

После трудных и кровопролитных боев у Голой Ины 203-ю стрелковую дивизию вывели на отдых и выполнение в район Старобельска. Но передышка оказалась непродолжительной. Через неделю, 7 сентября 1943 года, полки дивизии заняли исходный рубеж для наступления на село Краснополье Первое и вышли на Павлоград.

Стояли теплые и солнечные дни начала осени. Ветер деревьев в садах прогибались от богатого урожая яблок. С полей веяло таким покойм, что совсем не казалось о войне. Не верилось, что вскоре эти мирные картины сроются в пламени и дыму разрывов гранат, снарядов и авиабомб.

Так как готовилось наступление, то батареи 7-го артиллерийского полка занимали огневые позиции в непосредственной близости от переднего края. Вскоре тишину украинской степи разорвал гул артиллерийской канонады. После залпов гвар-

деских минометов пехота поднялась в атаку. Но разить успех не удалось. Как оказалось, противник на этом участке хорошо подготовил оборонительные рубежи. На наши боевые порядки обрушился мощный артиллерийско-минометный огонь, появилась вражеская авиация, началась бомбёжка переднего края. Заязались упорные многодневные бои. В сложившейся обстановке артиллерийским разведчикам не раз приходилось переносить наблюдательный пункт. Командование требовало быстро обнаружить и определить координаты огневых точек противника, обеспечить выдачу данных для корректирования огня своей артиллерии. Вспоминая события тех памятных сентябрьских дней, бывший связист взвода управления полка Михаил Ефимович Чихрадзе рассказывал:

— В тот день я прокладывал линию связи на наблюдательный пункт второго дивизиона. За мной по линии бежал Саша Хворостинский. Он закреплял и местами прикалывал провод. И вдруг, в том месте, куда нам предстояло протянуть связь, начали рваться снаряды. Мы залегли. Как только взрывы стали смещаться в сторону, я поднялся и с катушкой побежал дальше. Уже почти пересек лесополосу, как вдруг слышу, меня окликнули: «Мишка! Стой! Помоги, я ранен...» Звал командир отделения разведки взвода управления второго дивизиона Иван Герасименко. Я подозвал Хворостинского. Мы оказали первую помощь нашему раненому земляку, а потом я подключил линию связи. Так и расстался с Герасименко до конца войны. Потом, после демобилизации, я как-то зашел в вечернюю школу на Кабардинской. Встретил там нашего однополчанина Сергея Саркисова. Стояли, разговаривали с ним. Вдруг он замолчал, а потом не без гордости сказал: «Гляди, а это наш завуч». Я взглянул и обомлел. К нам, весело улыбаясь, широко расставив руки, подходил артиллерийский развед-

ван Герасименко... Многое вспомнили. Но
леды его затерялись...

В разговоре с М. Е. Чихрадзе и С. Л. Сарки-
приступил к активному поиску Ивана Нико-
Герасименко. Искал его на далекой Камчат-
ретиться довелось в Нальчике.

Сперь не верится даже,— говорил он, сму-
льбаясь,— что все пережитое нами было на-
еле. Не ожидал, что кто-то интересуется на-
удьбами и собирает сведения об однополча-
наверное, нет ничего необычного в наших био-
.. Ведь они совпали и слились с биографией
жетского народа. Горько только сознавать,
ь дорогой ценой добыта победа...

Менту нашей встречи я располагал не только
енными материалами о боевом пути дивизии
ах его однополчан, но, что не менее интересно
ана Николаевича, достаточной информацией
то учился вместе с ним в нашем Кабардино-
ском педагогическом институте и работал в пору его сту-
ва. Нам было о чём говорить. Тогда и во временах
встреч стали известны некоторые факты из
житовой биографии.

призыва в армию вместе со своим другом
ем Мандрыкным трудился Иван Герасименко
тьчикском обозостроительном заводе. Вместе
ались друзья и в одном отделении служили.
после полковой школы Герасименко стал ко-
ом отделения разведки взвода управления вто-
изиона 1037-го артиллерийского полка.

омнилось форсирование Дона, перевернутый
ява вражеского снаряда понтон, вынужденное
ие в реке и встреча с комиссаром полка
Петровым, который пришел к ним на помощь в
трудную минуту, когда неизбежной уже каза-
струча с итальянцами.

С высоты прожитых лет удивлялся Иван Николаевич беспечности, с которой они с Алексеем Мандрыкиным ходили на разведку на Донском плацдарме. Однажды после рейда во вражеский тыл на обратном пути повстречались с дивизионными разведчиками. И те объяснили им, что по чистой случайности удалось друзьям избежать встречи с итальянцами. И все же именно там, в районе хутора Рубашкин, наравились они на вражеское боевое охранение, подверглись обстрелу и были на волоске от гибели. Эта разведка стала последней для Мандрыкина. Получив тяжелое ранение, на долгие семь месяцев попал он в стационарный госпиталь в городе Ачинске. Долго лечился. На фронт уже вернуться не смог. Стал инвалидом войны. В Нальчикском городском военкомате вручили Алексею Федоровичу Мандрыкину орден Красной Звезды, к которому он был представлен за проявленное мужество в боях на Донском плацдарме...

После освобождения станицы Краснокутской последовал приказ: 203-й стрелковой дивизии совершить ускоренный 120-километровый марш на юго-запад и к исходу 27 декабря 1942 года сосредоточиться севернее станицы Скосырской. Требовалось оказать помощь танкистам генерала В. М. Баданова: разорвать вражеское кольцо окружения в районе Ташинской.

Стояли трескучие тридцатиградусные морозы. В лощинах и балках замело дороги. Бойцы выбивались из сил, преодолевая снежные заносы, метели и холод. Параллельно с нашими колоннами отходили разгромленные вражеские части и подразделения. Нередко возникали стычки.

— Именно тогда и произошел случай,— продолжал рассказ Иван Николаевич,— который помнится до сих пор. На рассвете первого дня Нового, 1943 года, после короткой артиллерийской подготовки полки диви-

зии сбили вражеское боевое охранение и захватили несколько хуторов. В один из них, название припомнить не могу, с начальником штаба нашего дивизиона капитаном Киселевым мы зашли вслед за пехотой. Пока определяли место для командного пункта, пока отдавались приказы по дислокации батареи прошла большая часть дня. Требовалось позаботиться о расквартировании. И тут на самой окраине кипитан облюбовал небольшой домик. Хозяйками оказались две казачки, как выяснилось позже, мать и дочь. Встретили они нас очень радушно. Отвели свою большую комнату в хате. Накрыли стол. Принесли огромную чашу, не меньше таза, с холодцом. Поначалу меня смущило такое обилие еды. На двоих многовато, если учесть, что хозяйки готовили ее для себя. Но тем не менее мы с аппетитом поужинали, разомлевши и с огромным удовольствием забрались в настоящие кровати, застеленные чистыми простынями, и тут же заснули мертвейским сном. Проснувшись рано и только собравшись завтракать, как в хату зашел разведчик из пехоты. Увидев капитана, он несколько смущился, но потом все же решил сказать о цели своего прихода: боевые друзья послали его раздобыть табака. Им было известно, что в казачьих хуторах хозяйки на чердаках сушили табачный лист и в некоторых домах это зелье сохранилось до сих пор. Поэтому он попросил капитана разрешить ему «пошарить» на чердаке. Капитан кивнул в сторону хозяек, у них, можно спрашивай разрешение. Но те молчали, потупив взоры. Тогда разведчик, истолковав их молчание за согласие, вышел в сени и по стремянке забрался на чердак. А вскоре оттуда раздался его голос: «Братцы! Принимайте гостей!» Я выскоцил в сени и к своему великому изумлению увидел, как по лестнице с поднятymi вверх руками сошли трое немцев. Они что-говорили, но понять их было трудно. Да и не мог

опомниться от неожиданности. Ведь мы ночь провели с врагами в одном доме. Возможно, они и хотели сдаться в плен, а может, по какой-то другой причине не успели уйти с хутора. Но тот факт, что ими не была поднята стрельба, свидетельствовал о том, что фрицы эти уже отвоевались. А вот хозяйки наши наверняка знали об их присутствии на чердаке, но по каким-то причинам нам об этом не сообщили. Но на войне и не такое бывало...

Из Славянского госпиталя Иван Николаевич в свою дивизию не вернулся. Направили его на новое место службы на должность командира 45-мм противотанкового орудия полковой батареи 480-го стрелкового полка 152-й стрелковой Днепропетровской ордена Красного Знамени дивизии. А вскоре дивизию перебросили на Первый Белорусский фронт. Готовилось проведение крупной наступательной операции по освобождению Белоруссии.

12 июля 1944 года в лесу под Барановичами стрелковый батальон и противотанковая батарея, в которой служил И. Н. Герасименко, участвовали в бою с крупными силами отходящего противника. В том бою расчет «сорокапятки» подбил вражеский танк. Но слишком неравными были силы. Второй танк, выскочивший на их огневую позицию, раздавил орудие. Разрывная пуля попала в ногу командира орудия. Видимо, оказалась перебитой артерия, так как из раны буквально ударил фонтан крови. Наводчик поспешно размотал обмотку, перетянул ею простреленную ногу командира, уложил его у небольшой сосны и ушел с остатками батальона. Остался И. Н. Герасименко один. Недалеко послышались голоса немцев. Он уже намеревался отползти в кусты, как подошли два вражеских автоматчика. Один из них поднял автомат, чтобы пристрелить артиллериста. Но то ли вид раненого, то ли убежденность в том, что не

выживет он, остановили немца, и он не выстрелил. Автоматчики ушли. Только через сутки подобрали его жанта И. Н. Герасименко наши санитары. Пришлое перенести ему несколько сложных операций. Фронтовые хирурги намеревались ампутировать ногу. Других шесть месяцев пришлось провести в госпитале. На фронт уже не вернулся.

Ратные заслуги Ивана Николаевича Герасименко отмечены орденами Отечественной войны I степени и Славы III степени, многими медалями. На фронт стал он членом партии.

После войны поступил Иван Николаевич на химко-биологический факультет пединститута в Нальчике, окончил его, учительствовал в городских школах, работал заместителем заведующего Сахалинским облино, заведующим Петропавловским-на-Камчатке гимназии, преподавателем вуза.

ОГНЕВИКИ

Собирая сведения о наших земляках, служивших воевавших в 1037-м артиллерийском полку 203-й стрелковой дивизии, мне удалось выяснить, что многие из них были командирами орудий, наводчиками, орудийными номерами. Чаще всего в годы войны их называли огневиками.

Стало известно, например, что Мухажид Дао Анатолий Кулешов, Дмитрий Ломоносов, Леонид Шуть были командирами орудийных расчётов, Федор Бредихин, Николай Гончаренко, Владимир Афанасьев, Али Дзамихов, Сихат Мазанов, Мыртай Сзаев — наводчиками, Кашиф Казанов, Сергей Логвиненко, Каншоуби Маргушев и другие — орудийные номерами.

Чтобы уточнить полученные данные о фронтовых биографиях огневиков, я неоднократно обращался за помощью к ветерану 1037-го артполка, Герою Советского Союза Ивану Иосифовичу Вехову. Он прислал несколько обстоятельных писем, рассказал об известных ему эпизодах, в которых принимали участие артиллеристы, назвал несколько имен, а в заключение посоветовал: «...Рад бы сказать больше, мои боевые друзья заслуживают вечной памяти, но годы уже не те... Зримо представляю многих, а фамилий назвать не могу. Обратитесь лучше всего к Федору Бредихину. Он моложе меня, живет в Нальчике и может гораздо быстрее назвать своих однополчан...»

Я последовал рекомендации Ивана Иосифовича, разыскал Федора Андреевича Бредихина и познакомился с ним. От него стало известно о многих событиях военной поры, о судьбах некоторых наших земляков. С глубокой благодарностью вспоминал он своих армейских наставников, уроки мужества и сыновнего долга, полученные от командира батареи старшего лейтенанта А. И. Евдокимкина и парторга батареи В. В. Братишкина. Благодаря их стараниям вчерашние беззаботные и бесшабашные парни становились настоящими воинами, готовыми на подвиг во имя Родины. Позже встречались также достойные командиры, но память о первых осталась в сердце на всегда.

— В начале декабря 1942 года,— вспоминал Федор Андреевич,— когда дивизия вела упорные бои в районе хутора Дубовский, нашему расчету пришлось участвовать в отражении ожесточенных вражеских контратак. Однажды на нашу батарею двигалось целое румынское подразделение. Я помню, как спокойно отдавал команды наш комбат, как быстро мы изготавливались к бою и встретили атакующих таким огнем, что все поле перед огневыми позициями было

усеяно их трупами. В вылу сражения мы, естественно, не замечали, кто и как себя вел. А когда бой завершился, старший лейтенант Евдокимкин особо отметил действия нашего расчета, за что я был награжден первой медалью «За боевые заслуги»...

И все же во время нашей встречи мой собеседник рассказывал о своих однополчанах больше всего. Он вспомнил спокойного и рассудительного Али Дзамихова. С ним познакомился еще в полковой школе. Али был старательным и способным курсантом, его не раз ставили в пример другим. Их вместе направили в первый дивизион. Только Дзамихова в первую батарею, а Бредихина — во вторую.

— Возможно потому, — продолжал свой рассказ Федор Андреевич, — что самыми памятными остаются первые впечатления от пребывания на фронте, и они для нас были связаны с форсированием Дона. Мы до сих пор отчетливо вспоминается наша переправа Плоты, на которых мы переправляли орудия, были очень неустойчивыми. Стоило создать малейший крен — плот переворачивало, и орудие оказывалось в воде. Не знаю, как случилось в первой батарее, что плот не перевернулся, а нашего друга Али Дзамихова смыла донская волна. Это была первая утрата, и мы очень горевали. Ведь потеряли боевого товарища еще до встречи с противником. Даже похоронить не смогли.

Позже я встречался с одноклассником Али Матраиловича Дзамихова Героем Социалистического Труда Мухабом Алимовичем Камбиевым, который очень тепло отзывался о своем школьном друге, характеризовал его как скромного, смелого и трудолюбивого парня, вспомнил несколько эпизодов, связанных с учебой в Каменномостской средней школе.

Рассказал Федор Андреевич о боях в районе села Голая Долина. Там орудия второй батареи ставили на прямую наводку. 17 августа 1943 года против

ник предпринял контратаку. На передний край 203-й стрелковой дивизии обрушилась вся огневая мощь врага. Клубы дыма и пыли поднялись вокруг орудийных двориков. Прямо на огневой рубеж второй батареи выползли два «тигра», и тут же ударили их пушки. Прицельный огонь вести мешал минометный и артиллерийский обстрел противника, а тут еще под прикрытием танков появились цепи вражеских автоматчиков. Батарея оказалась в огневом кольце. Начали выбывать из строя бойцы и командиры. В этот момент заклинило орудие их взвода, где наводчиком был друг Бредихина, наш земляк Николай Гончаренко. Командир взвода приказал Бредихину помочь расчету ввести орудие в строй. Но как только тот перебрался через высокий бруствер и спрыгнул в соседнюю траншею, раздался взрыв мины. Ее осколками был смертельно ранен Николай Гончаренко. «Вот и все», — только и успел он сказать своему нальчикскому другу, подхватившему его израненное тело.

Когда вражеская контратака была отражена, командир батареи связался с дивизионом, доложил о потерях и попросил помочь эвакуировать раненых и прислать хоть какое-то пополнение. Тогда и получил Сергей Логвиненко вместе с несколькими бойцами взвода управления задание добраться до батареи и помочь эвакуировать раненых.

— Мы тут же, — рассказывал Сергей Иванович, — двинулись в путь. Но началась бомбейка, мои попутчики отстали и до батареи удалось добраться только мне одному. Что творилось на огневой, передать невозможно. Все вокруг было изрыто воронками от разрывов мин, снарядов и бомб. Местами еще дымилась земля. Почти весь личный состав второго огневого взвода вышел из строя. Был тяжело ранен командир батареи. Санитаром не могла оставить других раненых, поэтому решено было — мне отправляться

в тыл с комбатом, а за остальными возвращаться вечеру. Хорошо помню, что у одного из орудий взвоз в строю оставался один Федор Бредихин. В связи тем, что на обратном пути меня зацепил осколок, батарею я вернулся только через день и узнал печальную новость: фашистский снайпер поймал на мушку моего друга и только случайно добравшийся до орудийного дворика комсорг дивизиона обнаружил там истекавшего кровью Федора Бредихина. Он окажал наводчику первую помощь и доставил его в медсанбат. Оттуда медики отправили Бредихина в полевой госпиталь, который размещался в совхозе «Лиманец». Так расстался я со своим земляком и однополчаном...

Бредихин был очень слабым, еще не зарубцевалась рана, когда в госпитале появились представители 45-го гвардейского минометного полка «катюш» для отбора из числа выздоравливающих наводчиков. Госпитале не так много оказалось огневиков, поэтому несмотря на категорические протесты главного врача представитель минометного полка под расписку забрал Бредихина из госпиталя. До конца войны сражался наш земляк в составе минометного полка, был награжден орденом Красной Звезды.

В районе Голой Долины выбыл из 1037-го артиллерийского полка и Сергей Логвиненко. После госпиталя служил снайпером, а позже командиром минометного расчета 779-го стрелкового полка 227-й стрелковой дивизии. В Нальчик вернулся кавалером ордена Славы III степени.

Уроженец Сармаково Мухажид Гузерович Дастан призывался вместе с Дзамиховым, вместе с ним окончил полковую школу и стал командиром первого орудийного расчета первой батареи первого дивизиона 1037-го артиллерийского полка. Вместе со своими однополчанами боевое крещение принял на Донском

плацдарме. В период трудного наступления на станцию Скосырскую орудийному расчету Даова дважды пришлось вступать в единоборство с фашистскими танками. За мужество в тех боях в числе первых командир орудия М. Г. Даов был награжден медалью «За отвагу».

Не раз отличался его расчет в ходе боев по освобождению Луганской области. У Голой Долины, при форсировании Днепра, в наступлении на Николаев и Одессу, в самых сложных ситуациях действовал наш земляк решительно и смело и получил новые награды — орден Славы III степени и медаль «За боевые заслуги». Когда шли бои на территории Румынии, Мухажид Даов был тяжело ранен и после госпиталя на фронт не вернулся.

Многие земляки хорошо помнят Мухажида по его работе в родном колхозе и в Сармаковском филиале комбината «Дружба». Умер М. Г. Даов в 1980 году.

Весь боевой путь в артиллерийском полку с момента его формирования и до последнего залпа прошли нарткалинец Дмитрий Трофимович Ломоносов и Леонид Иванович Шуть из Нальчика. В очерке «Командир орудия» уже говорилось о судьбах Л. И. Шуть и его фронтового друга Сихата Бачировича Мазанова. О Д. Т. Ломоносове будет сказано ниже. Я не раз встречался с ним в Нарткале в маленьком домике на улице Комсомольской. Дмитрий Трофимович интересный рассказчик...

— После боев на луганской земле,— рассказывал он,— нашу дивизию вывели во второй эшелон и разместили в населенном пункте Новая Астрахань. Там моего друга и земляка Анатolia Кулешова, служившего на должности командира орудия, перевели на должность орудийного мастера. Другой бы радовался, а он долго не соглашался. У него был особый дар быстро обнаруживать и устранять всякие неполадки

в сложной артиллерийской технике. Без его умения обойтись нельзя было никак. Поэтому и стал он орудийным «доктором». Когда начались бои у Голой Долины, от непрерывного обстрела и регулярных бомбек то одно, то другое орудие стало выходить из строя. Приходилось Анатолию почти под обстрелом ремонтировать их. 18 августа 1943 года находился он на нашей батарее, исправлял одно из орудий. В этот момент осколком от вражеской мины моего друга тяжело ранило. Отправил я его в госпиталь и написал домой, что после лечения в госпитале, быть может, Кулешов получит отпуск и побывает в Докшукино. Тогда он подробно расскажет обо всем. Но время шло, а о нашем однополчанине ни слуху ни духу. Только в ноябре, когда меня ранило и я попал в тот же госпиталь, где лежал Кулешов, выяснилось, что врачи не смогли сохранить жизнь моему другу. Так война забрала Анатолия Александровича Кулешова...

О судьбе Каншоуби Хутовича Маргушева узнал я от Карабая Кербековича Тухужева.

— В числе тех,— вспоминал он,— кого хорошо помню до сих пор, и Каншоуби Маргушев из Баксанского района. Сначала служил он в артиллерийском полку, и мне не довелось с ним встретиться. Я хоть и числился в отдельном истребительно-противотанковом артдивизионе, большую часть времени проводил в стрелковом полку, которому придавался наш взвод противотанковых ружей. Но в районе Старобельска, когда дивизия находилась на доформировании, Маргушева перевели в наш дивизион, и стал он командиром орудия. Тогда я ближе познакомился с ним. Был он невысокого роста, смуглолиц, очень подвижный, с хорошей выпрямкой и крепкой фигурой. Понравился он своим остроумием и веселым, неувядающим нравом. Как командир орудия, он быстро освоился с новой для него техникой и не раз отличал

ся смелыми и решительными действиями в сложной фронтовой обстановке. После форсирования Днепра на захваченном плацдарме орудийный расчет Маргушева не раз отражал атаки фашистских танков и самоходок. За проявленное в те дни мужество командованием он был представлен к награждению медалью «За отвагу». Случилось так, что для вручения наград группы бойцов и командиров отправили на пароме на левый берег Днепра. Немцы обнаружили паром, обстреляли и потопили его. Многие, отличившиеся в предыдущих боях воины, так и не смогли получить заслуженные награды. Их, как и нашего земляка Каншоуби Маргушева, забрали воды Днепра...

Таковы сведения о наших земляках — огневиках 1037-го артиллерийского полка 203-й стрелковой дивизии.

БЫТЬ ПАМЯТИ ВЕЧНОЙ

Когда шел сбор сведений о ветеранах 203-й стрелковой дивизии, состоялось мое знакомство с Николаем Григорьевичем Овчаренко из Баксана. Он охотно рассказывал о своих земляках-однополчанах и настоятельно рекомендовал связаться с Георгием Ивановичем Совершенновым из Пятигорска.

— Он лучше меня помнит многих баксанцев, — говорил Николай Григорьевич, — и дальше меня служил в 592-м стрелковом полку. Я помню хорошо, что из нашего призыва вместе со мной в одном отделении служил Григорий Чуприк. Обстоятельства сложились так, что в самом начале боев на Донском плацдарме я был тяжело ранен и из дивизии выбыл. Поэтому, как дальше развивались события, не знаю...

Я написал письмо Георгию Ивановичу Совершеннову. Он ответил и вскоре приехал в Нальчик. Мы долго беседовали, вспоминая былые годы. У нас оказалось немало общих знакомых. Но основное внимание

было обращено на события, связанные со службой его в 203-й стрелковой дивизии.

— Теперь точно даже не могу сказать,— вспоминал он,— сколько человек нас было в этой группе. Я хорошо помню, что большинство направили в третий батальон 592-го полка. Кто был с нами? Федор Борисенко, Владимир Довгань, Георгий Калиниченко, Павел Мартыс, Николай Овчаренко, Валентин Розо, Василий Сухонюк, Анатолий Щелочков и другие, чьи фамилии не сохранились в памяти. На Донском плацдарме погиб Павел Мартыс и выбыл по ранению Николай Овчаренко. Когда Николая доставили к преправе, я успел с ним проститься и попросил его, если будет в Баксане, передать привет от нас и рассказать о том, где нам пришлось воевать. Прощание было трогательным. Кто мог предполагать, что на суждено будет еще до конца войны встретиться и даже вместе служить?

Мой собеседник задумался. Видимо, воспоминания унесли его в далекое прошлое и заставили мысленно вернуться в ту обстановку, к боевым друзьям. Потом он рассказал о первых впечатлениях, которые пришлось пережить во время переправы. Рассказчиком Георгий Иванович оказался хороним. Мне отчетливо представились подробности событий, в которых пришлось ему участвовать.

— В ходе наступательных боев,— говорил он, — мне не раз приходилось встречаться со своими земляками. Тогда я и беседовал с Жорой Калиниченко, Толей Щелочковым, Васей Сухонюком и другими. При встречах мы обязательно обменивались информацией о друзьях, о том, что писали из дома, об общих знакомых. В середине марта, когда шли бои в Донбассе, третий батальон 592-го стрелкового полка про ник во вражеский тыл, перерезал дорогу на Боково — Платово и стал наступать на высоту 222,0. Противник

оказывал упорное сопротивление. Бой длился целый день. К вечеру бойцы захватили высоту и небольшой поселок. Немцы несли большие потери, но не отступали. Во время этого боя был ранен Анатолий Щелочков и из дивизии выбыл. Уже после войны узнал я, что, выписавшись из госпиталя, служил он в другой части. В ней прошел до Германии и погиб 16 марта 1945 года, совсем незадолго до конца войны. А на отвоеванном участке упорные бои велись почти до конца апреля 1943 года. В тех боях смертью храбрых пали мои друзья по призыву Валентин Александрович Розов, Василий Савельевич Сухонос и Григорий Артемович Чуприн...

И еще об одной судьбе поведал Георгий Иванович Совершеннов.

Вместе с другими баксанцами на службу в 592-й стрелковый полк был зачислен Владимир Довгань. Комиссар полка временно оставил его своим ординарцем. Владимир еще в сороковом году окончил среднюю школу и имел среднее образование. Теперь трудно предполагать, какие планы относительно его дальнейшей службы вынашивал комиссар, но, скорее всего, намеревался вырастить из него армейского политработника, так как не однажды затевал разговор о направлении на армейские курсы политруков. Но

V. I. Довгань

обстоятельства складывались так, что реализовать эту идею так и не удалось.

— Когда дивизию вывели на доформирование, — рассказывал Георгий Иванович, — а было это на Украине в селе Новая Астрахань, я случайно встретился с Владимиром. Был он уже сержантом. Оказывается его перевели из нашего полка в 619-й на должность комсорга полка...

В этой должности прошел он через все испытания у Голой Долины и на Левобережной Украине, форсировал Днепр, участвовал в упорных боях на плацдарме. Не только у молодых бойцов, но и у ветеранов полка снискал авторитет и уважение за стремление прийти на помощь, не терять самообладания в самые трудные минуты боя, умело действовать и словом, и автоматом. О смелом комсорге не раз писали в дивизионной газете. Упоминали о его участии в отражении вражеских атак в селе Вовниги, где полк оказался отрезанным от главных сил дивизии. Вместе с бойцами и командирами участвовал Владимир Довгань в прорыве кольца окружения и организованной выводе личного состава из него. Тогда, несмотря на понесенные потери, 619-й стрелковый полк не утратил боеспособности, чему в немалой степени способствовал высокий моральный дух воинов. В это внес частичу своей души наш земляк — комсорг полка...

Вскоре после этих событий дивизию вывели с плацдарма на левый берег Днепра. Несколько дней ушли на пополнение полков личным составом и снаряжением. Но передышка оказалась слишком короткой. Сначала последовал приказ на прикрытие фланга частей, развернувших наступление на Запорожье, а затем — участие в освобождении города.

Приняв небольшое пополнение, 619-й стрелковый полк 12 октября 1943 года получил приказ к рассвету следующего дня переправиться через реку Вильну.

и развернуться для наступления в полосе между 203-й и 333-й стрелковыми дивизиями.

Хорошо зная эти места, командир полка майор А. М. Гурский повел батальоны к хутору Вильно-Грушевскому, где река резко сужается и меандрист. Там личный состав быстро форсировал водный рубеж и вышел к глубокой балке Осокаревка. Затем по забытой, заросшей камышом и казавшейся для врага непроходимой лощине вышел к поселку № 11. Отсюда уже практически начинался пригород. Казалось, все меры предосторожности были соблюдены, к поселку батальоны полка вышли внезапно, но враг открыл губительный огонь. В одной из рот, которая вела наступление на поселковую школу, был ранен командир. У коменданта полка майора А. М. Гурского резерва не было, и он приказал комсоргу полка сержанту В. И. Довганю временно принять командование ротой. После жаркого боя, когда роте удалось выбить вражеское прикрытие из поселковой школы, батальоны полка устремились к поселку № 8, где находился последний узел обороны противника.

— 14 октября 1943 года,— вспоминал Георгий Иванович Совершеннов,— когда исход сражения за город Запорожье уже фактически был предрешен, оборвалась жизнь моего школьного друга, комсорга 619-го стрелкового полка Владимира Ивановича Довгана... Подробностей выяснить тогда мне не удалось. Через пару дней после событий, которые происходили в районе пригородных поселков, мне пришлось со своими ребятами-связистами прокладывать линию связи через двор школы поселка № 11. Друзья мои обратили внимание на свежий холмик во дворе. Я подошел и на тумбе с пятиконечной звездой прочитал: «Сержант Довгань Владимир Иванович». Дальше даты рождения и гибели. Так пришлось мне побывать

на месте захоронения земляка. Никого из его одноклассников поблизости не оказалось. Снял пилотку, поклонился могиле и двинулся дальше. Быть памяти о моем боевом друге вечной...

В ТОПОГЕОДЕЗИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКЕ

— Во втором дивизионе нашего 1037-го артиллерийского полка,— вспоминал Иван Николаевич Герсименко,— командиром отделения топогеодезической разведки был сержант Деев. К великому огорчению имя его выпало из памяти. Сугубо гражданский человек, учитель математики одной из стационарных школ Кубани. Теоретически он был прекрасно подготовлен. У него многому учились окончившие полковую школу топовычислители — так мы их тогда называли... из наших земляков хорошо помню Ваню Веретенко. Знал его еще до призыва. Мы не раз встречались в Нальчике. Такой крепкий, выносливый и очень решительный парень. На Донском плацдарме он не выполнял задания, связанные с большим риском, никогда от него не слышал хвастливых слов. В наш дивизион он служил недолго. Во время сбора данных о вражеских целях он попал под минометный обстрел и был ранен. Мне со своими товарищами из взвода управления пришлось выносить его из зоны обстрела. Хорошо помню, как укладывали мы его на подводу, чтобы отправить в дивизионный медсанбат. Так Донском плацдарме мы расстались с Иваном Веретенко...

В дополнение к полученной информации выяснилось, что после выздоровления Иван Степанович Веретенко снова вернулся на фронт. Воевал в другой части. За проявленное в боях мужество был награжден орденом Славы III степени. Но второе тяже-

ранение (в голову) надолго вывело его из строя. После лечения в нескольких стационарных госпиталях он был признан инвалидом и на фронт больше не вернулся. Несмотря на такое состояние здоровья, не мог ветеран войны сидеть сложа руки и до последних дней своей жизни трудился на предприятиях города Нальчика.

Знакомство мое с Борисом Арсентьевичем Плетневым состоялось случайно. После войны он поселился в Черкесске и приезжал в Нальчик к однополчанам, чтобы выяснить, кто из них помог ему выбраться на берег, когда при форсировании Дона перевернулся их плот.

Останавливался Борис Арсентьевич у Сергея Лукича Саркисова, с которым еще в довоенные годы учился в одном классе нальчикской первой школы. Сергей Лукич, зная, что я собираю сведения о ветеранах 203-й дивизии, сообщил мне о приезде Плетнева. Знакомство оказалось полезным. Борис Арсентьевич сохранил в памяти не только многие детали минувших боев, но и охотно о них рассказывал. Его воспоминания очень помогли мне в работе над рукописью.

— Когда форсировали Дон, — рассказывал Б. А. Плетнев, — а преодолевали его мы на тяжеловесных плотах, и только отчалили от берега, как появились три «мессера». Дело было днем. Летчики хорошо нас видели, поэтому сделали один заход. Пулеметные очереди, к счастью, прошли рядом. Мы начали усердно перебирать руками по натянутому через реку тросу, чтобы ускорить движение плота. Но плот, казалось, еле полз. Самолеты сделали второй заход, и, как только началась стрельба, наши руки невольно отпустили трос. Мы были молоды, неопытны, впервые оказались в такой ситуации, поэтому река и понесла наш плот по течению. А после третьего захода фашистские летчики сбросили бомбы. От разрыва одной

из них плот перевернуло, и мы оказались в воде. Кое-как сумел в воде избавиться от обмундирования поплыл. Уже выбивался из сил, когда увидел, что впереди над водой торчит чья-то голова. Подплыл ближе. Вижу — наш боец. Говорит, что стоит на дне. Я остырожно опустил ноги, и они коснулись дна. Оказалось, мы попали на отмель. Перевел я дух и стал обсуждать с выручившим меня парнем, как быть дальше. Наш путь к противоположному берегу была самая глубокая часть реки. А вернуться к левому берегу у нас не хватило бы сил. На наше счастье, нас заметили, и кто-то из бойцов дивизиона пригнал лодку. Мне хорошо помнится, когда он нас переправлял, то сказал, что из Нальчика. Но фамилии своей не назвал. Вот по этому до сих пор так и не могу найти своего спасителя...

Когда сержант Деев выбыл к новому месту службы, командиром отделения топогеодезической разведки второго дивизиона назначили Бориса Арсентьевича Плетнева. В этой должности дошел он до Павлограда. Там в связи с ранением И. Н. Герасименко перевели его на должность командира отделения разведки взвода управления второго артдивизиона. Но и в эти должности воевать ему пришлось недолго...

25 сентября 1943 года 203-я дивизия вышла к Днепру и сосредоточилась у хутора Петро-Свищуново. В это месте река имеет ширину около трех километров, делает кругой разворот на запад. Далее, где на правом берегу раскинулось большое село Вовниги, река сужается и образует еще один изгиб. Несмотря на такую ширину реки, место для форсирования оказалось очень удачным. Сады, дома, хозяйственные постройки а также глубокая лощина южнее хутора позволяли хорошо замаскировать сосредоточение полков дивизии. А пологий правый берег давал возможность быстро развернуть силы и продвинуться в глубь плацдарма.

иа. Для успешного выполнения задачи дивизии выделялись необходимые плавсредства и обеспечивалось артиллерийское прикрытие от вражеской авиации.

— Поступил приказ о форсировании Днепра, — вспоминал Борис Арсентьевич. — 27 сентября наш дивизион вместе с батальонами 610-го стрелкового полка переправился через Днепр. Форсирование прошло относительно спокойно. Видимо, в этом месте противник совсем не ожидал переправы наших войск...

Как выяснилось из дальнейшего рассказа, в первый же день дивизия захватила плацдарм от хутора Гроза до села Вовники. Второй дивизион поддерживал действия 610-го стрелкового полка, и его наблюдательный пункт размещался на левом фланге полка.

Чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению дивизии, противник из резерва подбросил свежие силы и 30 сентября предпринял контратаку, в результате которой вражеские танки ворвались на восточную окраину села Вовники и отрезали в нем 619-й стрелковый полк. На следующий день под ударом противника оказался левый фланг 610-го полка.

— На наш наблюдательный пункт обрушился шквал артиллерийского и минометного огня. — Мой собеседник задумался, вспоминая детали, а потом продолжил: — Конечно, тут же оборвалась связь. Связисты ушли на устранение порыва, а на НП остался я один. Обстрел не прекращался ни на минуту. Одна из мин разорвалась на бруствере окопа. Осколок ее ударил в лопатку и свалил меня с ног. Оказать себе помощь я не мог. Истекал кровью, и неизвестно, чем бы для меня закончилось это ранение, если бы не решительные действия старшего на пятой батарее Николая Шеина. После нескольких неудачных попыток связаться с наблюдательным пунктом он решил разведать обстановку и добрался ко мне, когда я уже терял сознание. Он оказал мне первую помощь и су-

мел доставить до Днепра. Не знаю, как он убедил генерала отменить приказ о моем аресте и отпустить меня без документов медсанбата, но это спасло мне жизнь...

На Днепре и закончилась для Бориса Арсентьевича война. Его направили в стационарный госпиталь. Врачи приложили немало усилий, чтобы поставить его на ноги, но путь на фронт был заказан. В мае 1944 года его выписали из госпиталя и для продолжения службы направили во внутренние войска на охрану тоннельного участка железной дороги на станцию Байкал.

За боевые дела награжден Борис Арсентьевич Плестнев орденом Славы III степени, а в ознаменование 40-летия Победы — орденом Отечественной войны I степени.

СОРОК ШЕСТЬ ДНЕЙ И НОЧЕЙ

Карачай Кербекович Тухужев на должности заместителя командира взвода противотанковых ружей 419-го стрелкового дивизиона 103-й стрелковой дивизии прошел через самые трудные фронтовые дорогами от Донского плацдарма до румынского города Яссы. Правда, на этом пути был один небольшой перерыв. Во время частичного лечения на населенный пункт Голая Долина 16 августа 1943 года лейтенант К. К. Тухужев по ранению выбыл из строя и оказался по какой-то причине в госпитале соседней армии. В связи с этим после лечения ему разрешили вернуться в свою дивизию, а направили в армейский учебный полк, который находился в Павлограде.

С огорчением прибыл он в Павлоград. Разыскивавший учебный полк, на мосту через реку Волчью встретил Тухужев старшину Антонова из артснабжения родис-

дивизиона. Оба обрадовались встрече. Старшина с четырьмя полуторками держал путь в Барвенково за боеприпасами. Взять лейтенанта туда с собой не мог, на него не было документов. Зато на обратном пути на фронт стояло рискнуть. Поэтому старшина посоветовал Тухужеву до вечера не являться в учебный полк, чтобы захватить его и доставить в дивизион. Операция по возвращению в дивизион прошла успешно. Командир дивизиона А. Ф. Чаплыгин встретил его с распластанными объятиями и тут же отдал приказ о назначении командиром взвода противотанковых ружей и взятии лейтенанта К. К. Тухужева на все виды довольствия. Парторг дивизиона сообщил ему, что за эти два месяца Тухужева не вывели из состава партийного бюро. Верили, что лейтенант вернется в свой дивизион.

Конечно, каждый день войны оставил памятную веху в сердце. Были дни радостных побед, были дни горестных потерь боевых друзей. Обо всем рассказать невозможно. Но были дни, о которых Карабай Кербекович вспоминает с особым волнением.

— После освобождения Запорожья,— рассказывал он,— нашей дивизии присвоили почетное наименование Запорожской. Многих моих боевых товарищей наградили орденами и медалями. Нас поздравили командующий фронтом и Военный совет фронта. Но радость победы и высокая оценка ратного подвига личного состава дивизии не вскружили наши головы. Ведь предстояли новые бои...

Карабай Кербекович на какое-то мгновение умолк. Видимо, воспоминания унесли его к далеким событиям октября 1943 года, к трудному форсированию Днепра и сжесточенным сражениям на крохотном плацдарме.

— А было так,— как бы подтверждая мои предположения, продолжил наш разговор он.— Дивизия по-

лучила приказ форсировать Днепр в очень неудобном месте, почти напротив Днепровской ГЭС. На нашем пути находился остров имени Ленина. Его требовалось обойти. А это создавало дополнительные трудности. Два взвода противотанковых ружей и одна батарея нашего дивизиона придавались батальонам 592-го стрелкового полка, которые намечались к высадке на плацдарм. Мы переправлялись в ночь на 27 октября, когда на правом берегу Днепра уже вели бой два батальона 610-го полка. Плавсредств не хватало. Часть из них была потоплена противником в предыдущие дни. Фашисты держали под непрерывным обстрелом все подступы к плацдарму. Рассказать о том, как проходила наша переправа, невозможно. Это был ад из огня и воды. Только чудо помогло нам проскочить это огненное кольцо. И тут же, еще не просушив обмундирование, мы ринулись в атаку, чтобы остановить контратакующего противника и расширить плацдарм. Первые десять дней и ночей ни на минуту не умолкал гул сражения. В результате ожесточенных боев нам удалось отвоевать кусок земли шириной около полутора километров и в глубину до восьмисот метров. Передовая линия разделяла наши позиции от неприятеля всего на 50—100 метров. Почти круглые сутки плацдарм подвергался артиллерийскому и минометному обстрелу. Каждый, даже не прицельный снаряд вызывал потери, окопы в течение суток обваливались и буквально сравнивались с землей...

Из дальнейших воспоминаний ветерана выяснилось, что вскоре по ранению выбыл командир огневого взвода противотанковой батареи и без вести пропал в бою командир соседнего взвода ПТР лейтенант Богданов. Замены выбывшим командирам не прислали. Поэтому лейтенанту К. К. Тухужеву при-

шлось принять командование этими подразделениями на себя.

— В тех, казалось бы, невыносимых условиях,— мой собеседник горестно покачал головой,— когда ежесекундно каждый подвергался смертельной опасности, откуда только силы брались! Как только противник подтягивал свежие резервы и пытался сбрасывать защитников плацдарма в Днепр, мы поднимались в контратаку и заставляли врага отходить. Для нашего полка бои на плацдарме продолжались долгих сорок шесть дней и ночей. Мы понимали, что наши действия сковывали и держали в напряжении многие немецкие части. Отвлекая удары на себя, мы таким образом способствовали ослаблению натиска противника на решающих участках. Вместе с тем все наши попытки расширить плацдарм и захватить здание ГЭС успеха не имели. Видя бесперспективность дальнейших боев на плацдарме, наше командование отдало приказ о постепенном выводе полков 203-й дивизии на левый берег Днепра. Так случилось, что именно нашему полку пришлось покидать плацдарм последним. Скрыто, оторвавшись от противника, в ночь на 11 декабря 1943 года покидали мы свою «малую землю». О тех событиях грустно вспоминать. Ведь на плацдарме мы потеряли немало боевых друзей. А после трехдневного отдыха нам снова пришлось переправляться через Днепр. Но теперь мы высаживались на уже «обжитой» плацдарм у поселка Разумовка. На этом плацдарме встречали мы Новый, 1944 год.

Памятны Карабаю Корбековичу бои на Правобережной Украине по освобождению Никополя, Николаева, Одессы. За овладение Никополем 203-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени. Нелегкие испытания выпали на долю Тухужева и сто однополчан в боях на Днестровском плацдарме и в излучине Днестра. А когда дивизия вступи-

ла на румынскую землю, отзвали лейтенанта К. К. Тухужева в штаб армии. Там встретился он со своими земляками Михаилом Кербековичем Наковым, Барасби Жандаровичем Абазовым и лейтенантом Фанзиевым из 266-й дивизии.

В штабе армии им объявили, что по указанию свыше их отзывают с фронта и направляют для продолжения службы в Сибирский военный округ. Там и встретили они День Победы...

А сорок шесть дней и ночей непрерывных боев на Днепровском плацдарме — только маленькая часть фронтовой биографии кавалера орденов Отечественной войны I степени и Красной Звезды Карагая Кербековича Тухужева.

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

Нет, не призывался Алексей Андреевич Шматко из Нальчика. Он моложе своих однополчан. Поэтому дороги эвакуации привели его в Азербайджан. Там до мая 1943 года работал он в Тер-Терском районе. По направлению райвоенкомата поступил в Краснодарское пулеметно-минометное училище, которое в то время находилось в Ереване. Но учиться не пришлось. Училище готовилось к переезду в Краснодар, поэтому весь их набор направили на пополнение в действующую армию.

Служил Алексей Шматко пулеметчиком 261-го гвардейского стрелкового полка 87-й гвардейской стрелковой дивизии. Воевал на Миус-фронте, участвовал в освобождении Иловайска, Горловки, Донецка и других горняцких городов. Дошел до реки Молочной. Там на заранее подготовленных рубежах противник оказал упорное сопротивление, и нашим войскам долго не удавалось добиться успеха.

26 сентября 1943 года после мощной артиллерийской подготовки началась Мелитопольская операция. 87-я гвардейская наступала между Генцельбергом и Альт-Мунталем. Несмотря на самоотверженность наших воинов, преодолеть вражеское сопротивление на этом участке фронта так и не удалось. Упорные бои затянулись до середины октября. Не обоходилось без потерь. Во время одной из атак вражеский осколок сразил пулеметчика Шматко. Родным ушло горестное извещение: «Ваш сын, гвардии красноармеец Шматко Алексей Андреевич, уроженец Краснодарского края, Архангельского района, станицы Отрадной, находясь на фронте, убит 16.10.43 г. в районе Октоберфельд Запорожской области. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (Приказ НКО СССР № 220 1941 г.). Командир част...» Подпись и печать.

Оплакивала мать гибель сына, а через месяц пришло от него письмо. Не погиб в том бою пулеметчик Шматко. В сознание пришел в госпитале. Как туда попал, осталось неизвестным. Выяснилось, что один из осколков глубоко проник в грудь. Требовалась сложная операция. А кто то из раненых пустил слух, что якобы их дивизию снимают с фронта и перебрасывают на другой участок. Чтобы не отстать от своих фронтовых друзей, Шматко решился на отчаянный шаг и бежал из госпиталя. Не мог он знать тогда, что 87-ю гвардейскую дивизию направили на Каховку. Он же устремился к Запорожью. Своих однополчан не нашел, зато встретился с артиллеристами 203-й стрелковой дивизии. Рана зарубцевалась, осколок не мешал, молодой организм победил недуг. Так стал Алексей Шматко разведчиком третьего дивизиона 1037-го артиллерийского полка.

На всю жизнь запомнились ему бои по форсированию Днепра, огневые рубежи на острове имени Ленина.

нина, где простреливался каждый квадратный метр. Сколько тогда пришлось ползать артиллерийским разведчикам.. Именно в те дни подружился он с пальчанином Юрием Бабкиным, служившим связистом в их дивизионе. Рассказы Юрия о Нальчике надолго запали в душу. В те дни завязалась крепкая фронтовая дружба с командиром орудия Виктором Фоменко, у которого многому научился Алексей Шматко. В трудные дни боев осваивал он нелегкое дело быстрой и точной установки вражеских целей, умения корректировать артиллерийский огонь, читать топографическую карту и выбирать место для наблюдательного пункта.

Наступил 1944 год. Началась Никопольско-Криворожская операция. В ходе ее 203-я стрелковая дивизия получила задачу разгромить томаковскую группу врага. Когда начались бои, разведчику Шматко приходилось не раз выполнять задания, связанные со смертельным риском. И не думал он, что недуг свалит его на переднем крае. Заболел тифом. В феврале 1944 года уложили его друзья в Никопольский стационарный госпиталь и ушли с наступающими войсками на запад. Не думал тогда Алексей, что доведется еще раз встретиться с однополчанами. Да и они не рассчитывали на его быстрое выздоровление.

Но всем смертям назло снова встал на ноги Алексей Шматко. Из госпиталя попал в запасной полк, и вскоре с небольшой группой бойцов направили его в действующую армию. Весенние дороги развезло, приходилось идти, по колени утопая в грязи. Поэтому до самой Одессы не могли они догнать наступавшие наши части. Наконец, достигли юго-восточной окраины Одессы. У развалин сходящихся к небольшому мосту дорог сделали запасники небольшой привал. Только раскрыли свои вещмешки, чтобы перекусить, как вдруг со стороны моста оклик:

— Алексей!

Сначала Шматко не обратил на него внимания. Но кто-то не унимался:

— Алексей! Шматко!

Ясно, это адресовалось ему. Но кто в Одессе мог его знать? Шматко поднялся на насыпь и увидел двух солдат, которые ему махали руками, а за мостом на обочине стояло орудие. «Неужели наши?» — подумал он. А когда подошел ближе, то выяснил, что орудийный расчет из третьего дивизиона 1037-го артполка отстал от своей батареи, потому что кончилась солярка для тягача НАТИ-5. А узнал его Виктор Фоменко. Пока все это выяснялось, подошли ребята с комбатом.

— Хочешь с нами? — улыбаясь, спросил комбат.

— Конечно! — не задумываясь, ответил Алексей.

— Тогда садись на орудие!

— А как с аттестатом? Он ведь выдан на всю группу?

— Какой тебе аттестат? Садись и не раздумывай!

Шматко только успел крикнуть, чтобы не числили его дезертиром в группе, так как встретил своих однополчан, «соседдал» гаубицу и к вечеру уже был в своем дивизионе. Чудом воскресшим посчитали его боевые друзья. От Одессы до Тирасполя прошел Шматко разведчиком 3-го дивизиона, выбирался вместе со своими однополчанами из окружения в Днестровской излучине.

В октябре 1944 года вступил он в партию. Потом вместе со своим другом Виктором Фоменко был переведен в отдельную артиллерийскую батарею 57-го стрелкового корпуса. Заключительный этап войны прошел фронтовыми дорогами через Румынию, Венгрию, Чехословакию. Награжден Алексей Андреевич Шматко орденом Отечественной войны II степени и двумя медалями «За отвагу».

После демобилизации окончил он Новочеркасский геологоразведочный техникум, работал в поисковых партиях в Казахстане и на Северном Кавказе. Многие годы до ухода на пенсию трудился в Кабардино-Балкарской комплексной геологической экспедиции. Нальчик стал родным городом для него и его детей, окончивших Кабардино-Балкарский госуниверситет.

В МАЕ СОРОК ЧЕТВЕРТОГО

Одним из красивейших и благодатных уголков Приднестровья является излучина Днестра между Дубоссарами и Григориополем. Впечатление такое, будто кто-то специально заставил реку описать причудливую тридцатикилометровую петлю и опоясать водным рубежом живописный полуостров. В горловине излучины, ширина которой не более полутора километров, раскинулось утопающее по весне в зелени садов большое село Дороцкое.

В мае 1944 года эта излучина Днестра явилась местом кровопролитного сражения, а Дороцкое — селом, где принял свой последний бой наш земляк лейтенант Суллим Халагович Шапаров.

О нем воспоминания его однополчан...

— В начале марта 1942 года, — рассказывал Чазим Лукмакович Абаюков, — нас, четырнадцать человек из селения Кызыбурун II, призвали и направили в станицу Лабинскую, где шло формирование 203-й стрелковой дивизии. Хорошо помню, что старшим в нашей группе был Суллим Шапаров. Вместе с нами призывались Нажмудин Березгов, Сихат Мазанов и другие ребята. Суллим был старше нас. Он еще в тридцать девятом году отслужил кадровую и призывался по мобилизации как младший командир запаса. Мы, естественно, прислушивались к его советам...

В Лабинской Шапаров получил назначение на должность старшины штабной батареи 1037-го артиллерийского полка 203-й стрелковой дивизии. Березгова и Мазанова направили в полковую школу, а Абаюков стал ездовым в орудийном расчёте пятой батареи. В ней орудия были на конной тяге. В семейном архиве Чазима Лукмановича бережно хранится небольшой снимок, сделанный стационарным фотографом более пятидесяти лет назад. На нем Абаюков сфотографирован со старшиной Шапаровым. Фотография эта

чудом сохранилась, ведь прошла она весь боевой путь полка. Так как служить им пришлось в разных подразделениях, то встречались они лишь в короткие промежутки передышек между боями или когда дивизию выводили на переформирование. А это случалось нечасто. Поэтому не обо всем мог рассказать Чазим Лукманович. Но нашлись ветераны полка, хорошо знавшие старшину Шапарова.

— Отлично его помню! — откликнулся Михаил Ефимович Чихрадзе. — С первого дня службы... Это был коренастый, хорошо сложенный и симпатичный молодой человек. Он обладал завидным умением отлично подгонять военную форму, носить ее с какой-то особой лихостью, сохраняя аккуратность и подтянутость в любой обстановке. Ничто так не влияет на мо-

С. Х. Шапаров

лодого бойца, как личный пример командира. А наш старшина прекрасно знал оружие, умело владел им, метко стрелял; с головокружительной легкостью выполнял упражнения на гимнастических снарядах, был хорошим строевиком, поражал нас неутомимостью и выносливостью в походах и боях...

Если к этой характеристике добавить, что старшина был заботлив, то станет ясным, почему до сих пор так тепло о нем отзываются сослуживцы. Однажды отделение связи направили на разгрузку эшелона со снаряжением, а заявку на кухню по вине дежурного офицера не сделали. Когда выяснилось, что бойцов кормить нечём, старшина построил их, вывел из расположения части в железодорожную столовую и там нацормил проголодавшихся связистов. Повеселившись, с песнями вернулись они в часть.

Когда выступили на фронт, круг обязанностей старшины значительно расширился. К заботам о снаряжении, обеспечении батареи необходимой техникой, четкой организации работы пищеблока прибавились заботы о рытье землянок и обеспечении дежурств, а порой и личном участии в отражении вражеских контратак, как это случалось на Донском плацдарме, так и в ходе трудных наступательных боев на внешнем фронте окружённой вражеской группировкой под Сталинградом. За успешное выполнение заданий командования в ходе освобождения Краснодона, Свердловска, Ровенек, Павлограда многие бойцы и командиры дивизии были награждены орденами и медалями. Медаль «За отвагу» украсила грудь старшины С. Х. Шапарова.

В конце 1943 года командир взвода связи штабной батареи выбыл к месту новой службы и на эту должность был назначен С. Х. Шапаров, которому вскоре присвоили звание младшего лейтенанта.

— Откровенно говоря,— продолжал воспоминания Михаил Ефимович,— назначение Шапарова на должность командира нашего взвода мы восприняли хорошо. Авторитетом он пользовался признанным, а о внимании к каждому из нас и говорить нечего. У меня, например, появилось заболевание, которое в народе называют «куриной слепотой». Как только наступали сумерки, я терял зрение. А ведь на линию связи приходилось выходить в любое время суток. Узнав о моей болезни, наш командир где-то раздобыл бутылку рыбьего жира и категорически требовал до приема пищи в его присутствии выпивать ложку этого лекарства. И до тех пор он требовал выполнять эту процедуру, пока недуг не покинул меня. Таким был наш новый командир взвода связи...

В ходе проведения Запорожской операции связисты полка обеспечивали успешное выполнение дивизионами боевых задач. За умелое руководство взводом, проявленное в сложной боевой обстановке личное мужество приказом командующего 53-й армией от 25 октября 1943 года младший лейтенант Султан Хатагович Шапаров был награжден орденом Отечественной войны II степени.

В апреле 1944 года 203-я стрелковая дивизия вела бои на Днестровском плацдарме. Но в ряде мест противник удерживал небольшие участки на левом берегу реки. Это сковывало действия наших войск, не позволяло провести широкомасштабную операцию. Для ликвидации вражеских опорных пунктов на левобережье Днестра наше командование вынуждено было выделить несколько дивизий. 9 мая 1944 года 203-я дивизия получила задачу ликвидировать вражеский плацдарм в излучине Днестра. В результате стремительной атаки полков дивизии в горловине излучины нашим бойцам удалось ворваться в село Дороцкое и потеснить противника. Часть вражеских сил отошла за

земляной вал на берегу Днестра, но полностью ликвидирована не была. Главные силы устремились в глубь плацдарма.

Еще шла перестрелка в роще за селом, когда в Дороцкое прибыл лейтенант С. Х. Шапаров с разведчиком и телефонистом штабной батареи, чтобы отыскать место для размещения штаба полка. Лейтенант выбрал дом, приказал установить в нем телефон и проложить линию к штабу дивизии. Чтобы изучить возможность размещения служб штаба полка, лейтенант Шапаров обошел соседние дворы и вышел к земляному валу у реки. Фашистские автоматчики, которые укрылись за валом, открыли огонь. Лейтенант Султан Хапагович Шапаров получил смертельное ранение и вскоре скончался. 14 мая 1944 года на северной окраине молдавского села Дороцкого однополчане с почестями похоронили нашего земляка.

Сорок лет спустя на места былых боев в излучину Днестра выезжала делегация ветеранов дивизии из Кабардино-Балкарии. Дмитрий Трофимович Ломоносов, Николай Владимирович Правцани и Леонид Иванович Шуть побывали там, где занимали огневые позиции их орудия, поклонились войной опаленной и обильно полившей кровью советских воинов земле, встречались со свидетелями последнего боя нашего земляка Султана Хапаговича Шапарова, возложили цветы на его могилу.

Бережно хранят память о воинах-освободителях жители села Дороцкого.

В ИЗЛУЧИНЕ ДНЕСТРА

Многие годы знаком я с заслуженным учителем школы Кабардино-Балкарии Султаном Асламурзевичем Паштовым. Не раз мы встречались, но никогда не возникал разговор о том, где пришлое ему все-

вать. И только в ходе сбора сведений о ветеранах 203-й стрелковой дивизии я случайно поднял его анкету, которая заполнялась во время встречи воспитанников педрабфака, и там обнаружил: «...служил и воевал на должностях командира 45-мм орудия в полковой батарее 610-го стрелкового полка 203-й стрелковой дивизии».

Я позвонил в Баксан. Султан Асламурзович подтвердил эти данные, а вскоре приехал в Нальчик и привез красноармейскую книжку, полученную в этом полку. Самое удивительное, что до нашей встречи он был глубоко убежден, что только один из нашей республики служил в 203-й дивизии.

— Ни одного человека, — взволнованно говорил он, — ни на фронте, ни во время коротких передышек между боями из наших мест встречать не приходилось. Когда глубокой осенью 1945 года я демобилизовался, то в нашем эшелоне в Кабардино-Балкарию следовал я один...

Чтобы разубедить своего собеседника, я показал ему довольно длинный список наших земляков, служивших в дивизии. Он взглядом пробежал по перечню фамилий и недоверчиво покачал головой:

— Так, может, они выбыли из дивизии до моего прибытия туда?

Я не успел ответить на последний его вопрос, как в кабинет вошел пожилой мужчина. Он извинился за то, что вынужден был прервать нашу беседу, но не располагал временем, так как должен был возвращаться в Тырыныаз. Посетителем оказался Султан Хапагович Шапаров, и привез он некоторые документы и фотографию брата Султана, который служил и воевал в 203-й дивизии. Я извлек из переданного мне пакета извещение о гибели лейтенанта С. Х. Шапарова и передал его Пашитову.

С. А. Пашков

— Не может быть! — воскликнул он. — Ведь погиб он рядом с тем местом, где мне пришлось принять самый трудный бой. Случилось это в Днестровской излучине. Воистину мир тесен!..

Кадровую службу в армии Султан Асламурзович начал в 1940 году. Мечтал стать военным летчиком, даже поступил в авиашколу. Но закончить ее помешала война. Большинству курсантов присвоили звания младших командиров и направили в войска. Стал наш земляк командиром расчета ПТР в первом гвардейском механизированном корпусе и боевое крещение принял в верховьях Дона. Затем служил и воевал в 266-й стрелковой дивизии. Принимал участие в боях на Дону, в освобождении Донбасса, форсировании Днепра. Был ранен. В госпитале соседом оказался сержант из 203-й дивизии. Он и сагитировал Паштова после выписки продолжать службу вместе с ним в 610-м стрелковом полку. Так в январе 1944 года стал сержант С. А. Пашков командиром 45-мм противотанкового орудия полковой батареи.

— Комбату заявил сразу, — усмехнувшись, рассказывал Султан Асламурзович, — что понятия не имею, как подойти к орудию. «Ничего, научишься! — ответил он. — Из этого орудия до тебя вел огонь совсем неграмотный парень. А ты, гляди, учитель!» Его ре-

шение было окончательным, и мне ничего не оставалось, как подчиниться приказу. Стал изучать наставления по стрельбе и материальную часть. А ведению огня учился в боевой обстановке...

Дороги войны привели 203-ю дивизию к Днестру. В районе Тирасполя наши войска захватили на правом берегу реки небольшой плацдарм. На этом плацдарме впервые командиру орудия довелось вести огонь по фашистским танкам. От боя к бою росло его мастерство.

Хорошо памятны Султану Асламурзовичу события, связанные с выводом дивизии с плацдарма и переброской в район Григориополя. Здесь 610-му стрелковому полку майора А. М. Гурского пришлось прорывать оборону противника в самой горловине Днестровской излучины. Утром 14 мая 1944 года полк занял село Перерыта и прилежащий к нему лес.

Но во второй половине дня 14 мая у Дубоссар противник под прикрытием огня артиллерии переправил на левый берег реки до роты автоматчиков. Они с ходу атаковали первый батальон 610-го стрелкового полка. С полуострова севернее Коржева вражеская артиллерия ударила по второму батальону, который поддерживала батарея противотанковых орудий.

В течение ночи на 15 мая немцы перешли к решительным действиям. Они сумели перебросить на левый берег значительные силы танков и мотополк. На рассвете после сильного артиллераического гитлеровцы двинулись в атаку. Завязался бой, который не утихал в течение дня.

В ночь на 16 мая около двух батальонов противника высадились на северной окраине населенного пункта Кошницы и перерезали дорогу на Дородское. Это осложнило обстановку. Наши подразделения лишились возможности подвозить боеприпасы и продо-

вольствии, а также эвакуировать раненых с излучины Днестра.

В последующие дни противник полностью овладел горловиной излучины. Огневые налеты фашистской артиллерии становились все более ожесточенными. Редели ряды бойцов в наших ротах, вышли из строя многие минометы и орудия. Уцелевшие пушки ставились на прямую наводку, и стрельба из них велась только по непосредственно угрожающим целям.

В тех условиях орудийный расчет сержанта С. А. Паштова перебрасывался с одного рубежа на другой и не раз вступал в единоборство с вражескими бронетранспортерами и танками. Наконец после давал приказ занять огневой рубеж у самой горловины излучины. В целях маскировки до особого указания открывать огонь не разрешалось. Только в полночь 20 мая наша артиллерия обрушила огонь по скоплению немецких танков, несколько залпов произвели «катюши». Над горловиной поднялся столб дыма и гари. В образовавшийся коридор и устремились наши войска.

Во время этого короткого боя сержант С. А. Паштов получил ранение, но до завершения операции по выводу наших войск с излучины Днестра в медсанбат не уходил. За проявленное в том бою мужество он был награжден первым орденом — орденом Славы III степени. В личном архиве ветерана бережно хранится бывшая характеристика на него, подписная командиром батареи гвардии старшим лейтенантом Смыковым. Вот что в ней сказано: «...Сержант С. А. Паштов в боях проявил исключительную стойкость, умение действовать в сложной боевой обстановке. Мужественный, отважный, инициативный и волевой младший командир. Находясь в боевых порядках пехоты, его орудие прямой наводкой уничтожал огневые средства и живую силу противника. На бо-

вом счету имеет подбитый танк, три бронетранспортера, три противотанковых орудия и много живой силы».

Памятны для С. А. Паштова бои не только в излучине Днестра, но и в Румынии, Венгрии и Чехословакии. Не раз доводилось командиру орудия глядеть смерти в глаза. От Днестра до небольшой чехословацкой речушки прошел со своим орудием Султан Асламурзович в 610-м стрелковом полку. Участвовал в разгроме японских милитаристов, в походе через Хинганский хребет. Все боевые награды: ордена Красной Звезды, Славы II и III степеней, боевые медали—вручались ему в 203-й стрелковой дивизии.

И лишь через сорок четыре года узнал он о том, что рядом с ним фронтовыми дорогами шли многие его земляки, внесшие долю своего ратного труда в боевую летопись 203-й стрелковой Запорожско-Хинганской Краснознаменной ордена Суворова II степени дивизии.

О послевоенной биографии Султана Асламурзовича красноречиво говорят строки из его анкеты. Находился на партийной работе, был заведующим районным отделом народного образования, директором средней школы, заведующим районной фильмотекой. К 40-летию Победы награжден орденом Отечественной войны II степени.

РАДИСТЫ

В предвоенные годы велика была тяга молодежи к популярному техническому творчеству и радиолюбительству. Кружки такие существовали в каждой школе, во Дворце пионеров, в радиоклубе республиканского Осоавиахима. Поэтому многие мои сверстники свободное от учебы время посвящали работе в

технических кружках. Некоторые сохранили это увлечение на всю жизнь. Святослав Кривчик, например, занимаясь в радиокружке Дворца пионеров изготавливал модели, которые экспонировались на республиканской и Всероссийской выставках детского творчества.

Сергей Саркисов, обладая редким даром конструирования, свое мастерство демонстрировал в республиканском радиоклубе. И когда потребовалось ему проходить допризывную подготовку, он успешно закончил курсы радиотелеграфистов. И Кривчик, и Саркисов еще в школьные годы овладели одной из важных армейских профессий.

Поэтому, когда пришла пора призыва на службу в армию, в отличие от большинства своих сверстников, прибывших в Лабинскую и понятия не имеющих о том, какие армейские специальности им придется осваивать, Сергей Саркисов и Святослав Кривчик ни на минуту не сомневались в том, что их обязательно направят проходить службу в подразделениях связи.

Так оно и случилось. Сергея Саркисова направили на должность радиста шестой батареи 1037-го артиллерийского полка 203-й стрелковой дивизии. А Святослав Кривчик стал радиотелеграфистом 911-го отдельного батальона связи этой же дивизии.

С первого дня службы началась напряженная боевая учеба. Молодые воины овладевали новыми военными специальностями, изучали технику, боевое оружие, многие часы проводили на тактических учениях. 22 апреля 1942 года приняли они военную присягу. К этому сроку оба радиста зарекомендовали себя подлинными мастерами своего дела.

— Хоть и числился я радистом, — рассказывал при встрече Сергей Лукич Саркисов, — но на первых порах, когда прибыли на фронт, приходилось выполнять

обязанности телефониста-линейщика. Командование опасалось, что я своей ультракоротковолновой рацией могу только навредить делу, потому что противник быстро пеленговал выход в эфир наших радиостанций...

Из его воспоминаний выяснилось, что во время переправы на Дону пришлось испытать немало трудностей. Дело в том, что их шестая батарея переправлялась на плотах, которые передвигались по переброшенным через реку канатам. Бойцы руками перехватывали канат, и плод перемещался вдоль него. Из-за усталости или по другой причине, но на середине реки во время переправы уронили трос. Плот тут же спесло. Командир взвода управления приказал приготовиться к форсированию реки вплавь. Но тогда пропадало имущество взвода, а главное, были ребята, которые не умели плавать. Чтобы не подвергать их смертельной опасности, Саркисов схватил бухту телефонного кабеля, завязал кольцо и пакинул его на себя. Затем попросил постепенно отматывать провод и опускать в воду на расстояние, на которое будет он отплывать. Хоть и неплохо плавал радиист, но провод временами сносился течением и тянул его на дно. В такие секунды понимал он степень риска, но ни разу не пытался сбросить с себя кольцо. С невероятным трудом, теряя

S. V. Кривчик

последние силы, достиг правого берега, нашел какую-то опору, закрепил провод и крикнул, чтобы подтягивали плот.

В ту же ночь их ждало и второе испытание. Требовалось перегнать плот на левый берег и забрать там две повозки и остатки имущества. Все шло нормально. Перегнали плот, закатали повозки, сложили спаряжение и, держа лошадей в поводу, отчалили. Когда дотянули плот до середины реки, увидели, что вода стала переливаться через накренявшийся все более плот. Видно, груз разместили неравномерно. Это грозило переворотом. Саркисов первым сообразил и крикнул: «Нас сейчас перевернет! Прыгайте в воду!» И тут же повозка сбила его в воду, и он пошел ко дну. Лихорадочно работала мысль: если повозка настигнет его, то из реки уже не выбраться. Поэтому что было сил он под водой рванулся в сторону и устремился вверх. Вынырнул, увидел в воде товарищем. Каждый пытался поймать доску или плавающие поплавки. Когда разобрались, решили по течению плыть до отмели. Вскоре действительно ноги их коснулись дна. Передохнули.

На отмели их нашел комиссар полка К. Ф. Петров, который первым узнал о случившемся и на лодке отправился на поиски. Всех шестерых бойцов он взять не мог. Поэтому взял лишь тех, кто совсем не умел плавать. Остальные направились к берегу вплавь. Покачиваясь от усталости, выбрались они на крутой правый берег. Хоть и лето было, но от продолжительного пребывания в воде зуб на зуб не попадал. На берег вышли они без обмундирования, кто в нижнем белье, а кто и вовсе голый. Искать в таком виде своих было неудобно. А тут встретилась гора трофейного обмундирования. Охранявший его боец разрешил каждому выбрать одежду по себе. Саркисов на ощупь нашел брюки и гимнастерку, натянул

их на себя, привалился на груду одежды и тут же уснул. Когда проснулся, никого своих не было. Попытавшись сбежать. Заметил недалеко связистов и направился к ним. Оставалось несколько шагов, когда заметил, что молоденький лейтенант, взглянув на него, начал лихорадочно расстегивать кобуру пистолета. И понял — принял он его за итальянца. Хорошо, что из-за волнения не успел тот вытащить пистолет. Что было сил крикнул: «Свой я! Штаны мои в Дону утонули!» И раздался хохот.

Что еще запомнилось? Душу выматывали вражеские самолеты. Охотились они за каждым бойцом. Тогда фашисты вели себя нагло.

— Самые памятные случаи связанны для меня с преодолением водных рубежей. — Сергей Лукич задумался, взглянув на меня, а потом, махнув рукой, продолжил: — В конце 1943 года бои шли в районе плотины Днепрогэса. На острове имени В. И. Ленина чередовались смены, которые прибывали туда на небольших баржах. В одну из ночей наступила наша очередь переправляться на смену. Была зима, но Днепр еще не замерз. Мы с напарником пришли на баржу, которая была загружена до предела, нашли место с заветренной стороны и стали, прижавшись к грузу, у самой кормы. Отплыли. И сразу противник запустил осветительную ракету. Нас заметили, и начался обстрел. Катер, который буксировал баржу, стал маневрировать. Баржу болтало. Мы чудом удерживались на ней. В тот момент, когда рядом оказался причал, ее последний раз занесло, бортом она ударила о сваю, и я в полном снаряжении полетел за борт. Холод мгновенно сковал мышцы. Я собрал всю свою волю, чтобы оттолкнуться от дна и вынырнуть. Опасался одного — попасть головой под дно баржи. На мое счастье вынырнул у плашира, схватился за него и занес ногу. Дальше все как в

тумане. Не помню, как выполз на берег, как выручил меня напарник. Издали слышался его голос: «Серега! Ты где?» Он искал меня в воде, а нашел на берегу. Помогли ему пехотинцы. Затащили в первую же землянку. Раздели догола. Растерли, заставили выпить сто граммов спирта и закутали. Только тогда начал приходить в себя.

— Конечно, не только форсирование Дона и Днепра оставило след в памяти. Были и другие события, но о них можно много рассказывать. Хочу сказать, что вскоре место службы моей изменилось. Во время наступления на Одессу в нашей полковой радиотелефонной мастерской произошел несчастный случай. Остановилась она у захваченного склада вражеских боеприпасов. Мастер Владимир Чижиков нес прибор на ремонт и поскользнулся на валявшуюся на пути гранату. Она взорвалась, и Чижиков получил тяжелое ранение. Требовалось срочно найти знающего технику специалиста. Не знаю почему, но выбор пал на меня. Поэтому с апреля 1944 года и до конца войны служил я мастером радиотелефонной аппаратуры полковой мастерской...

В дополнение к рассказанному Сергеем Лукичом необходимо сделать несколько замечаний. В 1944 году стал он кандидатом в члены партии. Ратный его труд получил высокую оценку командования и отмечен орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими наградами. После войны С. Л. Саркисов учился, стал инженером. Многие годы трудился он в Высокогорном геофизическом институте. Его разработки были представлены на Выставке достижений народного хозяйства СССР. За большие заслуги в годы мира награжден С. Л. Саркисов орденом Трудового Красного Знамени, а к сорокалетию Победы — орденом Отечественной войны II степени...

Нет уже в живых Святослава Владимировича Кривчика. В его семье бережно хранятся фронтовые сувениры: красноармейская книжка, наградные документы, благодарности, фотографии, вырезки из газет. По ним можно проследить фронтовую биографию Святослава Владимировича.

В 203-й стрелковой дивизии служить ему пришлось лишь до конца 1942 года. Участвовал он в боевых операциях на Донском плацдарме и в наступлении на Краснокутскую и Скосярскую. Затем последовал приказ об откомандировании в распоряжение штаба 27-го гвардейского стрелкового корпуса для продолжения службы в должности начальника радиостанции. В этой должности прошел он фронтовыми дорогами, освобождая Украину, Венгрию и Чехословакию. Ратный подвиг младшего сержанта С. В. Кривчика отмечен многими благодарностями Верховного главнокомандующего за освобождение Верхнелиповска и Новоукраинки, Сольнока и Нограда в Венгрии, Малацки и Братиславы в Чехословакии.

Не раз в ходе боевых операций пересекались пути 203-й стрелковой дивизии и 27-го гвардейского стрелкового корпуса. Так было и во второй половине марта 1945 года, когда войска Второго Украинского фронта готовились к форсированию реки Гроц. По замыслу командования главный удар наносили 27-й гвардейский стрелковый корпус 7-й гвардейской армии и другие соединения, в том числе и 203-я стрелковая дивизия 53-й армии. На рассвете 25 марта на наблюдательный пункт 27-го гвардейского корпуса прибыл командующий фронтом Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. По его команде, которую родублировал по радио дежуривший на ИП младший сержант С. В. Кривчик, началась артиллерийская подготовка и ударная группа приступила к форсированию реки Гроц. За успешное обеспечение устойчи-

вой радиосвязью штаба корпуса с частями и подразделениями, участвовавшими в этой операции, младший сержант Святослав Владимирович Кривчик был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Возвратившись в родной Нальчик, многие годы С. В. Кривчик трудился на предприятиях города, а последнее время находился на сверхсрочной службе в армии по приобретенной в годы войны профессии...

В ходе работы над рукописью книги мне удалось получить сведения о том, что в 1037-м артиллерийском полку еще несколько наших земляков служили радиистами. В частности, Петр Калюжный был радиотелеграфистом второго дивизиона, а Василий Полевода — начальником радиостанции штаба полка. Вместе с тем получить подробные сведения о Калюжном не удалось, так как не были найдены его родственники. Не смог я выяснить даже его отчество. Но все однополчане тепло отзывались о нем и просили обязательно назвать его имя.

Петр Калюжный от природы был очень одаренным человеком. Легко разбирался в технике, на лету схватывал суть сложной и запутанной схемы, проявлял находчивость в различных ситуациях. Но главное, что выделяло его в среде ровесников — поразительный слух, любовь к музыке и удивительный дар музыкального импровизатора.

— Не только в пути следования, — вспоминал Михаил Ефимович Чихрадзе, — когда мы ехали на формирование, но и позже, в минуты отдыха и застилья между боями, мы часто просили его исполнить полюбившиеся нам мелодии из популярных в ту пору кинофильмов. И Петр без каких бы то ни было инструментов так искусно воспроизводил их звучание, что мы только диву давались. Мне, например,

всегда нравились сольные партии для саксофона в его импровизации.

Не имел Петр Калюжный музыкального образования, даже обычную школу не смог окончить. В Приэльбрусье, где на одной из турецких баз трудились его родители, Петру не нашлось подходящего дела. Поэтому уехал он в Нальчик и поступил на работу в мастерскую по изготовлению альпинистского снаряжения.

— Там мы с ним и познакомились,— вспоминал Леонид Иванович Шуть,— там и подружились. Я тогда работал молотобойцем, подручным у кузнеца Николая Ивановича Симонова. Мастерская наша славилась изготовлением ледорубов, колец для карабинов и другого снаряжения. В ней работали известные мастера. Петр трудился в цехе, где никелировалось и облагораживалось снаряжение. Помню, его не раз хвалили за сообразительность и хорошую работу. Мы с ним одновременно получали повестки на призыв. Вместе уходили из Нальчика. Но какой-то причине его родители не смогли приехать, и в армию нас сопирала и провожала моя мать... Служить пришлось в артиллерию, но ему радистом, а мне командиром орудия. Нередко мы встречались и в то время, когда уже началось наступление наших войск...

Леонид Иванович рассказал о том, что Петр Калюжный прошел фронтовыми дорогами от Дона до освобождения Донбасса. Незадолго до вывода дивизии в резерв дивизион, в котором нес службу наш земляк, остановился на окраине одного из только что освобожденных шахтерских городков. В этот момент вражеская авиация совершила налет на скопление наших войск. Многие кинулись в укрытия. Калюжный с переносной рацией забежал в подвал ближайшего дома. В этот дом и попала авиационная бомба. Так погиб радист Петр Калюжный...

О Василии Никитовиче Полеводе рассказал его фронтовой друг Александр Михайлович Хворостинский:

— Познакомился с ним во время формирования. Он сначала был радистом дивизиона, потом перевели его в штабную батарею на полковую радиостанцию. Молодой, подтянутый, он как-то по-особому щеголевато носил военную форму. Событий можно вспомнить множество. Но мне больше всего запомнился случай на Днепре. Наша дивизия захватила небольшой плацдарм на правом берегу Днепра. На пути к плацдарму находился остров имени В. И. Ленина. Это выше Днепровской плотины. Боя велись ожесточенные. На остров было переправлено несколько орудий нашего полка. Там же находился наблюдательный пункт. Но главные силы поддерживали десантников с левого берега Днепра. Для успешного ведения огня требовалось навести устойчивую телефонную связь с наблюдательным пунктом. Эту задачу и поставило командование перед нашим отделением связи. А для подстраховки вместе с нами направились радисты Василий Полевода и его напарник Николай Удод. С ними была переносная станция РБ и комплект питания к ней.

Мы подготовили снаряжение, закрепили на лодке большую бухту с телефонным кабелем, взяли необходимое количество кирпичей для погружения провода на дно и проверили аппаратуру. Как только стемнело, лодка отчалила от левого берега. На веслах сидели радисты. Сначала работа шла нормально. Мы проложили метров 25 кабеля на дно реки. И вдруг лучи нескольких прожекторов с высокого правого берега скользнули по поверхности реки. В них быстро обнаружилась наша лодка, и тут же начался обстрел. На освещенной глади реки лодка — хорошая мишень. Сначала мины рвались на расстоянии, потом разрывы

стали приближаться к нашей лодке. Ударила артиллериya с левого берега реки. Прожектора погасли. Но в воде по-прежнему со страшным треском продолжали рваться мины. От одного из разрывов лодку перевернуло, и мы все оказались в воде. Был конец осени. На каждом из нас соответствующее обмундирование: ватные брюки, фуфайки, шинели. Все это тут же намокло, и мы неминуемо пошли бы ко дну, если бы это случилось на глубине. К нашему счастью, это произошло на отмели. Мы быстро справились с волнением и добрались до берега. Так неудачно завершилась первая попытка наведения телефонной связи с островом имени В. И. Ленина. Спустя несколько дней мы повторно приступили к выполнению этого задания и сумели проложить линию связи. Кстати, первое дежурство на острове на пункте связи провели мы с Василием Полеводой вдвоем.

Раньше нам не раз приходилось выполнять задания вместе. Но после памятного «купания» в Днепре мы с ним крепко подружились. Делились вестями из дома, помогали друг другу в трудную минуту, поддерживали советом, угощали друг друга, если удавалось получить посылки от родных и близких. Немало пережили вместе. Обо всем рассказать невозможно. Но мне до сих пор представляется, что в самых сложных ситуациях Василий никогда не терял присутствия духа, хорошо владел собой, успешно выполняя сложные задания командования, не раз подвергаясь смертельной опасности. Не случайно за проявленное мужество при выполнении боевых задач начальник полковой радиостанции был награжден двумя орденами Красной Звезды и несколькими медалями. У меня сохранился любительский снимок. Сделан он в Венгрии. На нем: я, Николай Бершадский и Василий Полевода. Николай в трофеином мадьярском мундире; его гимнастерка износилась и выглядела

плохо. Я в выгоревшей гимнастерке. Зато Василий наряднее всех. Умел держать в порядке обмундирование. Это последний снимок, на котором мы сфотографированы втроем.

Вскоре Василия Полеводу направили на учебу в танковое училище. Позже узнал я, что он успешно окончил училище, был аттестован, но в связи с окончанием войны в офицерском звании так и не служил. Демобилизовался, и мы с ним встретились в Нальчике. Вспомнили дороги войны, фронтовые невзгоды, «водную купель» на Днепре. Вспомнили Николая Бершадского и других однополчан, которым не суждено было увидеть радостный День Победы. Вместе с Полеводой не раз бывали на встречах ветеранов-однополчан.

Последние годы работал Василий Никитович Полевода в органах государственной безопасности. К сожалению, из его здоровье оказались перенесенные в годы войны лишения, и он рано ушел из жизни. В моей памяти, в памяти всех, кто его знал, сохранился образ верного защитника Родины, стойкого солдата, мастера своего дела, доброго и внимательного боевого друга...

Собирая сведения о радиатах, я случайно выяснил, что Саркис Акимович Авакесьян, последние годы жизни работавший в городе Майском, служил и воевал в 203-й стрелковой дивизии.

Он — выпускник филологического факультета Кабардино-Балкарского педагогического института, учился вместе с известным кабардинским поэтом Беталом Куашевым, Андреем Ольховиковым, Борисом Балкаровым и другими студентами. В 1940 году по распределению его направили в среднюю школу города горняков — Тырныауз. Работал учителем и завучем школы. Когда грянула война, С. А. Авакесьян был призван по мобилизации и направлен в запасной

полк. Там окончил краткосрочные курсы радиотелеграфистов и получил назначение в 911-й отдельный батальон связи 203-й стрелковой дивизии, которая формировалась на Кубани. Рядовым радиотелеграфистом принимал участие в боях на Дону и на Донском плацдарме. Во время наступательной операции на станцию Скосырекую Саркис Акимович был тяжело ранен и из госпиталя на фронт уже не вернулся. После демобилизации некоторое время работал инспектором Краснодарского краевого отдела народного образования. Потом с семьей переехал в город Майский, где долгие годы учительствовал в одной из средних школ райцентра, работал завучем школы, ответственным секретарем комиссии райисполкома по делам несовершеннолетних. Мне не раз доводилось встречаться с Саркисом Акимовичем. Он помог мне в сборе сведений об однокурсниках по периоду учебы в пединституте, поделился воспоминаниями о тех, кого забрала война. В моей памяти сохранился образ скромного труженика минувшей войны, отмеченного медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда», и опытного и вдумчивого педагога...

Мой рассказ о радиатах 203-й дивизии был бы неполным, если бы я не назвал Николая Ивановича Братанова. О нем отзывались с уважением и теплотой все, кто имел с ним дело в суровые годы войны.

По образованию — инженер-электрик. До призыва в армию работал на крупных предприятиях Златоуста, Кривого Рога, Херсона. В начале тридцатых годов Николая Ивановича командировали на должность инженера Северо-Кавказского треста «Сельэлектро». Прибыл он сначала в Пятигорск, а в 1937 году был переведен в Нальчик, где занимал должность инженера, а перед самой войной — начальника управления «Сельэлектро».

В октябре 1941 года Н. И. Братанова как команда-дира запаса мобилизовали и направили в распоряжение СКВО. Некоторое время находился в резерве, а когда началось формирование 203-й стрелковой дивизии, получил назначение на должность командира взвода радиосвязи 1037-го артиллерийского полка. В этой должности находился до августа 1943 года, когда стал начальником полковой радиотелефонной мастерской.

Полковая мастерская — громкое название. Фактически в штате ее были всего трое: начальник, старший телефонный мастер и шофер. В их распоряжении находилась специально оборудованная полуторка, движок для зарядки аккумуляторов к рациям, небогатый набор инструментов и почти никаких запасных частей. Их добывали из разбитой аппаратуры или из трофейных приборов. Но мастерская функционировала и обеспечивала потребности связистов полка в ремонте радио- и телефонной аппаратуры.

— Николай Иванович Братанов, — рассказывал Сергей Лукич Саркисов, — был из командиров запаса, поэтому у него отсутствовало показное солдафочество. Ни выправки, ни командирского голоса, ни строгого соблюдения уставных требований — сугубо гражданский человек. Очень общительный, добрый и внимательный. Когда я начинал службу в мастерской, меня поразил один факт. Мне было известно, что мой предшественник Володя Чижиков выбыл из мастерской по ранению. Начальник разыскал его в госпитале, в Тбилиси. Выяснил, как проходит лечение, не нуждается в чем-либо боеприпасах. Мне он показал фотографию, которую прислал ему Чижиков с трогательной надписью на обороте: «На память большому другу и учителю Николаю Ивановичу от бывшего старшего телефонного мастера. Тбилиси. 07.05.1944 года».

Но как инженер Н. И. Братанов был выше всяческих похвал. Хорошо знал дело, тонко разбирался в сложнейших радиосхемах и почти не прибегал к применению различных приборов при выявлении неисправностей в аппаратуре. Был трудолюбив и терпелив, умел работать не покладая рук. Его пример для подчиненных был прекрасным ориентиром.

— Мне хорошо помнится военная распутица 1944 года,— продолжал воспоминания Сергей Лукич. — Фашисты бежали, бросали орудия, машины, снаряжение. Нам можно было пополнить отсутствие запасных частей за счет брошенной техники. Но Николай Иванович категорически запрещал снимать детали, которые могли привести к неправильности трофейных машин. «Они еще свое сослужат,— убеждал он нас,— если сохраним их в исправности». Не любил ничего разрушать. Зато к инструменту был равнодушен. Собирал для мастерской где только мог. Приспособливал многие приборы для ускорения ремонта и улучшения качества аппаратуры. Учил нас бережному отношению к технике и показывал, как можно вернуть к жизни совсем разбитую радио или телефонный аппарат. Думаю, что благодаря влиянию Николая Ивановича я на всю жизнь сохранила привязанность к творческому созданию новых приборов и приспособлений...

За успешное выполнение заданий командования и высокое качество ремонта средств связи старший лейтенант Н. И. Братанов был награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды. Когда кончились бои, Н. И. Братанов некоторое время служил в Центральной группе оккупационных войск в Германии.

Демобилизовавшись, вернулся он в Нальчик и продолжил работу в республиканской конторе «Сельэлектро». Там же встретился с Николаем Ивановичем

и Сергей Лукич Саркисов. Долго вспоминали они события военных лет, рассказывали о службе после того, как пришлось им расстаться.

Нет уже в живых Николая Ивановича Братанова, но ветераны Кабардино-Балкарских электрических сетей вспоминают о нем, как об опытном и грамотном инженере, умелом организаторе и руководителе, оставившем заметный след в развитии народного хозяйства республики.

Таковы краткие сведения о наших земляках, служивших в подразделениях связи 203-й стрелковой дивизии.

ФРОНТОВЫЕ ПОБРАТИМЫ

В День Победы, 9 мая 1968 года, из Георгиевска в Нальчик приезжал Герой Советского Союза Иван Иосифович Вехов, чтобы навестить фронтового друга Али Таукановича Гатажокова и встретиться с однополчанами. Радостной и непередаваемо волнующей была их встреча. Ведь вместе довелось испить горькую чашу фронтовых испытаний на пути от Дона до Венгрии.

В дар своему другу привез Иван Иосифович сборник документальных очерков о ставропольцах—Героях Советского Союза — «Их имена никогда не забудутся» с лаконичной надписью: «Фронтовому другу Али Гатажокову от И. Вехова».

В очерке о подвиге орудийного расчета сержанта И. И. Вехова рассказывается о памятном бое, который мог стать последним для обоих. Но прежде чем говорить о бое, несколько слов о фронтовой биографии нашего земляка. Призывался Али Тауканович в марте 1942 года и вместе со своими товарищами прибыл в Лабинскую. Назначение получил на должность

ездового первого орудийного расчета второй батареи, где паводчиком служил И. И. Вехов.

Спустя годы Иван Иосифович писал: «...Я часто вспоминаю Али. Это был очень хороший парень. Невысокого роста, такой шустрый и отчаянно смелый. Он был значительно моложе меня, поэтому звал я его сыпком. С ним не раз попадали мы в сложные переделки, но никогда не приходилось винить ущерба на его лице. Не могу забыть упорные бои в районе населенного пункта Голая Долина, что недалеко от Славянска. Пятнадцать дней не умолкала гуд сражения за это село. В тех боях почти полностью выбыл из строя второй огневой взвод нашей батареи. Тогда наши орудия стояли на прямой позиции против контратакующих «стигров» и нехоты противника. В один из дней наша пушка была повреждена. Для ремонта требовалось срочно вывезти ее в тыл. А бой не утихал. И тут под самым носом у атакующих фрицев на ломаях с передком выскоцил Али Гатажоков, зацепил орудие и, поднимая клубы пыли, уничтожил его в тылу.

Командир полка позвонил на батарею, чтобы выяснить, кто из виду у противника так лихо сумел вывезти пушку с переднего края. Ему ответили, что задачу эту выполнил красноармеец Гатажоков. «Смелый джигит!» — одобрительно отозвался он. А вскоре, це помню уже по какому поводу, вся батарея с восторгом наблюдала, как наш ездовой умеет зажигательно отплясывать лезгинку. Веселый и общительный парень стал любимцем батареи. А когда орудия перевели на механическую тягу, мы не отпустили Али. Стал он телефонистом расчета. Примерно в то же время я стал командиром орудия...»

Али Гатажоков быстро овладел новой специальностью, четко и надежно обеспечивал устойчивую связь. Не было случая, чтобы спасовал он перед трудностями. Его редкое умение найти общий язык

с товарищами по службе, быть ненавязчивым, привести в трудную минуту на помощь, трудолюбие и настойчивость, веселый нрав и душевная широта позволяли многим считать его близким другом.

К исходу сентября 1944 года фронтовые дороги привели орудийный расчет сержанта И. И. Вехова на румыно-венгерскую границу. В ночь на 25 сентября заняли они огневую позицию между селами Елек и Кательхаза. Впереди окопались два расчета противотанковых орудий. Изготовились к наступлению пехотинцы. Но противник уредил действия наших войск. Как позже выяснилось, именно на этом рубеже враг решил наложить главный удар. После массированного артиллерийского налета пошли в атаку танки. На огневые позиции второй батареи устремились четыре вражеские машины. Орудия истребительно-противотанкового дивизиона не успели открыть огонь. Их подмяли танковые гусеницы.

Сержант И. И. Вехов мгновенно оценил обстановку и дал команду изготовиться к бою. Он внимательно следил за приближавшимися фашистскими танками. Напряжение нарастало. Вот до них 200 метров, 150... 100... 50!

— Огонь!

Первым же снарядом был подбит головной танк. Уже не четыре, а три машины продолжали движение, ведя на ходу огонь. Несколько вражеских снарядов разорвалось в непосредственной близости от их орудия. Нарушилась связь. Али Гаташкоев решил двинуться на ликвидацию повреждения линии связи, но его вернулся приказ командира:

— Назад! Жить надоело? Будешь помогать огневикам...

Когда до орудия оставалось менее 25 метров, двумя меткими выстрелами был поражен второй вражеский танк. Два уцелевших быстро развернулись

и пошли назад. Образовавшаяся передышка оказалась совсем непродолжительной. К вечеру противник подтянул свежие силы и бросил на наши боевые порядки 25 танков с пехотой. Огнем второй батареи при поддержке бронебойщиков были подбиты четыре танка. Но это не остановило вражескую атаку. Разделившись на группы, гитлеровцы решили обойти батарею. Один танк с автоматчиками выскочил к орудию Вехова с тыла. Стремясь отбить атаку автоматчиков, артиллеристы открыли огонь из личного оружия. Но слишком неравными оказались силы. В перестрелке два бойца расчета погибли, другие оказались ранеными. Еще мгновение — и танк мог раздавить орудие. Тогда Иван Иосифович Вехов сам стал к орудию и успел выстрелить. Гитлеровская машина не дотянула до орудийного дворика всего пятнадцать метров.

Когда рассеялся дым и остатки вражеских автоматчиков отогнала наша пехота, командир орудия обнаружил, что в строю остался один. Воспользовавшись затишьем сержант решил оказать помощь раненым. Среди них был и Гатажоков. Осколки вражеского снаряда разворотили ему грудь, вырвали икру левой ноги, превратили в клочья обмундирование. На всякий случай Вехов нашупал пульс. Он бился! Требовалось спасти боевого друга. Но как? Вехов раскрыл индивидуальный пакет, рукой зажал кровоточащую рану и попытался ее забинтовать. От волнения получалось плохо. Бинт промокал, кровотечение не прекращалось.

Тогда командир орудия снял свою гимнастерку, разорвал ее и перетянул грудь Гатажокова. Остаток скапии пошел на жгут для ноги. Вскоре к ним добрался санинструктор батареи. Они вдвоем уложили раненого на щинель и перенесли в ложбину за передним краем. Оттуда Гатажокова и других раненых отправили в дивизионный медсанбат. Не думал тогда

Иван Иосифович, что выживет наш земляк. Сам он вернулся к орудию и один продолжал бой с вражескими танками. Как сказано в наградном листе: «...за два дня артиллеристы орудийного расчета сержанта И. И. Вехова уничтожили 25 вражеских солдат и офицеров. Командир орудия лично подбил 8 танков противника». За этот подвиг Ивану Иосифовичу Вехову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Долго боролись врачи Пятигорского стационарного госпиталя за жизнь Али Гатажокова. Он выжил. И выжил потому, что в самый трудный момент на помощь ему пришел фронтовой побратим Иван Вехов.

После войны Али Тауканович Гатажоков долгое время работал на заводе огнеупоров в городе Часов Яр (Донбасс). Как и на фронте, отличался большим трудолюбием, но по состоянию здоровья должен был оставить работу и переехать в Нальчик. Здесь и разыскали своего друга однополчанин. Мечтали они с Веховым совершить путешествие по местам былых боев. Но реализовать идею эту так и не удалось. В июле 1973 года Али Тауканович погиб в автомобильной катастрофе.

Рассказывая о последних встречах мужа с однополчанами, Анна Петровна Левака подчеркивала его удивительную скромность. Ведь он ни разу не позволил ни слова сказать о тех страданиях, которые выпали на его долю, никогда не выпячивал своих заслуг. Но всегда находил доброе слово о каждом, с кем нес цепкую армейскую службу. Не случайно поэтому каждый, кто приезжал на встречи однополчан в Нальчик, обязательно навещал Гатажокова. В памяти ветеранов живет он, как человек щедрой душевной доброты, гостеприимства и неувядаемого оптимизма.

РАЗВЕДЧИК НИКОЛАЙ БЕРШАДСКИЙ

— Разве мог кто-нибудь из моих товарищей по призыву думать, — вспоминал нальчанин Александр Михайлович Хворостинский, — что мы в одной дивизии пройдем от Дона до центра Европы? А ведь именно наша дивизия в числе первых соединений Красной Армии начала освободительную миссию народов Юго-Восточной Европы от коричневой чумы фашизма. В те дни события развивались с такой стремительностью, что невозможно было точно определить, где завершалась одна наступательная операция и где начиналась другая. Еще не умолк гул сражения на румыно-венгерской границе, а мы уже готовились к большому наступлению через Трансильванские Альпы. Одни названия поражали наше воображение. И здесь мне особенно хотелось сказать о нашем друге Николае Бершадском. Он обладал каким-то особым даром быстро схватывать неведомые ранее названия и легко ориентироваться в новых, порой совершенно непонятных для нас, условиях...

Шел октябрь 1944 года. Отделение разведки штабной батареи артиллерийского полка во главе со своим командиром сержантом Николаем Бершадским все дни находилось в боевых порядках исходы. Велся тщательный сбор сведений о вражеских опорных пунктах, долговременных огневых точках, системе обороны противника и других целях в полосе предполагаемого наступления дивизии. От этих сведений во многом зависел успех предстоящей операции. Поэтому не раз перепроверялись уже зафиксированные цели, с особой аккуратностью выявлялись новые. Немало приходилось ползать вдоль переднего края, чтобы добить достоверные данные.

В ночь на 6 октября сержант Бершадский доложил начальнику штаба полка о собранных сведениях и по-

N. M. Бершадский

лучил разрешение на от-
дых. После напряжения,
в котором находился все
эти дни, хотелось рассла-
биться и отоспаться, хоте-
лось встретиться с друзья-
ми Василием Полеводой
и Александром Хворо-
стинским. С ними связы-
вала не только совмест-
ная служба, связывали
узы землячества, общие
интересы и уже сложив-
шееся фронтовое братст-
во. И пока Бершадский
деллился с друзьями впе-
чатлениями, пока знаком-
ился с накопившимися
за время отсутствия но-
востями, время ушло. А
только прилег было,

чтобы успеть, как дрогнула земля от мощного артил-
лерийского залпа. Началась очередная артиллерий-
ская подготовка, в которой участвовал и артиллерий-
ский полк, в котором служили друзья.

Тогда никто из них и предполагать не мог, что
именно на этом участке наносился главный удар.
Всего три дня понадобилось для того, чтобы они
вместе с пехотой преодолели Трансильванские Альпы
и вышли к Венгерской равнине. В успехе этой опера-
ции была доля разведчиков, которые ваканцию кренко
поработали.

Стонло попасть в места, чем-то схожие с родными,
невольно пришлось сравнивать. Но выводы были
единодушными: у нас, в Кабардино-Балкарии, горы
выглядели величественнее и красивее.

— С похотой,— продолжал рассказ Александр Михайлович Хворостинский,— а двигались мы все время вместе, ворвались в небольшой венгерский городок Кишуйсаллаш. Он чем-то напоминал каждому из нас наш Нальчик. После трудного боя и непрерывного утомительного марша в этом уютном городке все располагало к отдыху. Наш взвод, которым командовал старший лейтенант Беспалов, разместился на просторном дворе зажиточного мадьяра. Николай Бершадский за короткое время на венгерской земле уже успел освоиться и даже выучил необходимый запас фраз, с помощью которых мог изъясняться с местными жителями. Он перебросился несколькими словами с хозяином и заявил нам, что через час нас угостят свежей курятиной. И действительно, вскоре под большим навесом был накрыт стол, о котором можно только мечтать. Но стоило только разместиться за этим столом, как где-то рядом поднялась стрельба. Дальнейшие события развивались с молниеносной быстротой.

— Встать! — скомандовал командир взвода.

И, подхватив личное оружие, связисты и разведчики быстро присоединились к отходившей из города стрелковой роте. Когда миновали окраину и вышли к протянувшейся вдоль шоссе роще, старший лейтенант Беспалов определил каждому отделению участки обороны и приказал окапываться. Принятые меры оказались своевременными. Как только бойцы заняли рубеж и изготовились к бою, из их позиций пошли вражеские автоматчики. Они знали, что им противостоят небольшие силы. Но дружный залп обороняющихся заставил их залечь. Через мгновение противник снова ринулся в атаку. И снова прозвучал залп. Так продолжалось до утра.

В эту трудную для взвода управление ночь разведчики полка во главе со своим командиром Ни-

колаcem Бершадским отразили несколько отчаянных попыток противника сбить заслон и пересечь шоссе. В этом главная заслуга командира, проявившего хладнокровие и мужество.

Днем противник предпринял еще несколько атак. Но, не имея достаточных резервов, успеха не добился. А к вечеру подошли наши войска, и город Кипчуй-саллаш был вновь отбит у противника.

Запомнился друзьям этот венгерский городок еще и тем, что отсюда проводили они своего друга Василия Полеводу в военное училище. Здесь примерно неделю приводили в порядок они свое хозяйство и отсюда с боями прошли до границы с Чехословакией.

На пути были Словакские Рудные горы. Вести наступление в тех местах — задача чрезвычайной трудности. Противник приспособил для обороны не только естественные преграды, но и старинные замки на недоступных скалах и даже монастыри.

Разведчикам хватало забот. Ведь им приходилось не только вести наблюдение за быстро меняющейся обстановкой и выявлять вражеские цели, но и вести разведку путей, по которым можно было через завалы и различные заграждения провести орудия. Осложнения возникали каждую минуту. И все же, несмотря на сложности боевой обстановки, артиллеристы сумели преодолеть Словакские Рудные горы и упорно продолжались к Грону вместе с пехотой.

— Наступать в горах было невыносимо трудно, — продолжает Александр Михайлович. — Нас на каждом шагу подстерегали опасности. Ведь противник бросал против нас такие части, солдаты которых имели специальную подготовку для ведения операций в горно-лесистой местности. Хорошо помню, что где-то в конце февраля 1945 года мы вышли к словацкому селу. Впереди пехоты не было, потому что на ка-

иуне она ушла горной тропой, а наши орудия там пройти не могли. Потребовался обезд. Остановились мы в небольшом лесочке. Предстояло форсировать горную речку, чтобы войти в село. Для этого надо было найти брод и выяснить, нет ли в этом населенном пункте противника. Эти задачи получили разведчики. Вот и приступил к их выполнению мой друг.

Как позже выяснилось, за рекой находилось село Лечотка. С этого берега хорошо была видна церковь и несколько домов недалеко от нее. От лесной опушки тропинка вела к переброшенному через реку подвесному пешеходному мостику. Стояла тишина, и ничто не предвещало беды. Но неясную тревогу вызывали пустынные улицы в селе и отсутствие людей во дворах домов.

Разместившиеся в прибрежном кустарнике связисты с волнением следили за действиями разведчиков. Вот они проскочили открытую поляну и залегли за земляным валом у мостика. Осмотрелись. Никаких следов минирования не обнаружили.

Тогда Николай Бершадский рывком поднялся, выскочил на мостик и, пригнувшись, что было сил побежал по нему. До противоположного берега осталось всего несколько шагов, когда тишину разорвал звук выстрела. Николай взмахнул руками, сделал еще один шаг вперед — и упал в речку.

Стало ясно, что в селе затаился враг. А стрелял снайпер с колокольни церкви. Его выстрел и стал сигналом к действию. Тут же последовала команда. Огневики выкатили орудие на прямую наводку и ударили по колокольне. От разрыва снаряда она окуталась дымом и рухнула вместе со скрывавшимся там вражеским стрелком.

— Мы бросились к речке, — Александр Михайлович в сердцах махнул рукой, — но было уже поздно. Мой боевой друг, прошагавший от Дона до этой не-

большой словацкой реки, был мертв. Вскоре после боя и освобождения села он здесь же был похоронен...»

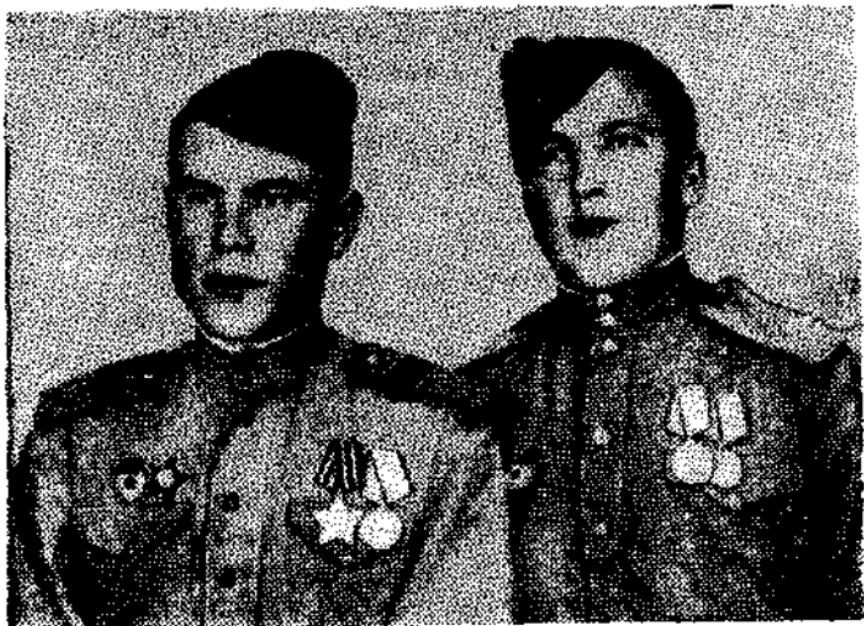
В Нальчик матери ушла похоронка: «Ваш сын сержант Бершадский Николай Михайлович, верный воинской присяге, находясь на фронте, первого марта 1945 года был тяжело ранен и умер после ранения. Похоронен в Чехословакии, село Лечотка, с отдачей воинских почестей».

Так оборвалась от вражеской пули жизнь разведчика Николая Бершадского.

ВЕСЬ ПУТЬ

Еще в период формирования дивизии многих наших земляков направили для прохождения службы в подразделения линейной связи. Иван Алехин, например, стал телефонистом первого батальона, а Георгий Совершеннов и Петр Сушкин — бойцами роты связи 592-го стрелкового полка. Николай Хаустов, Александр Хворостинский и Михаил Чихрадзе — связистами штабной батареи 1037-го артиллерийского полка. Наши земляки обеспечивали связь во всех дивизионах артиллерийского полка: Петр Бордунов — в первом, Владимир Астахов и Анатолий Крюков — во втором, Юрий Бабкин — в третьем. Командиром отделения связи первого батальона 592-го стрелкового полка был Николай Шутко.

К сожалению, назвать всех, кому довелось служить и воевать в подразделениях связи 203-й стрелковой дивизии, невозможно, так как о некоторых не удалось получить исчерпывающей информации. Но уже те краткие сведения, которые найдены, свидетельствуют о том, что наши земляки с честью выпол-

Г. И. Совершеннов и Н. Г. Овчаренко

иляли свой долг. Подтверждением служат их боевые награды.

Связь — это первая армия. От слаженной и четкой работы всех звеньев службы во многом зависел успех выполнения боевых задач частей и подразделений. Не раз, рискуя жизнью, обеспечивали дивизионные телефонисты бесперебойную связь. Так было с первого дня фронтовых будней на Донском плацдарме, так было в дни ожесточенных боев на внешнем фронте окружённой вражеской группировкой между Доном и Волгой, в период наступления дивизии от Донских степей до Чехословакии. Немало тому примеров.

В разгар преследования противника вдоль северного берега реки Быстрой в направлении станицы Скосырской буквально в первые дни 1943 года свя-

зисты первого дивизиона 1037-го артиллерийского полка по глубокой балке за хутором Гринев навели линию связи к месту намечаемого наблюдательного пункта. И вдруг где-то совсем рядом поднялась ружейно-пулеметная стрельба, в небо взвились сигнальные ракеты. Боя носили в те дни упорный характер, поэтому особой тревоги от поднявшейся стрельбы связисты не испытали. Но, как оказалось впоследствии, на соседнем участке противник предпринял контратаку, и в наш тыл прорвалась группа вражеских автоматчиков. Из штаба дивизиона последовала команда немедленно оставить НП и свернуть связь. Петр Бордунов со своим напарником тут же приступил к выполнению задачи. Гриневская балка казалась им надежным укрытием, и они спокойно на кручивали на бобины катушек телефонный провод. За этим занятием и застигли их немецкие автоматчики. Связисты даже не успели применить оружие. Так погиб наш земляк из Нальчика Петр Бордунов...

С первых дней боев во время форсирования Дона, захвата плацдарма, его обороны и наступления на внешнем фронте Сталинградского окружения телефонист Иван Алехин оказался в гуще событий. Ведь именно их первый батальон 592-го стрелкового полка в те дни прославился дерзкими и стремительными атаками, нанес немалый урон противнику.

В начале февраля 1943 года 203-я дивизия была переброшена в район города Каменска, западнее железной дороги Миллерово — Каменск, и развернулась всего в трех километрах от Северского Донца. Там, когда завязались бои в предместье Каменска, прямо на линии связи, устранивая повреждение, Иван Алехин был ранен и выбыл в госпиталь. Ранение оказалось легким, но в свою дивизию вернуться не удалось. Служил командиром стрелкового отделения трофейной бригады 3-го Украинского фронта,

затем был курсантом армейских курсов младших лейтенантов, командовал взводом 24-го гвардейского воздушно-десантного полка 10-й гвардейской воздушно-десантной Криворожской Краснознаменной ордена Суворова дивизии. Дважды был ранен. Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За боевые заслуги». После демобилизации вернулся Иван Данилович Алехин в Нальчик и до конца дней своих работал начальником охраны и противопожарной безопасности плодово-ягодного совхоза в Нальчике...

Адрес Георгия Ивановича Совершеннова, проживающего в городе Пятигорске, сообщил мне Николай Григорьевич Овчаренко. Я написал ему письмо и получил обстоятельный ответ.

«...После восьмого класса,— писал Георгий Иванович,— я работал киномехаником Баксанского дома культуры. 3 марта 1942 года нас, большую группу моих ровесников, призвали и направили в Лабинскую. Там, помимо 203-й дивизии, формировался отдельный стрелковый батальон, который вскоре направили в Ростов-на-Дону. Большинство баксанцев отобрали для службы в этом батальоне. Как потом выяснилось, почти все ребята наши погибли. Тех же, кого не взяли в отдельный батальон, направили в 592-й стрелковый полк. Я стал связистом полковой роты связи, Овчаренко и другие баксанцы — стрелками».

Рота связи обеспечивала связь штаба полка с батальонами. Случилось, что уже в первых же боях под Ягодным Совершеннов получил ранение в руку, но дальше дивизионного медсанбата не попал. Ранение оказалось легким, и уже через месяц вернулся он в строй. А в октябре 1942 года первым из роты за образцовое выполнение боевых заданий, за проявленную находчивость по наведению связи во время вра-

жеской контратаки, был награжден медалью «За отвагу».

«...До сих пор не верится,— говорилось в письме,— что в заснеженной Донской степи, изрезанной похожими друг на друга балками, мы ни разу не заблудились и не замерзли. Ведь чаще всего на устрижение повреждения уходили мы поодиночке. Указателем служил лишь конец телефонного провода. И там, где он обрывался, подстерегали всякие неожиданности. Помню, как однажды, под хутором Беленьким, чуть не погиб от разрыва мины, а когда подавал связь в батальон, который первым ворвался в Краснодон, был тяжело контужен...»

Неизвестно, как обернулось бы дело, если бы рядом не оказался нальчаник Петр Сушков. Ведь Совершеннов не только потерял слух, но и не мог сам подняться. Дотащил на себе его напарник и передал санинструктору. Полностью слух восстановился лишь к лету, когда дивизия находилась на отдыхе.

Нелегко пришлось нашим землякам-связистам во время боев в районе Голой Долины. От непрерывного артиллерийского и минометного обстрела, от бомбёжек нарушалась связь. А за каждым перемещающимся бойцом охотились фашистские снайперы. За проявленное мужество в тех боях, за успешное выполнение всех заданий по обеспечению бесперебойной линейной связью командования полка с подразделениями в сложной боевой обстановке рядовой Г. И. Совершеннов был награжден орденом Красной Звезды. А еще через месяц, на пути к Днепру, на партеобразии 592-го стрелкового полка причисли его в члены ВКП (б).

После второго форсирования Днепра, когда велись упорные бои по расширению плацдарма в районе Днепровской плотины, связистам приходилось выполнять обязанности под непрерывным вражеским об-

стрелом. Не раз подвергались они смертельной опасности. И уже почти на исходе тех боев, когда ни одной из сторон не удалось добиться перевеса, 28 ноября 1943 года, возвращаясь с очередного выхода по устранению повреждения, телефонист Совершеннов получил тяжелое ранение и выбыл в госпиталь. О дальнейших событиях в письме сказано: «...В дивизию вернуться не удалось. Служил комсоргом 481-го стрелкового полка 320-й дивизии. Дошел до Будапешта и там в третий раз был ранен. В конце марта 1945 года выписался из госпиталя и прибыл для продолжения службы в 99-ю воздушно-десантную дивизию. Там произошла радостная встреча с Николаем Григорьевичем Овчаренко, с которым мы расстались в августе 1942 года на Дону и совсем не надеялись на встречу. Войну закончил я в Праге...»

До конца войны еще один орден, орден Славы III степени, украсил грудь Г. И. Совершеннова. А в знак памяти о встрече на венгерской земле друзья сфотографировались.

После войны трудился Георгий Иванович на ряде предприятий в Баксане, Кировабаде и Пятигорске. Последние годы до ухода на пенсию работал он электрообмотчиком пятигорской «Рембыттехники». К 40-летию Победы награжден орденом Отечественной войны I степени...

— Так складывались обстоятельства,—вспоминал Михаил Ефимович Чихрадзе,— что и Новый, 1944 год мы встречали в боях. Накануне его началась Никопольско-Криворожская операция. Поэтому пришлось пройти через испытания яростного сопротивления противника в местах, ранее известных нам только из географии. К середине января дивизия вышла на рубеж юго-западнее большого украинского села Томаковка. Дальше продвинуться не удавалось. Второй дивизион артполка поддерживал действия 610-го стрел-

кового полка, и его батареи занимали отневые позиции на восточной окраине Томаковки. Было холодно. Мела поземка. Мы очень мерзли в землянках и окопах...

После предыдущих наступательных операций, когда приходилось все время находиться в непрерывном перемещении, задержка у Томаковки казалась затяжной. А тут еще степные ветры со снегом, мороз... И все же пришел долгожданный приказ о переходе в наступление. 30 января на трехкилометровом фронте дивизии развернулись упорные бои. Только к утру 5 февраля было сломлено сопротивление противника и полки 203-й дивизии освободили Елизаветинские хутора и южную окраину Томаковки.

— Нам казалось,— продолжал свои воспоминания Михаил Ефимович,— что накал боев на нашем участке повлиял на резкое изменение погоды, потому что вдруг потеплело, да так, что весь снег растаял. Влага разлилась по полям и дорогам, проселки превратились в сплошное месиво. Ноги до колен проваливались в грязь. Спасаясь, немцы уходили пешком и оставляли всю свою технику. Никогда больше не приходилось мне видеть такую массу вражеских машин и орудий. Транспорт даже повышенной проходимости застревал на дорогах под Никополем намертво. Именно в те дни мы с разведчиком нашей штабной батареи Виктором Хомутовым наскочили на вражеский заслон и подверглись минометному и пулеметному обстрелу. Меня легко ранило осколком мины, а мой друг получил тяжелое пулевое ранение в ногу. До штаба полка я добрался пешком. Там санинструктор оказал мне первую помощь и сказал, что как только вернется повозка, меня отправят в медсанбат. Вскоре на подводе доставили Хомутова. Кстати, Виктор Хомутов нальчанин. Старшина наш налил нам с ним по сто граммов фронтовых и отправил в медсанбат. Шли

бон. Раненых было много. В зависимости от ранения тут же распределяли по группам и направляли в госпитали. Пришлось нам с Виктором Хомутовым расстаться. Как сложилась дальше его судьба, мне неизвестно. Там и я расстался с 203-й дивизией и своими однополчанами...

Примерно в те же дни февраля 1944 года выбыл по ранению и связист второго дивизиона 1037-го артиллерийского полка Анатолий Андреевич Крюков. Живет он в Нальчике и при встрече из своих однополчан Николая Хаустова назвал первым. Знал его еще до призыва. В ту пору жили они по соседству в Долинске.

— Николаю Хаустову я обязан тем,— говорил Анатолий Андреевич,— что почти всю войну у нас дома были хорошо информированы о моих фронтовых делах. Сам я писать ленился, а Николай был примерным сыном и аккуратно сообщал матери о нашей жизни. Естественно, в каждом письме он писал несколько строчек обо мне. Моя мать регулярно наведывалась к Хаустовым, перечитывала письма моего друга, благодарила Николая за подробности и с нетерпением ждала очередного послания с фронта...

О себе Крюков почти ничего не рассказывал, даже на вопросы отвечал односложно: «А что говорить? Служил как и все. Никаких подвигов не совершил. Деталей не помню. Фамилии забыл. Вот если бы сохранились письма Николая».

К сожалению, письма не сохранились. Не вспомнил А. А. Крюков ничего существенного об однополчанах. Вместе с тем один эпизод ему запомнился, и он охотно о нем рассказал. После ранения его на самотарном поезде доставили в стационарный госпиталь Астрахани. Когда начал передвигаться, старшая сестра привела его в столовую и указала место. Соседом за столом был парень, который после тяжелого ранения

с трудом передвигался на костылях. Крюков пригляделся к нему и, все еще сомневаясь, спросил:

— Анатолий?

— Да! — ответил тот и взглянул на него. — Но откуда ты меня знаешь?

— Долинск помнишь?

— Конечно! Я ведь там жил до призыва... Положди...

— Ну и я тоже. Моя фамилия Крюков...

— Неужели ты?! — воскликнул Кособуцкий, а это был он, и крепко обнял своего товарища.

Так произошла встреча друзей. Война до неизвестности изменила их облик, и все же они узнали друг друга. Долго беседовали. Вспоминали беззаботное школьное детство, походы и пионерские костры, позже вылазки в сады и другие проделки. Потом переключились на судьбы общих знакомых. Обменялись информацией о тех ребятах, которых забрала война.

И, уже прощаясь со мной, Анатолий Андреевич вспомнил:

— Знаете, вместе со мной во взводе управления второго дивизиона служил Сергей Саркисов. Он лучше меня помнит события тех дней, ведь прошел в артиллерию весь его боевой путь. После войны мы с ним работали в Эльбрусской экспедиции Академии наук СССР...

«...Петр Никитович Сушков призывался из Нальчика, — писал Георгий Иванович Сонершенинов, — а познакомились мы с ним в Лабинской, когда оба были зачислены в роту связи 592-го стрелкового полка. Служили в одном отделении. С того момента и до моего ранения, почти два года, мы провели с ним на фронте рядом, выполняя пеленскую работу по обеспечению связью штаба полка с батальонами. Сушков был

смелым, выносливым, находчивым и исполнительным красноармейцем. Ни разу не приходилось мне видеть, чтобы наш земляк сплоховал или в трудную минуту растерялся. Временами бывало очень нелегко, порой мы выбивались из сил, но какая-то сила поднимала нас, и мы продолжали выполнение боевой задачи.

Помнится, дивизия вела бои в районе хуторов Нижне- и Верхне-Кривского на Луганщине. Нам, пятым связистам, была поставлена задача: навести связь с одним из батальонов, который оказался на значительном удалении от основных сил. То ли начальник штаба ошибся, то ли мы отклонились от намеченного маршрута, но израсходовали весь запас телефонного кабеля, а цели не достигли. Разведали, какое расстояние предстояло преодолеть, и пришли к выводу, что потребуется еще катушка телефонного провода. Связались со штабом, объяснили ситуацию. Но нам ответили, что помочь не могут, так как все связисты на линиях.

Что делать? И тут Сушкин вспомнил, что примерно в километре, когда мы миновали развилку дорог, он заметил в стороне брошенное немецкое снаряжение. По его утверждению, была там и трофейная бобина с проводом. К сожалению, никто из других связистов такой наблюдательности не проявил. А Петр Сушкин, не ожидая окончательного решения, несмотря на усталость, отправился на поиски и вскоре вернулся с повязкой немецкой катушкой. Мы быстро завершили прокладку телефонной линии и за успешное выполнение задания получили благодарность начальника штаба полка...»

Участвовал П. Н. Сушкин в боевых операциях по освобождению Донбасса, в трудных боях в районе Голой Долины, форсировал Днепр, провожал с Днепровского плацдарма своего друга Георгия Совершеникова в госпиталь. Два месяца от Никополя до

Одессы обеспечивал бесперебойную связь. Но не миновала и его вражеская пуля. 10 апреля 1944 года, когда 592-й стрелковый полк ворвался на железнодорожную станцию Одессы, засевший в доме фашистский снайпер ранил связиста П. Н. Сушкова.

После госпиталя на фронт не попал. Служил телефонистом батальона аэродромного обслуживания до конца войны. Об остальном рассказал Г. И. Совершенинов: «В 1946 году после демобилизации я приехал в Нальчик и к своему немалому удивлению сразу разыскал Сушкова. Мы с ним регулярно встречались до моего переезда в город Кировабад. Работал он бригадиром маляров в строительной организации, которая возводила санаторий имени Б. Э. Калмыкова, первый и второй корпуса санатория «Нартан» и другие объекты в Долинске. По отзывам строителей, мой боевой друг был отличным маляром. В мае 1972 года проходила встреча участников освобождения города Никополя. Я прибыл на встречу и к своей великой радости увидел Петра Никитовича Сушкова. Последняя наша встреча состоялась за год до его смерти. Вот что о моем боевом друге, скромном труженике войны, хотелось мне сказать...»

Вскоре, после освобождения нашими войсками Одессы, 203-я дивизия получила небольшую передышку. В полки и подразделения усиления пришло пополнение. Шла подготовка к новым боевым операциям. И тут приказ: откомандировать командира отделения связи сержанта Н. Г. Шутко в распоряжение штаба дивизии. Шел сержант в штаб и совсем не думал о том, какое назначение получит. Оказывается, прибыли представители армейских курсов младших лейтенантов по отбору наиболее отличившихся младших командиров для учебы на курсах. Совсем неожиданно для себя обнаружил Шутко среди рекомендованных и свою фамилию. Физическая подготовка его

была отличной, жалоб на здоровье не имелось. Доводы о недостаточном образовании тут же были отмечены.

Так оказался Николай Шутко в числе кандидатов на армейские курсы младших лейтенантов. И, когда прибыл к месту дислокации курсов, к своей радости встретил там земляка и однополчанина Ивана Алексина. От него узнал, какими путями пришел тот на курсы, и рассказал о себе. Но учиться ему на курсах так и не пришлось. Курсантов оказалось больше, чем позволяли возможности. Поэтому часть их подлежала сокращению. Среди них был и Шутко. А дивизия тем временем ушла на Днестр. Пришлось менять армейскую специальность, потому что в 394-й стрелковой дивизии, куда его направили, подразделения связи были полностью укомплектованы. Стал сначала дивизионным разведчиком, а позже механиком-водителем бронетранспортера.

С сентября 1944 года служил в 53-й стрелковой дивизии. В ее составе воевал в Венгрии, Чехословакии и Австрии. За проявленное в боях мужество награжден орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу». К 40-летию Победы Николай Георгиевич отмечен орденом Отечественной войны II степени.

Демобилизовавшись, вернулся Н. Г. Шутко в Нальчик. Трудился на машиностроительном заводе и в Чегемской райсельхозтехнике. Теперь на пенсии.

— Сразу после войны было не до встреч,— рассказывал Михаил Ефимович Чихрадзе.— О них тогда и не думали. Забот хватало. Это уже позже появились советы ветеранов, начался активный сбор сведений о тех, кто воевал, стали проводиться встречи на местах былых боев. Но и тогда среди нас, нальчан, служивших и воевавших в 203-й стрелковой дивизии, не получила распространения работа по поиску однополчан.

Мы не утруждали себя сбором сведений о тех, кто выжил, не говоря уже о тех, кто не вернулся с войны. А жаль. Многие ушли из жизни и унесли с собой известные только им имена наших боевых друзей. Только теперь приходится по-настоящему сознавать, что время упущено. Надо хоть теперь воскресить в памяти то, что возможно. Назвать тех, кого мы помним...

Озабоченность Михаила Ефимовича понятна. С каждым днем редеют ветеранские ряды. Мы продолжали беседу, и, по-моему, даже неожиданно для себя мой собеседник приюнил случай, связанный с его однополчанином.

А было так. В доме Чихрадзе поломался газовый обогреватель. Вызвали аварийную службу. Хозяину пришлось остаться дома в ожидании ее приезда. Не мало удивился Михаил Ефимович, когда прибывшим мастером оказался хорошо знакомый ему человек, его однополчанин Николай Хаустов. Тот моментально устранил неисправность, но хозяин не разрешил ему тут же уехать. Фронтовые друзья засиделись далеко за полночь, вспомнили тревожные дни и ночи на пути от Дона до Днепра, своих однополчан, погоревали, что не со всеми можно встретиться, условились навещать друг друга.

— Николай Хаустов,— продолжал разговор Михаил Ефимович,— был очень скромным человеком. Он обычно молча выполнял нелегкий труд связиста, ни разу за все то время, что довелось нам служить рядом, не слышал я от него ни слова жалобы. Из-за такой скромности и начальство его мало замечало. А когда демобилизовался, не искал встреч с однополчанами. А мы как-то забыли о нем. Мало этого, появился его однофамилец, который совсем не служил с нами, а выдавал себя за фронтовика. До встречи с настоящим однополчанином некоторые ветераны даже сомнения не выражали. Поэтому не сохранилось ни одной фото-

графии Николая Хаустова с ветеранами, и ни на одной из встреч с ними он не побывал. Пережить пришлось ему немало. Под вражеским обстрелом, в морозные дни и ночи ходил он на устранение повреждений линии связи на Донском плацдарме. Выбивался из сил, когда месил ногами чернозем под Никополем. Прошел в нашем полку дальше меня и Крюкова. Ранен был в Днестровской излучине. После ранения лечился в госпитале в Орджоникидзе. Фронтовые испытания, ранение и трудности послевоенных лет подорвали его здоровье, и в 1981 году Николай Давидович Хаустов умер...

Нальчанин Александр Михайлович Хворостинский оказался в числе тех связистов дивизии, кому дальше всех удалось пройти на Запад в артиллерийском полку.

— Как это ни странно,— вспоминал он,— вроде мы, ровесники, и знали друг друга по городу, но, лишь оказавшись в одной команде по призыву, стали понастоящему знакомиться. Да и то совсем исподволь. Вскоре направили нас в разные подразделения и с некоторыми довелось встретиться только после войны, а с некоторыми так и не удалось повстречаться...

Служил Александр Михайлович в штабной батарее 1037-го артиллерийского полка старшим направлением линейной связи. В его группу входили Михаил Чхерадзе и Петр Агафонов. Направление в основном обеспечивало связь со вторым дивизионом. Самыми памятными стали дни конца августа 1942 года, когда форсировали Дон и шли бои на Донском плацдарме.

— Хорошо помнится перевернутый паром, спасительное бревно, ботинки, тянувшие на лиро, и пикирующий вражеский самолет. Это чудо, что в том аду я сумел сбросить ботинки, размотать обмотки и добраться до берега. Помнится, как нагло вел себя противник, покрывая листовками, как снегом, плацдарм.

А ведь каждая листовка — приглашение и пропуск в плен. Находились, конечно, негодяи. Перебегали к врагу. Но это были жалкие единицы. Мне запомнились слова Петра Агафонова. Он был старше нас и уже успел испытать «прелести» фашистского плена, откуда сумел бежать: «На дураков рассчитана дешевая пропаганда. Лучше умереть в бою, чем смалодушничать...»

Запомнились вражеские контратаки, первое легкое ранение, начало нашего наступления и первая награда — медаль «За боевые заслуги», врученная на Илацдарме. С этих событий начались фронтовые будни. Потом трудные испытания на пути к Украине, памятная Голая Долина и Днепр.

— Когда говорят о войне, — продолжал Александр Михайлович, — то справедливо подчеркивают, что в больших и малых сражениях прокладывала путь к победе пехота. Ее прикрывала и обеспечивала развитие успеха — артиллерия. Особенностью же нашей службы, службы связи, являлось то, что непосредственного урона врагу наносить мы не могли. Вместе с тем без хорошо налаженной связи успеха не добивалась ни пехота, ни артиллерия. И обеспечивалась она самоотверженным ратным трудом связистов. Причем если другие рода войск проходили какой-то отрезок пути в один конец, то связистам-линейщикам приходилось преодолевать его дважды, а то и большее число раз. Мне думается, что каждый связист отмерил вдвое большее расстояние, чем его подразделение...

Пришлось и сержанту А. М. Хворостинскому преодолеть в условиях обстрела и бомбёзек, холода и жары, весенней распутицы и осенних дождей расстояние от Дона до Дуная. Пришлось преодолеть десятки водных рубежей, перешагнуть границы Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии. Не раз столи-

ца нашей Родины — Москва салютовала доблестным войскам 53-й армии, отличавшимся при овладении крупными городами и опорными пунктами. Это были салюты и в честь воинов 203-й дивизии.

В конце марта 1945 года началось наступление на реке Грон в Чехословакии. Наши войска усиленно форсировали водный рубеж и устремились на Брatisлаву и Брюно. 31 марта был освобожден город Нитра, на следующий день города Тришава, Глоговец и Сенец. Артиллеристы сдва успевали за наступавшей пехотой. А тут приказ: не терять связь с дивизионами! Вот и пришлось, несмотря на бешеный огонь отходящего противника, спешить связистам к небольшой словацкой деревушке, где обосновался штаб второго дивизиона. Оставались считанные метры до цели, когда рядом взорвался тяжелый снаряд. Взрывная волна оглушила и отбросила связистов, а один из осколков буквально распорол ногу А. М. Хворостинскому. Агафонов, которого чудом не задел ни один осколок, подхватил раненого и, несмотря на обстрел, лотащил его до первого дома деревни. Потом вернулся, соединил поврежденный провод и до конца выполнил задачу по прокладке линии связи. А когда стих вражеский артналет, проводил Агафонов своего боевого друга в медсанбат. Оттуда Хворостинского доставили в армейский полевой госпиталь, который размещался в словацком городе Левицы. Так, по ранению, выбыл из 203-й стрелковой дивизии сержант А. М. Хворостинский.

В конце войны совсем недолго пришлось ему служить в 30-й артиллерийской Венской дивизии прорыва. За боевые заслуги награжден он орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». В 1947 году демобилизовался и вернулся в Нальчик. Служил в органах внутренних дел оперативным уполномоченным, старшим оперативным уполномоченным,

начальником уголовного розыска Нальчикского гор-
отдела внутренних дел. За успешную и добросовестную
службу по охране общественного порядка награжден
Александр Михайлович Хворостинский орденом Тру-
дового Красного Знамени, а к сорокалетию Победы —
орденом Отечественной войны I степени.

Таковы некоторые сведения из биографии наших
земляков, служивших и воевавших в подразделениях
связи 203-й стрелковой дивизии.

В ПОЛУЭСКАДРОНЕ КОННОЙ РАЗВЕДКИ

В феврале 1945 года в Подмосковье формировался
воинский эшелон для отправки в действующую армию.
Его основу составляли бойцы и командиры, прибыв-
шие из сборных пунктов после лечения в стационар-
ных госпиталях и из резерва. Неожиданными, волную-
щими и непредсказуемо радостными были встречи
однополчан. Но большинство знакомилось впервые,
и не было конца рассказам о минувших событиях на
фронтовых дорогах. Когда же сформированный эше-
лон отправился в путь, каких только предположений
не высказывали бывалые воины! И все же большинст-
во склонялось к мысли, что их непременно направят на
1-й Белорусский фронт и им придется штурмовать
Берлин. Но предположениям этим не суждено было
сбыться. Эшелон без задержек проследовал на юг,
пересек Украину и прибыл в Одессу. К тому времени
фронт находился далеко от Одессы. Поэтому этот го-
род не мог быть конечным пунктом назначения. Даль-
ше предстояло продолжить путь по морю.

— Еще в эшелоне, — вспоминал один из участни-
ков тех событий, наш земляк Абу Хазраилович Эльме-
сов, — со мной познакомился Семен Харман. По
сравнению с другими попутчиками он выглядел совсем
мальчишкой. Даже не верилось, что ему уже довелось

хвебиуть фронтовых испытаний и даже быть раненым...

Из дальнейших воспоминаний ветерана выяснилось, что Хармац был призван в армию в 1944 году. Служил и воевал в 47-й отдельной штурмовой роте 1-го Прибалтийского фронта. Когда началась Рижская операция, войска фронта главный удар наносили по небольшому латышскому городку Бауска. Подступы к этому населенному пункту были огорожены сплошными травянями, перед ними — проволочные заграждения и минные поля. Наступление для наших войск осложнялось необходимостью преодоления сильно заболоченной прибрежной полосы и форсирования реки Мушты. Именно этот рубеж первыми должны были преодолеть бойцы 47-й штурмовой роты. В бою под Бауской прошло боевое крещение Семена Хармаца. Там он был ранен...

Сам Абу Хазраилович Эльмесов начал армейскую службу на должности заместителя политрука 3-го эскадрона 297-го кавалерийского полка 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Горькую чашу потерь однополчан испил в конце июля 1942 года в боях за станицу Батлаевскую, когда немецко-фашистские захватчики рвались к Волге. Вскоре из кавалерии пришлось перейти в пехоту. В отдельной разведроте 347-й стрелковой дивизии воевал на Северном Кавказе под Моздоком, освобождал Ставрополь и юг Украины. В феврале 1943 года получил старшина А. Х. Эльмесов назначение на должность знаменищика 1177-го стрелкового полка. В этой должности участвовал в боях на Левобережной Украине. За большие заслуги 347-я стрелковая дивизия удостоилась почетного наименования Мелитопольской. В апреле — начале мая 1944 года дивизия в составе 2-й гвардейской армии штурмовала Перекоп, освобождала Крым и город-герой Севастополь.

Когда закончили боевые операции в Крыму, дивизию перебросили в Прибалтику. Там воевал старшина А. Х. Эльмесов на должности парторга батальона 1179-го стрелкового полка. А в ноябре 1944 года направили его на армейские курсы младших лейтенантов. Учеба не состоялась, о чем Абу Хазраилович не очень сожалел. Война шла к концу, и оставаться военным не очень хотелось. Но и вернуться в свою дивизию не удалось. Попал в резерв, а оттуда в эшелон, который формировался в Подмосковье..

— По пути на фронт невольно вспоминаются родные места,— продолжал свои воспоминания Абу Хазраилович.— И, кто знает, быть может, то, о чем я тогда говорил, как расхваливал красоты Кабардино-Балкарни, и побудило моего попутчика Семена Хармаца ближе познакомиться со мной. А может, просто ему требовалось покровительство старшего товарища. Теперь трудно об этом судить. Но уже в щути мы с ним подружились, и он искренне привязался ко мне.

На корабле, который доставлял нас из Одессы в румынский порт Констанцу, мы шли по морю, не раз подвергаясь смертельной опасности. Ведь встречались еще мины. Черное море не успели от них очистить. На румынской земле долго добирались до места назначения. Семен Хармац следовал всюду со мной. Так и попали в полуэскадрон конной разведки 203-й стрелковой дивизии, хотя до этого мой юный друг никогда прежде верхом на лошади не сидел. Сначала были затруднения. Но настойчивость Семена помогла их преодолеть, и вскоре он стал не только хорошим разведчиком, но и заправским кавалеристом. Рядом прошли мы до конца войны..

В дивизию прибыли они, когда завершилась подготовка к проведению Братиславско-Брновской опера-

ции войск 2-го Украинского фронта, 203-я дивизия имела задачу форсировать реку Грон и закрепиться на плацдарме. Март 1945 года выдался теплым. Река широко разлилась. Западный берег с большой крутизной являлся выгодным рубежом для вражеской обороны. Поэтому решено было сначала направить разведчиков для снятия боевого охранения, а затем уже понтонерам наводить переправу.

Дивизия успешно выполнила задачу по форсированию реки Грон, преодолела яростное сопротивление противника и начала его преследование в направлении чехословацкого города Годонин. За успешное выполнение этой боевой задачи дивизия была награждена орденом Суворова II степени.

Не раз в боевых операциях на территории Чехословакии отличался полуэскадрон конной разведки. 5 мая 1945 года разведчики первыми ворвались в небольшой городок Немчицы, разгромили вражеский гарнизон и захватили большие трофеи. В возникшей перестрелке под огонь вражеского пулеметчика попал Семен Хармац. Под ним убило лошадь. До завершения боя в Немчицах пришлось ему действовать в пешем строю.

Смелые действия полуэскадрона конной разведки получили высокую оценку командования. Все участники этой операции были награждены. Старшина А. Х. Эльмесов — орденом Красной Звезды, рядовой С. Г. Хармац — медалью «За отвагу». Но для них война в Чехословакии не закончилась. Вскоре дивизию перебросили в Монголию. В ходе боев по разгрому Квантунской армии личному составу 203-й дивизии пришлось преодолеть Большой Хинганский хребет и полупустынные провинции Северного Китая. Разведчикам приходилось выполнять сложные задания по уточнению путей перемещения дивизии в трудно-

доступных теснинах на подступах к Маньчжурской равнине, искать места для форсирования коварных горных рек и очень широкой и многоводной реки Ляохе. Свою долю ратного труда внесли разведчики в успешное выполнение дивизией боевых задач и в то, что удостоилась она почетного наименования Хинганской.

Пока шли бои и продолжалась армейская служба после войны, Семен Хармац как-то не задумывался о будущей гражданской специальности. Но, когда подошел срок демобилизации, пришлось решать: как быть дальше. Во время службы научился он устранять различного рода поломки в оружии. Наверное, это и повлияло на выбор будущей профессии. Потому что сразу поступил на курсы по ремонту сложной бытовой техники. Время учебы пролетело быстро. А на распределении, когда Семену Харманцу предложили выбрать место будущей работы, среди других пунктов обнаружил он Нальчик. Вспомнились рассказы старшины А. Х. Эльмесова о красотах Кабардино-Балкарии, вспомнился внимательный и добрый однополчанин. Сомнений быть не могло. Он выбрал Нальчик и в 1952 году прибыл в распоряжение республиканской рембыттехники на должность мастера по ремонту холодильного оборудования.

Теплой и радостной была его встреча с Абу Хазравловичем, уже работавшим в ту пору на полиграфкомбинате. Вспомнили они долгий путь к фронту, своих боевых друзей по полуэскадрону конной разведки, события огненных дней войны. Так стал разведчик Семен Григорьевич Хармац нальчанином.

За большие заслуги в годы мира не раз труд мастера отмечался знаками победителя соревнования, благодарностями. С. Г. Хармац был удостоен звания «Заслуженный работник службы быта КБАССР». В

ознаменование 40-летия Победы он награжден орденом Отечественной войны II степени. Несмотря на возраст, продолжает бывший разведчик трудиться в республиканском объединении «Каббалкрембыттехника».

УЧАСТИК ПАРАДА ПОБЕДЫ

В ходе работы над рукописью этой книги у меня было немало интересных встреч. Но самая поразительная состоялась в Нарткале в доме Дмитрия Трофимовича Ломоносова. Он, оказывается, не только в памяти сохранил события военных лет, но и подробнейшим образом описал их. На машинке отпечатано восемь увесистых томов, которые ждут своего исследователя.

Работая над своими воспоминаниями, Дмитрий Трофимович широко использовал личные записи, которые он вел во время войны, обращался за помощью к однополчанам, не раз встречался с командиром дивизии Героем Советского Союза генерал-майором Гавриилом Станиславовичем Здановичем, получал от него копии документов из архивов и дивизионной газеты. Все это позволило нашему земляку накопить ценный фактический материал. Если к этому добавить, что Дмитрий Трофимович хороший рассказчик, то станет ясно, почему так часто его приглашают на встречи.

— На встречах с молодежью,— рассказывал ветеран, — мне не раз задавали вопрос: «А что особенного совершило 203-й дивизией?» Вначале такой вопрос меня обескураживал. Действительно, воевали мы, как и бойцы многих частей и соединений! Весь почетные наименования и ордена получили все или почти все дивизии, принимавшие участие в боевых

Д. Т. Ломоносов

операциях по разгрому немецко-фашистских захватчиков. Орденами и медалями награжден весь личный состав дивизии. Быть может, назвать некоторые цифры? Ведь 27 воинов дивизии удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Это впечатляет. И все же нужны еще какие-то сравнения. И они нашлись. Вряд ли можно назвать другую часть, которой за короткий промежуток времени пришлось бы трижды форсировать Днепр. А 203-я стрелковая дивизия такой подвиг совершила...

О первом форсировании уже рассказывалось выше. В начале октября 1943 года дивизии сдала свой участок и возвратилась на левый берег. Там участвовала в боевой операции по освобождению Запорожья. Затем вторично форсировала Днепр в километре севернее плотины Днепрогэса. В результате упорных боев на правобережье удалось захватить крохотный плацдарм и закрепиться на нем. К сожалению, размеры его были столь малы, что невозможно было переправить туда средства усиления. Тогда и возникла идея использовать находившийся на пути форсирования остров имени Ленина. Он занимал в длину более километра и в ширину около 300 метров. Заросли деревьев и кустарников на острове служили хорошим укрытием. Но противник, не жалея ни снарядов, ни

мин, почти круглосуточно подвергал обстрелу и плацдарм, и остров. Вочные часы мощная прожекторная установка врага освещала полосу реки между островом и причалом на правом берегу. Малейшее перемещение с нашей стороны фиксировалось — и начинался обстрел. От взрывов бурлила вода в реке.

Тогда и получил командир орудийного расчета 7-й батареи 1037-го артиллерийского полка сержант Д. Т. Ломоносов боевую задачу на уничтожение вражеской прожекторной установки. 2 ноября 1943 года его пушку переправили на остров. Четыре ночи артиллеристы вели «охоту» за прожектором. Выкатывали орудие на прямую наводку и, как только вспыхивал луч прожектора, делали несколько прицельных выстрелов и тут же закатывали орудие в укрытие. Оставаться на открытой огневой позиции было невозможно, потому что почти тут же на остров обрушивался шквал огня. Время от времени раздавался характерный вой шестиствольного миномета, которому кто-то из наших бойцов дал кличку «геббельс».

И вот, в ночь накануне 26-й годовщины Октября, пришел успех. Третьим снарядом вражеский прожектор был подавлен. На следующий день командир орудия Д. Т. Ломоносов принимал поздравления и вместе с сержантом Л. И. Шуть получал новую задачу — уничтожить надоевшего всем «геббельса». А еще через пару дней Дмитрий Трофимович оказался раненным шальной пулей, застрявшей в височной кости. Командир огневого взвода лейтенант Иванов приказал санинструктору Марии Шехвостовой немедленно доставить сержанта Д. Т. Ломоносова в медсанбат.

— В нашем дивизионном медсанбате мне удалили пулю, — продолжал рассказ Дмитрий Трофимович, — а на лечение отправили в полевой госпиталь, в который, как я знал, после ранения у Голой Долины был до-

ставлен мой однополчанин и земляк Анатолий Кулешов. Когда же я поинтересовался его судьбой, вдруг выяснилось, что он скончался в госпитале. Настроение у меня упало, и я твердо решил при первом удобном случае «бежать» из этого госпиталя. Так и поступил. От ребят узнал, что дивизия готовится к оставлению плацдарма и к передислокации на левый берег Днепра. Потом уйдет на новый участок, и я могу от нее отстать. Чтобы этого не случилось, 2 декабря я сбежал из госпиталя. А через неделю был в своем полку, и в конце декабря третий раз форсировал Днепр, по еще не окрепшему льду... Принимал участие в Никопольско-Криворожской наступательной операции...

Не раз о смелых действиях орудийного расчета сержанта Д. Т. Ломоносова рассказывалось на страницах дивизионной газеты. За проявленное мужество в боях по освобождению Донбасса он был награжден медалью «За отвагу», за форсирование Днепра — орденом Красной Звезды. Под Никополем и Николаевом, на подступах к Одессе и в излучине Днестра пушка нашего земляка громила захватчиков. От боя к бою росло мастерство командира орудия. Не случайно он был в числе первых, кто удостоился значка «Отличный артиллерист». Вот как рассказывалось о нем в статье лейтенанта В. Иодко «Ненестовой громо-вержец», которую опубликовала армейская газета: «...Далеко позади* осталась освобожденная от врага родная, советская земля. Ломоносовская пушка прошла по Румынии и Венгрии, расчет на руках подымал ее на кручи Восточных Карпат и Трансильванских Альп, переправлял через десятки рек и речек.

Бои сменялись боями, и всегда орудие Ломоносова стояло в самых трудных и опасных местах. Все знали: если здесь Ломоносов — значит, все будет в порядке,

не пройдут вражеские танки, разобьются контратаки противника.

— Мастер прямой наводки! — говорили бойцы и командиры о Ломоносове. — Настоящий громовержец!»

Осенью 1944 года развернулись тяжелые бои на территории Венгрии. Враг оказывал отчаянное сопротивление, бросал в бой все свои резервы. После ожесточенного сражения воины 203-й стрелковой дивизии ворвались в венгерский город Киндереш. Третий дивизион 1037-го артиллерийского полка получил задачу прикрыть железнодорожную станцию. Как оказалось впоследствии, командование предвидело вражеский маневр именно на этом направлении. Действительно, как только артиллеристы 7-й батареи окопались почти у полотна железной дороги, послышался отдаленный гул.

— Не иначе, как поезд идет? — высказался кто-то из разведчиков.

— Не может быть! — возражали огневики.

Последовала команда командира батареи старшего лейтенанта Соколова — уточнить обстановку. Разведчики побежали к полотну, пришли к рельсам, поднялись и крикнули, что движется поезд. А еще через какое-то время из-за поросшего лесом склона выскочил небольшой состав с двумя паровозами.

— Огонь! — раздалась команда.

После третьего выстрела один из паровозов окутало дымом. Состав затормозил, а потом начал движение в обратном направлении, толкая подбитый паровоз. Как выяснилось, противник не располагал сведениями о том, что Киндереш захвачен нашими войсками, и на помощь его гарнизону направил несколько вагонов с пехотой. Артиллеристы сорвали эту операцию. А расчет сержанта Д. Т. Ломоносова

записал на свой боевой счет подбитый вражеский паровоз.

В Чехословакии прогремели последние победные залпы артиллеристов 203-й стрелковой дивизии. А когда стал вопрос о том, кому представлять 1037-й артиллерийский полк на Параде Победы в Москве, названы были два командира орудий: Алексей Андреевич Григорьев и Дмитрий Трофимович Ломоносов. Так рядом и прошли они по брусятке Красной площади в сводной колонне 2-го Украинского фронта.

Кавалером орденов Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Славы II и III степени, многих медалей возвратился в Кабардино-Балкарию Д. Т. Ломоносов. Подводя итоги своего ратного труда, он не без гордости говорит о том, что его расчет внес свою долю в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков: подбил и уничтожил 2 вражеских танка, 3 бронетранспортера, 2 самоходки, 6 автомашин, паровоз, разбил два наблюдательных пункта, 6 огневых точек, 4 орудия, мотоцикл, 12 повозок, уничтожил несколько десятков гитлеровцев.

СОДЕРЖАНИЕ	
В АВГУСТЕ СОРОК ВТОРОГО	
3	
НА ПЛАЦДАРМЕ	
8	
НАЧАЛО	
13	
В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НАСТУПЛЕНИЯ	
17	
ТРУДНЫЕ ДОРОГИ НАСТУПЛЕНИЯ	
22	
ПРОНЕСЛИ ЧЕРЕЗ ГОДЫ	
26	
О ТЕХ, КТО ШЕЛ РЯДОМ	
31	
СКОЛЬКО БЫЛО ПРОЙДENO	
35	
КОМАНДИР ОРУДИЯ	
40	
ПО ЗОВУ СЕРДЦА	
45	

У ГОЛОЙ ДОЛИНЫ	
	50
СХВАТКА С «ТИГРОМ»	
	53
ТЕПЕРЬ НЕ ВЕРИТСЯ ДАЖЕ...	
	58
ОГНЕВИКИ	
	64
БЫТЬ ПАМЯТИ ВЕЧНОЙ	
	71
В ТОПОГЕОДЕЗИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКЕ	
	76
СОРОК ШЕСТЬ ДНЕЙ И НОЧЕЙ	
	80
ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО	
	84
В МАЕ СОРОК ЧЕТВЕРТОГО	
	88
В ИЗЛУЧИНЕ ДНЕСТРА	
	92
РАДИСТЫ	
	97
ФРОНТОВЫЕ ПОБРАТИМЫ	
	112

РАЗВЕДЧИК НИКОЛАЙ БЕРШАДСКИЙ

117

ВЕСЬ ПУТЬ

122

В ПОЛУЭСКАДРОНЕ КОННОЙ РАЗВЕДКИ

138

УЧАСТНИК ПАРАДА ПОБЕДЫ

143

Общественно-политическое издание

Лесев Виталий Дмитриевич

ОДНОПОЛЧАИЕ

Редактор О. Л. Опрышко

Художник И. Г. Абрамов

Художественный редактор В. Л. Захаров

Технический редактор Н. М. Мокеева

Корректор Л. И. Ким

ЛКБ № 1 от 30.09.91

Сдано в набор 05.04.94. Подписано к печати 14.07.94.

Формат 70×100^{1/32}. Бумага типографская № 1.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 6,18. Уч.-изд. л. 6,44.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1159

Издательство «Эльбрус»

Нальчик, ул. Адмирала Головко, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года

Мининформпечати КБР

Нальчик, проспект Ленина, 33

Лесев В. Д.

Л Однополчане.— Нальчик: Эльбрус, 1994.—
152 с.

ISBN 5-7680-0857-8

В книге рассказывается о жителях Кабардино-Балкарии, сражавшихся в 1942—1945 годах в составе 203-й Запорожско-Хинганской ордена Красного Знамени и Суворова II степени стрелковой дивизии.

**Л 0503020600-058
М125(03)-94 65-94**